

РОБЕРТ ЛЬЮИС
СТИВЕНСОН

*Похищенный
Катриона*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Роберт Льюис Стивенсон
Похищенный. Катриона

«Азбука-Аттикус»

1886, 1893

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Стивенсон Р.

Похищенный. Катриона / Р. Стивенсон — «Азбука-Аттикус»,
1886, 1893 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-17272-2

Роберта Льюиса Стивенсона по праву можно назвать одним из выдающихся мастеров приключенческого и детективного жанров. Его романы, повести, рассказы читаются на одном дыхании. Его произведения полны всевозможными заговорами, дуэлями, похищениями, убийствами, сенсационными разоблачениями и прочими авантюрными событиями. Таковы романы о приключениях отважного Дэвида Бальфура, наследника старинного дворянского рода, волею судьбы вынужденного скитаться по всему свету – от Эдинбурга до самых дальних необитаемых тихоокеанских островов. Пираты и разбойники, кораблекрушения, благородная страсть и война за независимость Шотландии, – жизнь Дэвида Бальфура, воплощенная в двух романах, «Похищенный» и «Катриона», до сих пор волнует воображение читателей всех возрастов.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17272-2

© Стивенсон Р., 1886, 1893
© Азбука-Аттикус, 1886, 1893

Содержание

Похищенный	6
Посвящение	7
Глава 1. Я отправляюсь в поместье Шос	8
Глава 2. Дорога в Шос	11
Глава 3. Я знакомлюсь со своим дядюшкой	14
Глава 4. Я подвергаюсь смертельной опасности	19
Глава 5. Я отправляюсь в Куинсферри	23
Глава 6. Что случилось у перевоза	27
Глава 7. Я ухожу в море на «Ковенанте»	30
Глава 8. Шкиперская каюта	34
Глава 9. Человек с поясом, полным золота	37
Глава 10. Осада шкиперской каюты	43
Глава 11. Шкипер идет на уступки	47
Глава 12. Я узнаю о рыжем лисе	50
Глава 13. Крушение	55
Глава 14. Островок	59
Глава 15. Юноша с серебряной пуговицей	64
Глава 16. Юноша с серебряной пуговицей. По Морвену	69
Глава 17. Смерть рыжего лиса	73
Глава 18. Разговор в Леттерморском лесу	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Роберт Льюис Стивенсон

Похищенный; Катриона

© И. Гурова (наследник), перевод, 2017

© С. Леднев, перевод, 1987

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Похищенный

Записки о приключениях Дэвида Бальфура в 1751 году, о том, как он был похищен и потерпел кораблекрушение; о его страданиях на необитаемом острове и странствиях в горах Шотландии; о том, как он познакомился с Аланом Бреком Стюартом и другими известными якобитами-горцами, и обо всем, что он претерпел от своего дяди Эбинизера Бальфура, присвоившего себе поместье Шос, – записки, составленные им самим и ныне изданные Робертом Льюисом Стивенсоном.

Посвящение

Дорогой Чарлз Бакстер! Если тебе когда-нибудь доведется прочесть эту книгу, то, видимо, у тебя возникнет столько вопросов, что я едва ли смогу удовлетворить твое любопытство. Так, наверное, ты будешь недоумевать, почему вдруг убийство в Аппине ни с того ни с сего перекочевало в 1751 год, почему вдруг Торрэнские скалы переместились так близко к Эррейду, а в материалах суда нет ни единого слова о Дэвиде Бальфуре. Я, право, не в силах ответить, почему так вышло. Но если ты вдруг усомнишься в виновности или жс, напротив, невиновности Алана, то тут, как мне кажется, я смогу постоять за свое повествование. Тебе нетрудно будет удостовериться, если ты побываешь в Аппине, что народное предание и поныне весьма благосклонно к Алану Бреку. Расскажут тебе и о потомках убийцы; однако, сколько бы ты ни допытывался, ты не услышишь его имени, ибо горцам дороги тайны и они умеют хранить их. Я мог бы пуститься в бесконечные разъяснения, соглашаясь или не соглашаясь со всевозможными замечаниями, но честнее будет признаться сразу, что я отнюдь не стремился в этом романе к исторической достоверности. Предназначен он вовсе не для того, чтобы пополнить собрание томов в библиотеке ученого, а для юных читателей, для чтения зимними вечерами, когда занятия в классах уже окончены и близится пора сна. В новом своем воплощении честный и верный Алан – скандально известный бретёр того времени – изображен у меня с единственным дерзким намерением, а именно: отвлечь какого-нибудь юного джентльмена от чтения Овидия и перенести его хоть на миг в Горную Шотландию минувшего века с тем, чтобы засыпал он с приятными, сладкими грезами.

Что до тебя, дорогой Чарлз, то я не смею даже надеяться увлечь тебя этой книгой. Но быть может, она понравится твоему сыну, когда тот подрастет. Быть может, его хотя бы обрадует имя отца на титуле, а пока я с удовольствием ставлю имя твое в посвящении к роману в память о многих счастливых и немногих печальных днях нашей юности, с одинаковой теплотой хранимых в сердце. Если я, отдаленный временем и пространством от этой светлой поры, с удивлением вспоминаю наши с тобой приключения, как же странно, как удивительно вспоминать их тебе, – тебе, который ходит по тем же памятным улицам, который в любой день может переступить порог старой читальной залы, где нас теперь начинают ставить рядом со Скоттом, Робертом Эмметом, бесславным, но столь любезным сердцу Макбином, – тебе, который может посетить тот уголок, где собиралось и пило пиво наше шумное общество, восседая на тех же местах, на которых некогда сизживал Бернс со своими друзьями. Я представляю себе сейчас, как ты идешь по этим местам, созерцая при свете белого дня то, что твоему другу предстает лишь ночью, в грезах и сновидениях. О, как посреди текущих дел и забот отзывается, верно, в твоей душе бывшее! Пусть же как можно чаще отзывается в ней память о твоём друге.

Р. Л. С.

Скерривор, Борнмут

Глава 1. Я отправляюсь в поместье Шос

Рассказ о своих приключениях я начну с того самого утра в начале июня 1751 года, когда в последний раз я перешагнул порог отчего дома. Солнце уже осветило вершины холмов, и к тому времени, как дошел я до дома священника, в кустах сирени в саду распевали дрозды, туман, застилавший долину, начинал расходиться и таять.

Эссендинский священник, мистер Кэмпбелл, поджидал меня у садовой калитки. Он спросил первым делом, не хочу ли я подкрепиться, и, услышав, что я уж позавтракал, с чувством, обеими руками пожал мою руку и, завладев ею, пошел, увлекая меня за собой.

– Ну, Дэви, – сказал он, – пойдем провожу тебя до брода, выведу на дорогу.

Какое-то время мы шли рядом, не говоря ни слова.

– Жаль, верно, тебе покидать Эссендин? – прервал молчание мистер Кэмпбелл.

– Трудно сказать, сэр, – отвечал я. – Если б я знал, куда я иду и что ожидает меня впереди! Эссендин, конечно, это прекрасно. Здесь прошли лучшие мои дни, но ведь, кроме Эссендина, я нигде не был. Родители мои умерли, и души их равно далеко что отсюда, что от Венгерского королевства. Сказать по правде, я уходил бы отсюда с большей охотой, если бы мог надеяться, что достигну некоторого положения в свете.

– Ну что ж, коли так, Дэви, я скажу, что тебя ожидает, приоткрою завесу твоего будущего, насколько, конечно, в моей власти предрекать будущее. Когда умерла твоя матушка, твой отец (о, это был достойный христианин!) загоревал и, предчувствуя, что близок и его черед, передал на хранение мне письмо, в котором, по его словам, заключается твое наследство. «Когда я умру и мое имущество распродадут (как ты знаешь, воля покойного была исполнена), передайте, – говорит, – это письмо сыну и отправьте его в поместье Шос, что в крамондском приходе. Там я родился и хотел бы, чтоб сын возвратился в родные края. Юноша он благоразумный, ноги у него скорые, я уверен, что он доберется благополучно и придется там ко двору».

– В Шос? – воскликнул я в удивлении. – Но помилуйте, мой отец был беден. При чем тут он и поместье Шос?

– Э, кто знает, кто знает, Дэви, – сказал мистер Кэмпбелл. – Видишь ли, у владельцев поместья та же фамилия, что и у тебя. Бальфуры из Шоса принадлежат к старинному, доброму, почтенному роду, который в последние годы, как видно, угас. К тому же, заметь, твой отец был хорошо образован, как, впрочем, и подобало человеку его положения. Каким он был школьным наставником! Таких теперь уж не сыщешь. Его манеры и речь изобличали в нем благородное происхождение, и он нисколько не походил на обыкновенного деревенского учителя. Ты помнишь, он часто бывал у нас в доме, и я да и родственники мои – Кэмпбеллы из Килреннета, из Дансвайра, из Минча – находили чрезвычайное удовольствие в беседах с ним. А в довершение сказанного вручаю тебе завещательное письмо твоего батюшки. Царство ему небесное!

С этими словами он дал мне письмо, на котором рукою отца было начертано следующее: «Эбинизеру Бальфуру, эсквайру¹, в собственные руки. Податель сего – мой сын, Дэвид Бальфур». При мысли о блестящей будущности, ожидавшей меня, семнадцатилетнего юношу, сына бедного деревенского учителя из Этрикского леса, я почувствовал, как трепетно забилося во мне сердце.

– Мистер Кэмпбелл, – пробормотал я, – если бы вы были на моем месте, вы бы пошли туда?

– Ну конечно пошел бы, – воскликнул священник, – и притом не медля. Да с твоими ногами я бы уже на вторые сутки был в Крамонде. Это неподалеку от Эдинбурга. В худшем случае, если твои именитые родственники (а я все же склонен думать, что Бальфуры из Шоса

¹ Эсквайр – почетный титул дворян. (Здесь и далее прим. перев.)

тебе родня), если они вдруг выставят тебя за порог, что же... два дня пути, и ты опять здесь. Помни, в моем доме тебе всегда рады. Впрочем, надо полагать, тебя хорошо примут и со временем, как знать, ты добьешься и богатства, и почестей, что и прочил тебе покойный твой батюшка. А сейчас, сын мой, дабы облегчить наше расставание, почитаю долгом предостеречь тебя от опасных соблазнов, коих так много на этом свете.

С этими словами он посмотрел вокруг, где бы присесть, и, заметив придорожный валун у березы, сел с нахмуренным видом, вытянув губы, и накрыл носовым платком сдвинутую набекрень треуголку, потому что солнце, зависнув меж двух холмов, светило теперь нам прямо в лицо. Затем, подняв кверху указательный палец, мистер Кэмпбелл стал с важностью говорить о том, сколь опасны всевозможные ереси, к которым, впрочем, я и не думал склоняться, и о том, что лучшее средство от искушения – это молитва и чтение Библии. Далее он расписал в ярких красках богатый, большой дом, в который мне предстояло явиться, и посоветовал, как вести себя с его обитателями.

– Будь уступчив в делах несущественных, – говорил он. – Помни, что хотя в твоих жилах и течет благородная кровь, но воспитан ты все же в глуши, в деревне. Так смотри же, не осрами нас. Дом большой, разные в нем люди, много всякой прислуги, домочадцев. Будь осмотрителен, сметлив и любезен, не болтай лишнего. Что же касается до помещика, то помни: он лэрд², и этим все сказано. Как говорится, у кого заслуги, тому и почет. Исполнять указания лэрда – одно удовольствие, а для юноши так только во благо и в поучение.

– Быть может, вы правы, сэр, – отвечал я. – Как бы то ни было, обещаю следовать вашему совету.

– Вот и прекрасно! – воскликнул священник. – А теперь займемся делами не столь существенными, вернее, позволю себе каламбур, не столько существенными, сколько вещественными. Вот здесь у меня четыре вещицы. – С этими словами он запустил руку в карман своего плаща и не без некоторого усилия извлек из него небольшой пакет. – Одна из них принадлежит тебе по праву наследования. Это деньги за книги и прочие вещи твоего покойного батюшки. Я купил их, как я уж тебе говорил, с тем чтобы с выгодой перепродать новому школьному учителю. Затем подарки от меня и от миссис Кэмпбелл. Хочу надеяться, они придутся тебе по душе. Первый, круглый, вероятно, тебя особенно обрадует. Но, сын мой, помни: это что капля в море. На первых порах он, конечно, тебе поможет, но смотришь, и нет его – растаял, как утренний туман. Второй же, четырехугольный, исписанный буквами, сослужит тебе добрую службу до конца дней твоих, как служит посох страннику или подушка – больному. Ну а последний, кубической формы, будет хранить тебя до конца на пути истинном. Хочу надеяться, что так оно и будет.

Произнеся эту речь, он встал, снял шляпу и, с видом необыкновенно взволнованным, помолился за юношу, отправляющегося на поиски своего счастья, потом вдруг обнял меня, порывисто отстранил и поглядел мне в глаза с выражением глубокой печали. Затем, быстро повернувшись на каблуках, он обронил в слезах последнее «прощай, Дэви!» и скорой, пружинистой походкой зашагал восвояси. Иной, быть может, и посмеялся бы над этим; мне же, однако, было тогда не до смеха. Я все смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду; он так ни разу и не обернулся. Я подумал, как же, верно, он опечален, расставшись со мной, и мне стало стыдно – ведь в глубине души я очень был рад сменить деревенскую глушь на поместье, где царит оживление, где живут богатые и знатные мои однофамильцы, с которыми я состою в родстве.

«Дэви, Дэви, – укорял я себя, – откуда такая черная неблагодарность? Неужели при одном лишь упоминании знатных родственников ты готов забыть своих старых друзей и все то доброе, что они для тебя сделали?»

² Лэрд – титул землевладельца в Шотландии.

Я сел на валун, на котором только что сидел мой добрый учитель, и развернул пакет с подарками. Что мистер Кэмпбелл назвал кубическим, оказалось, как я и думал, карманною Библией. Вслед за ней я достал из пакета шиллинг, так называемую круглую вещь, а затем и третий подарок, долженствовавший хранить меня от недугов, – пожелтый лист плотной бумаги, на котором красными чернилами было старательно выведено:

Ландышевая вода

Настоять цветы ландыша на сухом вине и принимать по ложке, а то и две в день, смотря по надобности. Возвращает дар речи при параличе языка, помогает при сердцебиении, способствует укреплению памяти. Цветы же ландыша положить в банку, плотно умять и опустить в муравейник. По прошествии месяца банку извлечь и собрать в пузырек влагу, выделенную цветами. Исцеляет всякие недуги. Принимать надлежит лицам любого возраста, мужского, равно как и женского пола.

А ниже рукою священника было приписано:

При растяжении суставов втирать, а при коликах принимать по столовой ложке ежечасно.

Все это не могло не вызвать у меня улыбки и даже смеха, но смех, не успев зазвенеть, тотчас же оборвался: пора было отправляться в дорогу. Надев свой узел на конец палки и вскинув ее на плечо, я перешел вброд речку, поднялся на гору и, выйдя на большую дорогу, петлявшую в зарослях вереска, бросил прощальный взгляд на эссендинскую церковь и старое кладбище, поросшее рябинами, где покоились вечным сном бедные мои родители.

Глава 2. Дорога в Шос

На другой день, около полудня, с вершины большого холма я увидел обширную долину, тянувшуюся под уклон до самого моря. Долину пересекала гряда холмов; на них раскинулся Эдинбург, дымивший трубами, словно огромная калильная печь. На башне замка развевался флаг; в заливе стояли на якоре суда, а некоторые корабли шли в гавань. Мне было видно сверху отчетливо, хотя до залива было еще далеко. При виде этой величественной картины, столь непривычной для деревенского жителя, мной овладело волнение.

Я начал спускаться с холма и вскоре набрел на пастушью хижину. На вопрос мой, далеко ли до Крамонда, пастух махнул рукой, показывая влево, и я пошел дальше. Выспрашивая дорогу, я миновал Колинтон, расположенный к западу от столицы, и вышел на тракт, ведущий в Глазго. Тут, к великому моему удивлению и восторгу, я увидел солдат на марше под начальством старого генерала с багровым лицом, гарцевавшего на сером скакуне впереди колонны. За генералом следовали флейтисты, а замыкала движение рота гренадеров в высоких шапках наподобие папской тиары³. Бравурная музыка, блестящие красные мундиры подействовали на мое воображение, наполнив сердце восторженностью.

Довольно скоро я очутился в пределах крамондского прихода и стал теперь расспрашивать встречаемых, как мне попасть в Шос. Однако при этом слове на лицах людей изображалось сильное удивление. Сперва я решил, что причиной тому моя простая, деревенская одежда, изрядно запылившаяся за сутки пути. Ничуть не бывало. Получив несколько уклончивых ответов, сопровождавшихся недоуменными взглядами, я заключил, что причина, должно быть, другая. Как видно, дело было в самом поместье.

Чтобы рассеять закрававшиеся опасения, я решил спрашивать по-другому, и, когда со мной поравнялась телега, на которой, держа вожжи, стоял деревенский малый, я спросил, не слышал ли он о поместье Шос. Малый придержал лошадь и вперил в меня удивленный взгляд, какой вперяли, впрочем, и все другие, к кому я обращался с подобным вопросом.

– Как не слышать. А что тебе за нужда?

– А большое ли это поместье?

– Да не маленькое.

– Ну а люди, много ли их там? – допытывался я.

– Люди? Да ты с ума сошел: какие ж там люди?!

– Но постой, а мистер Эбинизер?

– Ну, разве этот... Если ты к лэрду, тогда другое дело. Только на что он тебе сдался?

– Мне сказали, что у него можно получить место.

– Место?! – воскликнул мой собеседник голосом таким пронзительным, что вздрогнула даже лошадь. – Вот что, приятель, ты мне кажешься малым порядочным. Это, конечно, не моего ума дело, но вот тебе мой совет: держись-ка ты подальше от Шоса.

Вскоре внимание мое привлек человек небольшого роста, в напудренном парике, показавшийся мне цирюльником, спешившим, верно, побрить какого-нибудь селянина. Зная, что от цирюльников можно многое разузнать, ибо все они большие охотники до сплетен, я спросил его между прочим, что за человек мистер Бальфур из Шоса.

– О господи! – изумился цирюльник. – Да разве это человек?! Так, тьфу! – и тотчас начал допытываться, что за дело у меня к мистеру Бальфуру. Но на сей раз я отвечал так уклончиво, так туманно, что хитрый цирюльник ничего от меня не добился.

Однако ж можете себе представить мое разочарование. Рушились все мои надежды. Чем туманнее звучали обвинения в адрес помещика, тем больше они настораживали, тем ярче

³ Тиара – корона папы римского.

рисовало их мое воображение. Что же это за дом, если при одном его имени люди вздрагивают и глядят на тебя с недоумением. И каков, должно быть, помещик, коли дурная молва о нем ходит по всей округе! Если б до Эссендина было недалеко, я тотчас повернул бы назад к мистеру Кэмпбеллу. Но было уже поздно. К тому же глупо было отказываться от своего намерения из-за одних только слухов. Самолюбие подстрекало меня идти вперед, и я шел, несмотря на обескураживающие замечания, положив во что бы то ни стало самому во всем убедиться. Правда, шагал я уже тише, на душе у меня были недобрые предчувствия.

День медленно клонился к закату, когда, поднимаясь в гору, я завидел впереди женщину, спускающуюся мне навстречу. Рослая, полная, с загорелым угрюмым лицом, она шла тяжело, как видно, издалека. Поравнявшись с нею, я спросил дорогу в поместье Шос. Женщина резко обернулась, вызвала меня проводить и с холма указала на большое строение слева, угрюмо возвышавшееся в глубине долины. Местность вокруг была живописна: лесистые склоны холмов, по которым сбегали ручьи, тучные нивы... Урожай, как видно, здесь собирали хорошие. И только дом показался мне очень странным: издалека – будто развалины, ни дороги к нему, ни дымка из трубы, ни сада вокруг; все точно вымерло. Сердце во мне так и упало.

– Неужели этот? – удивился я, поглядев на свою провожатую.

Злоба вспыхнула на ее лице.

– Этот, он самый. На крови вырос, от крови заглох, от крови же и сгинет. Вот смотри, – вскрикнула она, – я плюю на него. Прах его побери. А увидишь хозяина, так и передай: в тысячу двести пятнадцатый раз Дженнет Клаустон посылает ему проклятие. Будь он проклят – он, его дом, конюшня, гости его, жена и все его дьявольское отродье! Страшной, страшной будет его гибель!

Тут моя провожатая, проговорив это, будто черное заклинание, повернулась и вмиг исчезла, точно ее и не было. Я опешил, волосы мои стали дыбом. В те времена еще верили в колдовство и ведьм, и проклятия повергали людей в трепет. Тирада, произнесенная незнакомкой, прозвучала как последнее предостережение; еще было время одуматься, отказаться от честолюбивых помыслов, еще было время вернуться.

Я сел у обочины и стал смотреть на усадьбу. Чем долее я глядел, тем больше нравилось мне это место. Кусты боярышника, усыпанные белым цветом, на лугах мирно пасутся овцы, вот в небе с гомоном пролетела стая грачей. Да, природа здесь благодатна и земля щедра. И только дом, уродливый, мрачный, вызывал у меня неприятные чувства.

Между тем с полей начали возвращаться крестьяне. Сидя у обочины, погруженный в раздумье, я даже не поздоровался с ними, как того требовал деревенский обычай. Солнце зашло, и на блеклом небе обозначился сизый дымок, плывущий со стороны дома. Издали он казался не больше, чем пламя свечи, но, что ни говори, где дым, там и огонь, а значит, домашний очаг, ужин. Есть, стало быть, в доме живые люди. Мысли эти сильно меня ободрили, как не ободрила бы, пожалуй, даже целая бутылка ландышевой воды, которую так превозносил мистер Кэмпбелл.

В траве я разглядел тропинку, ведущую к дому, до того неприметную, что даже не верилось, что по ней ходят; однако ж другой я не видел, – верно, ее и не было. Тропа привела меня к обветшалой каменной арке с облупившимися колоннами и гербом. Рядом стояла сторожка привратника, только почему-то без крыши. Ни кованых железных ворот, ни садовой ограды, ни подъездной аллеи – ничего этого не было. Виднелась дощатая калитка, привязанная жгутом, которой, видно, никто не пользовался, а тропа, огибая колонны справа, уходила во двор.

Чем ближе подходил я к дому, тем мрачнее и безобразнее он мне казался. На вид это был и не дом вовсе, а только одно крыло незавершенной постройки. Средняя часть строения тоже была недостроена и наверху сквозила маршами лестницы. Всюду, куда ни глянь, зияли пустые глазницы окон; лишь кое-где были вставлены стекла. Слепые окна облюбовали летучие мыши. Они залетали в дом, как голуби на голубятню.

Между тем начало смеркаться. В трех нижних узких решетчатых окнах, расположенных довольно высоко, замелькал огонек.

Так вот какой дворец уготовила мне судьба! Ужели в нем, в этих стенах обрету я друзей, сбудутся мои надежды на блестящую будущность?! Даже в Эссен-Уотерсайде, в доме, где жил мой отец, и то не жалели огня, не тушили свеч по ночам, чтобы путник, сбившийся с дороги, мог отыскать приют для ночлега. Свет в нашем доме, бывало, виднелся за целую милю.

Осторожно я подошел к крыльцу. В доме гремели посудой, затем раздался сухой отрывистый кашель. Прошла минута, кашель затих, но никаких голосов я не расслышал, не было и собачьего лая.

Дверь, сколько я мог различить в сгустившихся сумерках, была дубовая, чрезвычайно массивная, обитая чуть не сплошь гвоздями. Собравшись с духом, я постучал. Никто не ото-звался – в доме все замерло, одни летучие мыши откликнулись на мой стук и закружили над головой. Я постучал снова – опять тихо. Теперь, напрягая слух, погружаясь в безответную тишину дома, я уловил, как тикают часы за дверью, но все по-прежнему было глухо, как будто там, внутри, люди затаили дыхание.

Я стал раздумывать, уж не дать ли мне тягу, но тут меня взяла злость, и я изо всей силы руками, ногами стал колотить в дверь, зычным голосом клича хозяина. Моя настойчивость увенчалась успехом. Сперва я услышал наверху кашель, а затем, отпрянув от двери и взглянув на окно, увидел в нем высокий ночной колпак и нацеленный на меня мушкетон.

– Он заряжен, – предупредил меня голос сверху.

– У меня письмо к мистеру Эбинизеру Бальфуру. Могу ли я его видеть?

– А от кого письмо-то? – спросили сверху.

– Вам что за дело! – воскликнул я, не в силах удержать гнева.

– Хорошо, положи его у порога и можешь убираться ко всем чертям.

– И не подумаю! – возмущенно воскликнул я. – Я вручу его мистеру Бальфуру, как мне и было велено. Это письмо с рекомендацией.

– Что? Что такое? – визгливым голосом переспросил человек в колпаке.

Пришлось повторить.

– А кто ты такой? – после долгой паузы спросил он.

– Я не стыжусь своего имени. Меня зовут Дэвид Бальфур.

Только я проговорил это, послышался отрывистый стук мушкетона: человек наверху уронил его на подоконник. Мне показалось, что незнакомец вздрогнул. Последовало напряженное молчание.

– А что, твой отец неужто умер? – странно изменившимся голосом спросил он.

Перемена была столь разительна, что я смешался и не ответил ни слова.

– Да, как видно, умер, – продолжал человек в колпаке. – Иначе зачем бы ты стал осаждать мой дом, ломиться в двери. – И, помолчав немного, прибавил язвительным тоном: – Что ж, так уж и быть, впусти.

Проговорив это, он скрылся.

Глава 3. Я знакомлюсь со своим дядюшкой

Вскоре послышались скрежет цепочек, лязг отодвигаемых засовов. Дверь осторожно приотворилась и сразу захлопнулась, едва я успел переступить порог.

– Ступай на кухню, да смотри ничего не трогай, – сказал человек в колпаке и принялся тщательно приводить в порядок свои оборонительные приспособления, защелкивая одну за другой цепочки и задвигая засовы. В темноте ошупью я пробрался в кухню.

В очаге полыхало пламя; при его свете вырисовывались голые стены и на редкость скудная утварь: с полдюжины разных тарелок и плошек на полках, на столе, накрытом к ужину, тарелка овсяной каши, роговая ложка и стакан светлого, водянистого пива. Вот, пожалуй, и все, не считая двух-трех сундуков у стены да посудного шкафа в углу. И всё на замке. Вообразите, в обширной комнате со сводчатым лепным потолком! Отроду я не видывал ничего подобного.

Наконец, закрепив последнюю цепочку, обитатель дома вошел в кухню. Это было тщедушное, сгорбленное создание с землистым, изрытым морщинами лицом. На вид ему было лет пятьдесят, но с тем же успехом его можно было принять и за семидесятилетнего старца. На нем был фланелевый ночной колпак, фланелевый же халат поверх истрепанной рубашки, который заменял ему и камзол, и кафтан. Лицо старика покрывала густая щетина, но самое неприятное, гнетущее впечатление производили его глаза, украдкой следившие за каждым моим движением и ускользавшие от моего взгляда. Трудно было решить с первого раза, к какому сословию принадлежит этот человек, что за нужда держит его в этом доме. Более всего он походил на лакея, угрюмо доживающего свой век в сторожах и получающего за свои труды скудное пропитание.

– Что, проголодался? – спросил старик, искоса глядя в мою сторону. – Вон, на столе каша. Я замялся, сказав, что, как видно, прервал его трапезу.

– Ничего-ничего. Я уж как-нибудь обойдусь. Выпью-ка лучше эля. Говорят, он смягчает кашель.

И, не спуская с меня глаз, он осушил добрую треть стакана.

– А ну, покажи-ка письмо, – внезапно сказал он, протянув руку.

Я ответил, что письмо адресовано не ему, а мистеру Бальфуру.

– А кто ж я таков, по твоему разумению?! Дай-ка сюда письмо. Оно ведь от Александра.

– Как, вы знаете имя моего отца?

– Было бы странно, если б я не знал. Как-никак он был мне родным братом. А тебе, вижу, не очень-то я по душе, да и дом мой, похоже, тебе не нравится, и овсяная каша тебе не по вкусу. Что ж, любезный, – тебя, кажется, зовут Дэви – ничего не поделаешь. Выходит, я твой родной дядя, а ты мой родной племянничек. Так, стало быть. А теперь подай мне письмо и изволь есть что дают.

Будь я на несколько лет моложе, я бы не выдержал и разрыдался. Разные чувства теснились в моей душе: стыд, разочарование, уныние. Решительно сбитый с толку, не зная, радоваться мне или плакать, я подал ему письмо и молча принялся за еду, глотая кашу без всякого аппетита, насколько, конечно, это возможно в семнадцать лет.

Между тем дядя, наклонясь к очагу, тщательно изучал письмо, повертывая его то так, то этак.

– Что в нем? – внезапно спросил он. – Ты читал его?

– Вы же видите, сэр, что печать не сломана.

– Так-то так, а все-таки, что тебя привело ко мне?

– Я уже говорил вам: я пришел передать вам это письмо.

– Э, нет, – с лукавым видом сказал дядя. – Уж верно, ты на что-то надеялся, ведь не просто же так ты проделал такой путь.

– Должен признаться, сэр, когда мне сказали, что у меня есть богатые родственники, я действительно питал надежду на то, что они окажут мне покровительство. Но я не нищий, сэр. Я не прошу подаяния, мне ничего не нужно от вас, коль скоро я вам неугоден. Пускай я беден, но у меня есть друзья: они, поверьте, не откажут мне в помощи.

– Ну-ну, распетушился! – оборвал меня дядя. – Ничего, мы еще с тобой поладим. А теперь, дражайший племянник, я вижу, ты уже откушал моей каши, позволь же и мне немного подкрепиться. Да-а-а, – продолжал он, сидя на стуле, который я ему с поспешностью уступил. – Нет ничего питательнее овсяной каши.

И, пробормотав молитву, дядя принялся доедать из тарелки.

– Да-а, – начал он снова, отложив ложку. – Твой отец знал толк в еде. Да и ел не скакать чтобы много, но зато за милую душу. Ну а я так, понемножку, не то что, бывало, он. – С этими словами он отхлебнул пива, но тут, вспомнив, вероятно, об обязанностях гостеприимства, поспешил добавить: – Если хочешь пить, так вода у меня за дверью.

Я ничего ему не ответил, но и не тронулся с места. В груди моей klokотала злоба. Что же касается дяди, то он, чувствуя на себе мой взгляд, продолжал есть и временами взглядывал исподлобья, выхватывая настороженным взором то чулки мои, то башмаки, но по-прежнему не решаясь смотреть мне в лицо. Впрочем, раз глаза наши встретились. В его беглом, брошенном исподтишка взгляде изобразился на миг такой затравленный страх, какой, наверное, испытывает вор, запустивший руку в чужой карман, когда его ловят с поличным. Я подумал, что дядюшкина боязливость проистекает, видимо, из нелюдимости, замкнутости. Кто знает, быть может, привыкнув ко мне, он переменится. Резкий голос прервал мои размышления:

– А что, давно твой отец умер?

– Три недели назад, – отвечал я.

– Скрытный был человек Александр. Все, бывало, молчал, слова из него не вытянешь. А что, обо мне он ничего не рассказывал?

– Поверьте, я только от вас узнал, что у него, оказывается, есть брат.

– Боже мой! – воскликнул Эбинизер. – А позволь спросить, о поместье он ничего не сказывал?

– Ничего, сэр.

– Подумать только. Вот странный человек.

Тем не менее он, казалось, остался доволен, но то ли самим собою, то ли мной, то ли скрытностью моего отца – чем именно, я не мог понять. Было явно, однако, что его неприязнь ко мне постепенно сменялась каким-то иным чувством, ибо вскоре, отужинав, он подошел ко мне, потрепал по плечу, говоря:

– Мы еще с тобой поладим. Рад, что впустил тебя. А теперь пойдем, покажу, где ты будешь спать.

К моему удивлению, он не взял с собой ни свечи, ни лампы. Мы пошли по темному коридору, поднялись по лестнице. Дядя остановился у какой-то двери и, тяжело дыша, долго возился с ключами. Я шел за ним следом, несколько раз спотыкался и чуть было не упал. Темно было так, что хоть глаз выколи. Отперев дверь, дядя пропустил меня вперед. Я сделал на ощупь несколько шагов и, обернувшись, попросил дать мне свечу на ночь.

– И, полно, какие свечи! Луна на дворе.

– Вы ошибаетесь, сэр. Небо заволгло, и здесь ничего не видно. Постели и то не найдешь.

– Ну-ну, вздор. Ужасно боюсь, когда зажигают свечи. А вдруг, не ровен час, пожар. Нет-нет, уж не взыщи, мой милый. Спокойной ночи.

Я не успел промолвить и слова, как дядя живо захлопнул дверь и повернул ключ в замке. Поистине хоть плачь, хоть смейся. В комнате было сыро и холодно, как в колоде. Я добрел до кровати, но она оказалась сырее торфяного болота. По счастью, я захватил свой узелок с вещами. Закутавшись в плед, я лег на полу возле кровати и тотчас заснул.

Когда я проснулся, уже рассвело. Я увидел, что нахожусь в большой комнате с тремя окнами, обитой тисненой кожей и обставленной дорогой мебелью с инкрустацией. Лет десять, а может быть, двадцать тому назад покои эти были роскошны. Теперь здесь царило страшное запустение: грязь, сырость, мыши и пауки сделали свое дело. Несколько оконных стекол было выбито. И видимо, неспроста. Казалось, дядя сидел в осаде, обороняясь от разъяренной толпы соседей во главе с Дженнет Клаустон.

Между тем за окном ярко светило солнце. Я почувствовал, что продрог до костей. Я подбежал к двери своей темницы и принялся стучать и кричать. Пришел мой тюремщик и выпустил меня на свободу. Он вывел меня во двор, где стоял колодец с бадьей, предложил мне умыться, «ежели нужно», и оставил меня одного. Потом, насилу отыскав дорогу, я добрался до кухни, где на огне уже варилась овсяная каша. На столе виднелись две большие тарелки, подле каждой роговая ложка и уже знакомый читателю одинокий стакан пива. Вид его оказал на меня такое действие, что дядюшка, должно быть заметив мой удивленный взгляд, поспешил спросить, не желаю ли я выпить эля – так неизменно величал он этот напиток.

Я сказал, что не прочь иногда выпить пива, однако пусть он не беспокоится.

– Полно, полно, мой милый, – возразил Эбинизер. – Не могу же я тебе отказать, коли все в свою меру.

Он достал с полки второй стакан, а затем, к моему изумлению, вместо того чтобы налить пива из бочки, попросту отлил часть из своего стакана в другой, так что в обоих оказалось поровну. Без сомнения, это был благородный поступок. У меня даже захватило дух. Конечно, мой дядя порядочный скряга, подумал я, но зато он не лишен благородства, а в сочетании с благородством даже скупость, порок весьма неприглядный, вызывает подчас невольное уважение.

Когда каша была съедена, а пиво выпито, дядя Эбинизер достал из шкафа глиняную трубку и плитку табаку, отрезал себе на один раз, а остаток тотчас запер в шкаф. Затем, облюбовав место на подоконнике, в лучах солнца, он принялся пускать кольца дыма. Время от времени он бросал через плечо взгляд в мою сторону, после чего неожиданно спрашивал:

– Ну а как поживает твоя матушка?

И когда я отвечал, что матушка моя тоже умерла, помолчав немного, дядя говорил:

– Ах, господи. Да-а, хороша была девица.

И через несколько времени снова спрашивал:

– А скажи, что за друзья у тебя?

Я отвечал, что друзья мои принадлежат к роду Кэмпбеллов, хотя в действительности у меня среди них был только один друг, эссендинский священник; остальные же Кэмпбеллы, вероятно, даже не подозревали о моем существовании. Мысль, что дядя весьма невысокого обо мне мнения, была несносна, и потому я слукавил, желая придать себе весу в его глазах.

Между тем дядя покуривал свою трубочку, что-то усиленно соображая.

– Да, Дэвид, – наконец произнес он. – Ты правильно сделал, мой милый, что явился прямо к своему дядюшке. Я высоко чту фамильную честь и постараюсь что-нибудь для тебя сделать. Но куда я не решил, по какой части тебя пристроить – законоведческой, богословской или военной; последнее, как мне кажется, наиболее подходящее поприще для такого статного юноши, – так вот, куда я не решил, изволь меня слушаться. Мне совсем не нравится, что ты, носящий гордое имя Бальфуров, унижаешься до каких-то горцев, Кэмпбеллов. Чтобы больше я этого от тебя не слышал. Никаких посланий, никаких писем, никому ни слова, а иначе вот тебе бог, а вот – порог.

– Дядя Эбинизер! – воскликнул я. – У меня нет оснований полагать, что вы желаете мне дурного. Это было бы низко с моей стороны. Но поверьте, у меня тоже есть самолюбие. Попрошу вас заметить, я явился сюда не по своей прихоти. И если вы еще раз укажете мне на дверь, то знайте, я не заставлю вас повторять это дважды.

При этих словах дядя заметно смутился.

– Ну, полно-полно, любезный. Что за горячность. Потерпи уж денек-другой. Я же тебе не волшебник, чтобы извлекать деньги со дна тарелки, из которой едят кашу. Предоставь мне несколько дней, и, уверяю тебя, я подыщу тебе достойное место. Но помни: уговор таков – никому ни слова.

– Хорошо, я согласен, – проговорил я. – Но довольно об этом. А за помощь буду вам чрезвычайно признателен.

Я возомнил по самонадеянности, будто одержал верх над дядей, и, дабы закрепить свое превосходство, стал жаловаться на сырую постель, требуя просушить ее во дворе.

– Кто здесь хозяин, ты или я?! – пронзительным голосом вскричал дядя и тотчас притих. – Ну-ну, прости меня, Дэви. Это я так. Что же, всё в моем доме к твоим услугам, нам ведь делить нечего. В конце концов, родная кровь не вода. Как-никак ты мой единственный родственник.

И он принялся без умолку говорить о былом величии рода Бальфуров, о своем отце, распорядившемся перестроить дом, и о том, как он сам после смерти отца остановил строительство, почитая сию затею греховною расточительностью. Мне вспомнились слова Дженнет Клаустон, и я передал дяде наш разговор.

– Вот шельма! – воскликнул он в раздражении необыкновенном. – В тысячу двести пятнадцатый раз! Столько минуло дней с тех пор, как я продал имущество этой негодницы. Ну ничего, она у меня попляшет! «Будь проклят»... Да прежде она сама поджарится на углях! Ведь самая что ни на есть ведьма. Да я на нее к секретарю, в суд!

И с этими словами он кинулся к сундуку, достал из него очень старый, но, впрочем, вполне приличного вида синий кафтан, весьма недурную кастановую шляпу и принялся лихорадочно одеваться. Потом торопливо схватил со шкафа дорожную палку, запер сундук, спрятал ключи в карман и уж было направился к двери, как вдруг какая-то мысль остановила его.

– Нет, так не годится. Ты ведь останешься в доме. Придется запереть двери, а тебе побыть во дворе.

Кровь бросилась мне в лицо.

– Если вы только посмеете выставить меня за дверь, между нами все кончено.

Дядя побледнел и прикусил губу.

– Так не пойдет, – проговорил он со злобой, устремив в мою сторону косой взгляд. – Так-то ты добиваешься моего расположения?

– Сэр, – отвечал я, – при всем уважении к вашим летам и нашему родству должен, однако, заметить вам, что мало ценю ваше расположение и вовсе в нем не нуждаюсь. Меня воспитывали в сознании своего достоинства, и, будь вы хоть трижды мой дядя, а я сиротой, я бы не стал прибегать к низким уловкам, чтобы приобрести ваше расположение.

Дядя Эбинизер подошел к окну и несколько мгновений молча глядел во двор. Я заметил, что его трясет, точно в лихорадке, но, когда наконец он обернулся ко мне, на губах его играла улыбка.

– Хорошо, будь по-твоему, – проговорил он. – В конце концов, надо быть снисходительным. Я остаюсь. Все. Разговор исчерпан.

– Дядюшка, как прикажете вас понимать? – удивился я. – Вы обращаетесь со мной точно с вором. Вам неприятно мое присутствие, и вы даете мне это понять на каждом шагу. Я понимаю, что полюбить вы меня не в силах, я говорил с вами так, как доселе не говорил ни с кем. Зачем же тогда вы хотите, чтобы я остался? Уж лучше я отправлюсь к своим друзьям. Они меня любят и не будут тяготиться мною.

– Помилуй, – сказал он на сей раз уже без тени лукавства, – я ведь тоже тебя люблю, поверь мне. Вот увидишь, мы еще с тобой поладим. А потом, не могу же я отпустить тебя

так, ни с чем. Не пятнать же чести этого дома. Поживи у меня, мой друг, к чему горячность. Поживешь, пообвыкнешь, а там, глядишь, все устроится.

– Что же, коли так, сэр, – сказал я после некоторого раздумья, – я, пожалуй, останусь. Признаться, куда достойнее принимать помощь от родственников, нежели от чужих. И если меж нами не будет мира, видит бог, не я тому буду виной.

Глава 4. Я подвергаюсь смертельной опасности

Вопреки моим опасениям, день, начавшийся так безрадостно, прошел сносно. В полдень ели мы холодную кашу – остатки завтрака, зато на ужин явилась горячая. Стол дяди не изобиловал яствами: овсяная каша да легкое пиво, а в иной пище он, казалось, и не нуждался. Говорил он по-прежнему скупой, большей частью пребывал в задумчивости и лишь изредка, встретившись, задавал какой-нибудь вопрос. Я пытался завести разговор о моей будущности, но дядя всячески от него уклонялся. Благо он все же открыл для меня соседнюю комнату, где я обнаружил немало латинских и английских книг. Они-то и помогли скоротать время до ужина. Благодаря книгам пребывание в доме уже не казалось тягостным, и только при виде дяди, глаза которого точно играли в прятки со мной, в душе моей пробуждалось прежнее недоверие.

Мои сомнения усугубило еще одно обстоятельство. На заглавном листе одной книги – это был небольшой сборник баллад Патрика Уокера – я обнаружил дарственную надпись, сделанную рукой моего отца: «Брату моему Эбинизеру, в день его пятилетия». Мне показалось странным, что отец мой – а он, насколько я понял, был младшим братом, – не достигнув еще и пяти лет, умел писать превосходным, уверенным почерком. Не иначе тут была какая-то ошибка. В конце концов, не мог же отец перепутать дату? Чтобы как-то заглушить свои подозрения, я брал с полки один том за другим (тут было немало старинных романов, поэм, исторических трактатов, попадались и новые книги), но, как я ни тщился занять себя чтением, мысли мои поминутно возвращались к загадочной надписи. Выйдя к ужину, я не преминул поинтересоваться, рано ли начал читать мой отец и каковы вообще были его способности к учению.

– Александр? Да что ты! Помилуй! – воскликнул дядя. – Я был гораздо способней его. Мы и читать-то начали в одно и то же время.

Этот ответ еще больше озадачил меня. Уж не были ли они близнецами, подумал я и обратился к дяде с вопросом.

Только я это спросил, дядя вскочил со стула, точно ужаленный, роговая ложка упала на пол.

– Для чего тебе это знать? – воскликнул он, устремив на меня бешеный взгляд, и вцепился рукой в лацкан моей куртки. Я увидел близко его глаза – не глаза, а глазки, беспокойно моргающие, блестящие, как у птицы.

– Позвольте, сударь, что это значит! – невозмутимо отвечал я, ибо знал, что гораздо сильнее его, да к тому же был не из робких. – Уберите сейчас же руки. Что вы себе позволяете?!

Дядя нехотя повиновался.

– Послушай, Дэви, – с усилием проговорил он. – К чему все эти разговоры? Ты заговорил об отце, и я не сдержался. – Несколько времени он сидел неподвижно, потупясь, руки у него дрожали. – Как-никак он был мне братом... единственным, – прибавил он довольно невыразительно и, подняв ложку, молча принялся за еду, по-прежнему дрожа всем телом.

Этот странный поступок – то, что дядя чуть было не дал волю своим рукам, а потом вдруг пустился в сердечные излияния, – совершенно не укладывался в моей голове. С невольным страхом сливались во мне и неясные надежды. С одной стороны, дядя представлялся мне сумасшедшим и оставаться с ним под одним кровом было небезопасно; с другой же – невольно мое встревоженное воображение рисовало картину в духе старинных баллад, некогда мною слышанных: бедный юноша, законный наследник, и его дядя, злодейским образом присвоивший чужое имение. С какой стати дядя разыгрывает эту комедию? Передо мной, человеком со стороны, почти нищим? Не иначе в глубине души он не на шутку меня побаивается.

Подозрения мои были смутны, но не просто их было рассеять. Теперь, уподобясь дяде, я стал украдкой следить за каждым его движением. Мы сидели друг против друга, как кошка и мышь, обмениваясь настороженными взглядами. Дядя более ко мне не обращался. Он сидел

нахмурясь, что-то усиленно соображая. Чем более я наблюдал за ним, тем более убеждался, что мысли его отнюдь не благодетны.

Убрав со стола тарелку, он занялся своей трубкой, а затем, отодвинув стул к очагу, уселся перед окном, ко мне спиной, и какое-то время курил в раздумье.

– Дэви, – наконец произнес он. – Я все думаю... – Он замялся, умолк, а потом повторил уже сказанное. – У меня есть деньги, правда немного, те, что, можно сказать, тебе причитаются. Тебя-то тогда еще на свете не было. Так вот, обещался, помнится, твоему отцу. Да нет, не подумай, никаких векселей не было. Сам понимаешь: два джентльмена, бутылка вина. Ну, я проспорил. Так вот, деньги эти я сразу же отложил – как-никак долг джентльмена! – да вот отдать не привела судьба. А теперь к тому же эта сумма возросла до... дай бог памяти... до... – забормотал он, мучительно припоминая. – Да! Ровным счетом сорок фунтов будет! – С этими словами, произнесенными почти с надрывом, он косо взглянул на меня и вскрикнул пронзительно: – Шотландскими!

Добавление это было весьма существенное: ведь шотландский фунт в то время равнялся английскому шиллингу и дело от такой оговорки принимало совсем иной оборот. Я видел – это было явно, – что история с деньгами суший вымысел, придуманный с какою-то целью, но с какой именно – терялся в догадках.

– Припомните хорошенько, сударь, – не скрывая усмешки, сказал я. – Вероятно, английскими?

– Я так и сказал: английскими. А теперь хорошо бы ты вышел во двор, подышал свежим воздухом, ночь-то какая! А я, как деньги достану, тотчас тебя позову.

Я вышел, посмеиваясь про себя над тем, что дядя считает меня таким простофилей, которого так легко провести. Ночь была темная, небо почти беззвездно. Вдалеке, где-то в долине, глухо завывал ветер. Собиралась гроза. Я не мог и подозревать, какую важную роль в скором времени сыграет она для меня.

Наконец дядя позвал меня в дом. Он медленно отсчитал тридцать семь золотых гиней, а остаток – мелкие серебряные и золотые монеты – высыпал себе на ладонь, подумал немного и скрепя сердце положил в карман.

– Ну вот, теперь ты видишь? – торжественно произнес он. – Конечно, иным я кажусь странным. Кто же не без причуд. Но слово, как видишь, держу. Слово для меня закон.

Остолбенев от такого нежданного порыва великодушия, я смотрел на этого скрягу и не находил слов для изъявления своей благодарности.

– Да полно, не желаю слушать! – воскликнул он. – В конце концов, это мой долг. Другой на моем месте, наверное, поступил бы иначе, но у меня правила! Да, я человек бережливый, но мне приятно воздать справедливость сыну покойного брата. Надеюсь, теперь-то мы наконец поладим, как и подобает друзьям, тем более родственникам.

В ответ я употребил все свое красноречие, на какое был только способен, но меня не покидали сомнения: что же дальше? Откуда такая щедрость? Ведь его уверениям не поверил бы и ребенок.

Не прошло и минуты, как дядя снова взглянул на меня искоса.

– Ну а теперь оказал бы и ты мне услугу.

Я заверил его, что сделаю для него все, что только от меня зависит, и ожидал какого-нибудь чудачества, однако ж когда наконец дядя решился заговорить, то сказал только, что он слишком стар и силы его на исходе и потому хотел бы видеть в моем лице помощника. Все это прозвучало вполне убедительно. Я изъявил готовность.

– Ну вот и начнем, пожалуй! – сказал дядя.

С этими словами он достал из кармана ключ, изрядно изъеденный ржавчиной.

– Вот тебе ключ от башни. Войдешь в нее со двора: та часть дома у меня недостроена. Войдешь, поднимешься по лестнице. Там, наверху, ларец с бумагами. Они-то мне и нужны.

– Позвольте, однако, взять с собою свечу.

– Э, нет, сударь, – проговорил он с лукавым видом. – Никаких свеч. Был же у нас уговор.

– Что ж, как вам будет угодно, сэр. А лестница крепкая?

– Лестница превосходная, – сказал дядя и, заметив, что я уже тронулся с места, поспешил добавить: – Вот только перил нет. А ты за стену, за стену, потихоньку. А ступени-то прочные, слава богу.

Я вышел во двор. Было за полночь. Вдалеке по-прежнему слышались завывания ветра. Во дворе было тихо, в воздухе все точно замерло, небо было черно как сажа. Я старался не отступать от стены: недолго было и заблудиться. Кое-как добравшись до башни, я нащупал в темноте дверь, но только повернул в замочной скважине ключ, как вдруг блеснула зарница, небо все полыхнуло огнем, и снова воцарилась тьма. Ослепленный вспышкой, я прикрыл ладонью глаза, подождал с минуту и потянул дверь.

В башне было темно, хоть глаз выколи. Воздух стоял густой, тяжкий. Не ступил я и трех шагов, как наткнулся рукою на стену, а ногою попал на ступеньку. Стена на ощупь была почти гладкая, добротная, сложенная из обтесанных камней; ступени, высокие, узкие, тоже из цельного камня, как будто надежны. Перил у лестницы и впрямь не было; памятуя дядин наказ держаться за стену, я ощупью, с замиранием сердца стал подниматься.

Должно заметить, что дом был в пять этажей, не считая чердака. Но странное дело: чем выше я поднимался, тем легче становилось дышать: откуда-то сверху тянуло ветром. Не успел я подумать, отчего это может быть, как снова все озарилось молнией. Я застыл на месте, ужас сдавил мне горло: дюймах в двух от моей ноги зияла пропасть. Не выдержка спасла меня от падения – то, видно, небеса смилостивились надо мной. При свете молнии я увидел не только отверстия в стене, но и ступени – разной длины, с зияющим провалом сбоку. Казалось, я поднимался по открытым лесам.

«Ах, вот она, превосходная лестница!» – подумал я. Ярость овладела мной, и это придало мне решимости. Да, неспроста послал меня сюда дядя. Он знал, как опасен этот подъем, и, кто знает, быть может, нарочно послал меня на гибель. «Ну что же, – сказал я себе, – я выясню это во что бы то ни стало».

Опустившись на четвереньки, медленно, как улитка, ощупывая перед собой каждый дюйм лестницы, проверяя надежность каждого камня, я пополз выше. От вспышки молнии глаза мои застилал мрак. Но не только тьма окружала меня. Наверху расшумелись летучие мыши. Эти мерзкие твари проносились вниз, задевая мое лицо и плечи.

Надо заметить, что башня была четырехугольная. В каждом ее углу вместо забежной площадки лежала большая плита, причем плиты эти были разной длины. Итак, добравшись ощупью до одного из таких поворотов, я протянул, как и прежде, руку, но вдруг она соскользнула с края ступени вниз. Впереди лестница обрывалась. Посылать сюда человека, ранее здесь не бывавшего, да к тому же ночью, значило обречь его на верную гибель; и хотя я чудом ее избежал, самая мысль о том, какой опасности я подвергался, с какой чудовищной высоты мог бы сорваться, привела меня в трепет и на мгновение лишила сил. Холодный пот выступил у меня на лбу.

Убедившись в коварном замысле дядюшки, я повернулся и начал осторожно спускаться. Не успел я пройти и половины пути, как вдруг с шумом набежал ветер, башня вся загудела, но тотчас все стихло и пошел дождь. Через минуту он лил уже как из ведра. Спустившись вниз, я выглянул во двор. Входная дверь, которую я, уходя, прикрыл, была распахнута, и изнутри сочился тусклый свет. Мне показалось, будто на пороге стоит дядя. Вдруг снова блеснула молния, и я увидел, что не ошибся. Дядя стоял под дождем, настороженно к чему-то прислушиваясь. В следующий миг прогрехотал гром.

Принял ли дядя раскат грома за грохот, с которым я упал с башни, или же услышал в нем глас Божий, возвестивший о свершившемся преступлении, предоставляю о том судить вам.

Верно, однако, то, что от грома его обуял смертельный страх. Он опрометью кинулся в дом, а дверь так и осталась открытой. Я тихонько последовал за ним, остановился у порога и стал наблюдать.

Тем временем дядя достал из шкафа графин с водкой и теперь сидел за столом, спиной ко мне. Я заметил, что его трясет, точно в лихорадке. С уст его то и дело срывался стон, и тогда он прикладывался к графину, вливая в себя изрядную порцию водки. Я неслышно подошел к нему сзади, схватил его за плечи и громогласно сказал:

– А-а, сударь!

У дяди вырвался сдавленный крик, схожий с овечьим блеянием. Он вскинул руки и повалился на пол. Этого я меньше всего ожидал. Оставив его на полу, я устремился к шкафу, надеясь найти в нем оружие. Нельзя было терять ни минуты. Придя в себя, дядя мог снова приняться за свои злодейские козни, и нужно было подумать о безопасности.

В шкафу стояло несколько бутылок, какие-то склянки с лекарством, еще я заметил целую кипу счетов и бумаг, которые не мешало бы просмотреть хорошенько, да я торопился. Оружия не оказалось. Я принялся за сундуки. В первом была овсянка, во втором мешки с деньгами и пачки ценных бумаг, перевязанные жгутом. В третьем среди тряпья валялся старый, заржавленный кинжал без ножен. Какой-никакой, а все же кинжал. Я сунул его за пазуху и подбежал к дяде.

Он лежал неподвижно, поджав колено, откинув правую руку. Лицо его посинело, дыхания слышно не было. «Неужели он умер?» – мелькнуло у меня в голове, и меня охватил страх. Я кинулся за водой. Когда я брызнул ему на лицо воды, он как будто пришел в себя, шевельнул губами, задергал веками. Смертельный ужас изобразился в его глазах, когда, раскрыв их, он увидел перед собой меня.

– Полно, сударь. Попытайтесь привстать, – сказал я.

– Как, ты жив? – всхлипнул он. – Силы небесные! Жив?!

– Как изволите видеть. Жив, да не вашими молитвами.

Дядя снова всхлипнул, у него сдавило дыхание.

– Там... в шкафу... синий пузырек... скорее! – прохрипел он.

Я подбежал к шкафу, отыскал синюю склянку, на ярлыке которой обозначена была доза, схватил ложку, отлил в нее несколько капель и дал дяде.

– Вот беда, – придя в себя, пролепетал он. – Сердце. У меня прескверное сердце, Дэви.

Я кой-как усадил его на стул. Жалкое зрелище являл собой дядя, но мой праведный гнев еще не остыл, и я немедленно приступил к допросу. Многое мне хотелось выяснить: зачем он лгал мне на каждом слове, почему так боялся, что я уйду от него, отчего так встревожился, когда я высказал предположение, что они с отцом были близнецами. «Уж не оттого ли, что это правда?» – спросил я его. И с какой стати он дал мне деньги, которые, несомненно, мне и не причитались? И наконец, зачем он пытался погубить меня?

Он слушал меня, не прерывая.

– Клянусь тебе, я утром все расскажу, но только не сейчас, не сейчас.

Он был так слаб, так жалок, что мне стало совестно донимать его вопросами. И все же я не счел лишним запереть его наверху в его комнате. Положив ключ в карман, я спустился в кухню, подложил в очаг дров и развел огонь, коего, верно, здесь не бывало уже давно, а затем, закутавшись в плед, устроился на сундуках и тотчас заснул.

Глава 5. Я отправляюсь в Куинсферри

Дождь шел всю ночь не переставая, наутро резкий северо-западный ветер разогнал тучи и сразу похолодало. Еще не погасли на небе звезды, а я уже был на ногах и, несмотря на дурную погоду, вышел на воздух и искупался в горном ручье. Горя всем телом от студеной воды, я поспешил к очагу, подложил дров, сел и предался размышлениям.

Было явно, что чувства, которые питал ко мне дядя, вовсе не безобидны. Несомненно было и то, что мое дальнейшее пребывание в этом доме чревато опасностями, ибо дядя сделает все возможное, чтобы добиться своей злодейской цели. Но я был молод, горяч и самонадеян. К тому же, как большинство юных провинциалов, я был весьма высокого мнения о своей проницательности. Я явился в Шос точно нищий, неоперившийся юнец – и что же? Дядя принял меня со злым коварством, а потому не мешало бы его проучить, чтобы впредь он со мною считался.

Положа ногу на ногу, обхватя руками колено, я глядел в огонь и предавался сладостным грезам. Я выводил все дядины тайны и в скором времени подчинял его своей воле. Говорят, будто один колдун в Эссендине смастерил зеркало, глядя в которое можно было увидеть свое будущее, но, должно быть, сделал его колдун не из горящих углей, потому что в моем зеркале, открывавшем мне приятные видения, не было ни моря, ни волн, ни шкипера в мохнатой шапке, ни тем более крепкой дубины для такого болвана, как я, – словом, не было и подобия тех зол и напастей, которым суждено было вскоре обрушиться на меня.

Намечтавшись досыта, я поднялся наверх и освободил пленника. Он весьма учтиво пожелал мне доброго утра, чего и я ему пожелал с неменьшей учтивостью, улыбаясь ему свысока. Мы сели завтракать как ни в чем не бывало.

– Итак, сударь, – произнес я тоном язвительного превосходства. – Что же вы желаете мне сообщить?

Но внятного ответа не последовало, и я продолжал:

– Пора, я думаю, нам наконец понять друг друга. Вы приняли меня за такого деревенского простофилю, безропотного дурачка, который только и может, что держать ложку. Что до меня, то я почитал вас за человека порядочного, во всяком случае не способного на подлость. Выходит, мы оба ошиблись. Что же понуждает вас бояться меня, лгать самым бесчестным образом, покушаться на мою жизнь?

Дядя стал лепетать, что это была лишь шутка, такой уж он, дескать, шутник, однако, увидев мою насмешливую улыбку, тотчас изменил тон, уверив, что расскажет все без утайки сразу же после завтрака.

Было явно, что новая ложь еще не созрела в его голове, но уже зарождалась в мучительных соображениях. Я хотел было поторопить его с ответом, но в эту минуту в дверь постучали.

Я велел дяде оставаться на месте и пошел отворять. У порога стоял малый в матросской одежде, с виду совсем еще мальчик. Увидев меня, он прищелкнул пальцами и пустился в пляс, изображая нечто вроде матросского танца. Пляшет, а взгляд такой странный, жалкий, казалось, вот-вот не то заплачет, не то рассмеется. Вид гостя никак не соответствовал той веселости, с какой он отплясывал, и, отплясав, произнес хриплым голосом:

– Как дела, приятель?

Сохраняя на лице невозмутимость, я спросил, что ему угодно.

– Что угодно? Утехи-радости! – воскликнул он и запел:

В час наслажденья желанный
светлой ночью порой...

– Послушайте, – сказал я, – если у вас нет никакого дела, то не сочтите за грубость, – я закрываю дверь.

– Эй, постой, друг сердечный. Ты, я вижу, не понимаешь шуток. Ты ведь не хочешь, чтобы меня поколотили! Меня послал старик Хизи-ози к мистеру, как бишь его, Балдурдуру. У меня письмо.

И точно, он показал мне письмо.

– И вот что еще, приятель: умоляю – чертовски проголодался.

– Ладно, иди в дом. Я накормлю тебя. Пусть не мне, так тебе достанется завтрак.

С этими словами я провел его в кухню и усадил на свое место, где он с жадностью стал уписывать остатки каши, то и дело подмигивая мне и строя всевозможные гримасы, по-видимому полагая, что они придают ему бравый вид. Между тем дядя прочел письмо и сидел в глубокой задумчивости. Наконец он вскочил в оживлении неизъяснимом и потянул меня за рукав, делая знак отойти в сторону.

– Прочти-ка, – проговорил он, протянув письмо.

Письмо это у меня сохранилось, привожу его слово в слово:

Трактир «Боярышник», Куинсферри

Сэр, стою на рейде неподалеку от вас и думаю отдать якорь, а потому посылаю к вам моего юнгу. Если у вас будут ко мне еще поручения, то прошу учесть, что сегодня последний день. Другого случая может и не представиться: ветер попутный и самое время выходить в море. Не скрою от вас, у меня были неприятности с вашим поверенным, мистером Ранкейлором, так что если вы в срок не уладите это дело, то понесете убыток. Счет на ваше имя я выписал, как записано у меня в расходной книге.

Остаюсь ваш покорный слуга,

Элиас Хозисон.

– Видишь ли, Дэви, – заговорил дядя, увидя, что я прочел письмо до конца. – Я веду дела с этим Хозисоном. Он из Дайзерта, шкипер, владелец торгового брига «Ковенант». Так вот, если мы сейчас с тобой да вот с этим малым пойдем к шкиперу, я бы подписал с ним кое-какие бумаги, в трактире или на бриге, а потом можно заглянуть и к стряпчему, мистеру Ранкейлору. Конечно, после того, что меж нами вышло, ты мне на слово не поверишь. Другое дело – Ранкейлору. Ему-то ты можешь верить. Его все знают. Добрая половина здешних дворян у него в клиентах. Человек он почтенный, уважаемый, да к тому же знал твоего отца.

Я задумался. Я буду на набережной у перевоза. Чего же мне опасаться? Место, без сомнения, людное, и дядя не посмеет затеять худое. А кроме того, я не один, с нами юнга. Коль скоро мы будем у перевоза, размышляя я, можно будет нанести визит стряпчему, а если дядя заупрямится, я буду настаивать, я добьюсь этого визита. Конечно, в глубине души меня влекло к морю, которое я видел лишь издали. Не нужно забывать, что вырос я в тиши долин и холмов и только три дня тому назад увидел впервые залив, узкую голубую полосу, по которой ползли игрушечные суда. Итак, я решился.

– Извольте, я согласен, – сказал я дяде. – Пойдемте в Куинсферри.

Дядя облачился в кафтан, нахлобучил шляпу, пристегнул заржавелый кортик. Мы погасили огонь в очаге, заперли дверь и двинулись в путь.

Резкий северо-западный ветер дул в лицо. Было начало июня, в траве по-летнему белели маргаритки, деревья утопали в белом цвету, а, глядя на наши посиневшие до ногтей руки, пощипываемые холодком, можно было подумать, что на дворе зима, декабрьский мороз со снегом.

Дядя шел еле-еле, припадая на ногу, как старый пахарь, возвращающийся домой после трудов праведных. За всю дорогу он не сказал ни слова, а я тем временем беседовал с юнгой.

Он поведал мне, что зовут его Рэнсом, что он на море с девяти лет, но назвать свои года он затруднялся: по его словам, он потерял им счет. Несмотря на пронизывающий ветер и мои настойчивые увещания, он задрал рубашку, показывая татуировки, сплошь покрывавшие его грудь. Речь свою пересыпал он отборной бранью, но бранился он из бравады, как школьник. Похвастал юнга и своими подвигами: доносами, кражами и даже убийством, причем приплел такие густые подробности, что я усомнился в его рассказах. Мне стало его жаль.

В свою очередь я расспросил его о бриге и о шкипере Хозисоне. Рэнсом отозвался о них с восторгом. Бриг, по его словам, был великолепный, а что касается до его владельца, Хизи-о-зи, как именовал его юнга, то это был сорвиголова, которому и черт не страшен и бог нипочем, который и на Страшный суд пойдет на всех парусах. Иными словами – жестокий, грубый, бессовестный человек. И все эти качества вызвали у бедного малого восхищение; таким, по его убеждению, должен быть настоящий моряк. Лишь одно обстоятельство бросало тень на его кумира.

– Шкипер он, правда, так себе, одно слово, что шкипер. Моря не знает, – признался он. – А управляет бригам мистер Шуэн, он дело знает, но уж как напьется – держись. Да вот погляди-ка. – И с этими словами юнга приспустил чулок и с гордым видом показал мне большую рану с запекшейся кровью, при виде которой у меня в жилах заледенела кровь. – Это все он, мистер Шуэн, его рук дело.

– Как? И такое варварство ему сходит с рук? Ведь ты же ему не раб какой-нибудь. Что же ты терпишь такое обхождение?

– Это я-то терплю! – воскликнул глупый юнец, сразу изменив тон. – Да я ему еще задам. Вот это ты видел? – И он показал мне большой нож, будто бы им украденный. – В другой раз пусть только сунется. Как пырну – и душа его в рай. Уж мне-то такие дела не впервые. – И в подкрепление своих слов он разразился бранью, грязной, ужасно нелепой в его устах.

Никогда еще ни к кому я не испытывал такой жалости, как теперь, глядя на этого глупого, несчастного малого. Мне невольно подумалось, что бриг «Ковенант», несмотря на свое благочестивое название⁴, благочестием, видно, не блещет. Не судно, а какой-то плавающий ад.

– А родные-то у тебя есть? – спросил я.

Он сказал, что в каком-то английском порту жил у него отец, но в каком именно, теперь уже не припомню.

– Тоже славный был человек. Да вот помер.

– Что же ты не можешь подыскать себе занятие на суше? Какое-нибудь более достойное?

– Э, нет, – сказал он и подмигнул мне с лукавством. – Видали мы такие занятия! А если меня в ремесло отдадут, что тогда?

Я заметил, что хуже его ремесла вряд ли какое сыщется, – ведь его жизни постоянно грозит опасность и он может стать жертвой не только морской стихии, но и тех, у кого он служит. Юнга охотно со мной согласился, но тут же начал расхваливать жизнь на море, уверяя, что нет удовольствия слаще, чем когда ты сходишь на берег и в кармане у тебя звенят золотые, а потом, как водится у людей с деньгами, ты спускаешь все подчистую: покупаешь горы яблок, на зависть уличным чумазым мальчишкам.

– Да нет, мне не так уж плохо, – говорил он. – Бывает и хуже. Вот, к примеру, двадцатифунтовые. Видел бы ты, как мы их берем на борт. Один, вот такой же, как ты, малый в летах, – (таковым я казался юнге), – уж борода у него, так только мы вышли в море, хмель у него весь поветрился, как завопит, расхныкался. Смех, право. Детишки тоже бывают. Ну, с ними-то просто. У меня для них плетка имеется, линек⁵ то есть. Сидят смирненько.

⁴ *Ковенант* – название соглашений сторонников Реформации в Шотландии, заключавшихся в XVI–XVII вв. для защиты кальвинистской церкви и независимости страны.

⁵ *Линек* – короткая корабельная веревка с узлом на конце.

Рэнсом болтал без умолку все про то же, и я наконец догадался, кого подразумевал он под двадцатифунтовыми. То были злосчастные преступники, которых продавали в неволю и отправляли в Америку, а также дети, с еще более незавидной участью: несчастные жертвы наживы или родовой мести, похищенные мошенниками и проданные в рабство.

В это время мы поднялись на вершину холма и увидели перевоз. Как известно, залив Ферт-оф-Форт в этом месте суживается и подобен большой реке; здесь и выстроена паромная переправа. Верхняя излучина залива образует закрытую гавань, куда заходят большие суда. На середине – островок с крепостными развалинами; на южном берегу – мол с паромным причалом. У самого края мола, на той стороне дороги, виднелся трактир, называемый в народе «Боярышник» по причине произрастания в саду под окнами кустов боярышника и остролиста.

Городок Куинсферри расположен чуть западнее. Около трактира в это время было довольно безлюдно: только что на противоположный северный берег отошел полный паром. Правда, у мола покачивался на волнах ялик, на банках⁶ которого спали матросы. Как разъяснил мне Рэнсом, это была шлюпка с брига, ожидавшая шкипера, а в полумиле от нее одиноко стоял на якоре и сам «Ковенант». Заметны были оживленные приготовления к отплытию: матросы брасопили⁷ реи, ветер с залива доносил звуки песни. После всего услышанного я взирал на этот корабль с отвращением чрезвычайным и в душе весьма сочувствовал тем несчастным, которые осуждены были на нем плыть.

Наконец на холм втащился мой дядя. Подойдя к нему, я сказал:

– Хочу предупредить вас, сэр, я на «Ковенант» не поплыву.

– Ну что же, воля твоя, ничего не попишешь. А что мы стоим? Этак и простудиться недолго. Да и «Ковенант», того и гляди, отойдет.

⁶ *Банка* – сиденье в лодке.

⁷ *Брасопить реи* – поворачивать реи брасами, особыми снастями, в горизонтальном направлении.

Глава 6. Что случилось у перевоза

Вскоре мы подошли к трактиру. Рэнсом препроводил нас по лестнице в небольшую комнату, где стояли кровать да стол и горел камин, от которого шел жар, точно из преисподней. За столом у камина сидел высокий, смуглый, чрезвычайно серьезного вида человек и что-то писал. Несмотря на сильную духоту, на нем была толстая морская куртка, застегнутая на все пуговицы, и высокая, надвинутая на уши мохнатая шапка. Никогда мне не доводилось встречать более невозмутимого, деловитого и уверенного в себе человека. Его спокойствию позавидовал бы и судья.

Увидя нас, он встал, подошел к дяде Эбинизеру и протянул ему свою большую, крепкую руку.

– Весьма польщен, мистер Бальфур, – сказал он густым, приятным голосом. – Хорошо, что вы подоспели вовремя. Ветер попутный, вот-вот начнется отлив, так что к ночи, глядишь, нам засветит старый добрый маяк на острове Мэй.

– Ну и жара у вас в комнате, капитан, – проговорил дядя. – Невозможно дышать.

– Что поделать, привычка, мистер Бальфур, – отвечал шкипер. – Я постоянно мерзну: холодная, видно, кровь, сэр. Мне что мех, что фланель, что стакан теплого рому – температура, как говорится, выше не станет. Такие люди, как я, сэр, надышались там. Обожжены жаром тропических морей.

– Да, капитан, натуре своей не изменишь, – заметил дядя.

Однако ж случилось так, что причуда шкипера стала одной из причин моих дальнейших несчастий. Как я ни уверял себя, что буду приглядывать за дядей, страстное желание поглядеть на море и нестерпимая духота в комнате скоро произвели свое действие, и, когда дядя предложил мне пойти прогуляться, я тотчас с радостью глупца устремился вон.

Итак, я вышел во двор, оставив двух компаньонов за бутылкой вина среди рассыпанных по столу бумаг, и, перейдя дорогу, спустился к заливу. Ветер утих, берег лизали волны не больше озерной ряби. Но меня удивили водоросли: были тут зеленые, были бурые, длинные, я брал их снизу, и у меня между пальцев лопались пузырьки. Даже вдали от моря вода остро отдавала солью. Между тем на «Ковенанте» начали ставить паруса, и они замелькали на реях, как белые гроздья. Воображение рисовало мне дальние страны и путешествие по морю.

Я поглядел на матросов в ялике: дюжие молодцы с загорелыми лицами, кто в рубахе, кто в куртке, иные в цветастых шейных платках и у каждого большой нож, пристегнутый в ножнах сбоку. Заговорив с одним из матросов, с виду не таким уж отпетым разбойником, я осведомился о времени отплытия. Он сказал, что бриг снимется с якоря, как только начнется отлив, и прибавил с воодушевлением, что, мол, давно пора, потому что в здешнем порту нет приличных таверн с музыкой. Под конец он присовокупил такую густую брань, что я поспешил отойти в сторону.

Я вспомнил о Рэнсоне – то был сущий ангел среди этой шайки, – а тут как раз он вылетел из трактира и подбежал ко мне, умоляя дать на стакан пунша. Я сказал, что пунша он не получит, ибо мы еще молоды для подобных наклонностей, но вот эля, и вправду, отчего бы не выпить. Рэнсом выругался, принялся, по обыкновению, паясничать и гримасничать, но было видно, что элю он очень обрадовался. Вскоре мы уже сидели в трактире, прихлебывая из кружек и с аппетитом уплетая закуски.

Тут мне вздумалось завязать знакомство с трактирщиком, который, как человек здешний, обо всем знающий, мог оказаться мне довольно полезен. Я сказал, что ставлю ему кружку эля и пригласил к нам за стол, что было в духе обычаев того времени, но, очевидно, мое общество показалось не очень лестным этой важной особе. Трактирщик хотел было уйти, но я окликнул его и спросил, не знает ли он мистера Ранкейлора.

– Как не знать, – отвечал он. – Очень приятный, почтеннейший джентльмен. А позвольте спросить, уж не вы ли пришли с Эбинизером?

Я удовлетворил его любопытство.

– А вы не друг ли ему будете? – спросил трактирщик, разумея под этими словами, не довожусь ли я Эбинизеру родственником, ибо на шотландском наречии слова «друг» и «родственник» звучат одинаково.

Я отвечал, что вовсе не родственник.

– Я так и подумал. А все же вы чем-то напоминаете мне мистера Александра. Что-то в вас есть этакое.

Я заметил, что Эбинизер, как видно, здесь пользуется дурной славой.

– Не то слово: старый прохвост, негодяй. Многие тут у нас мечтают о том, чтобы он болтался на виселице. Скольких он по миру пустил, крова лишил. Вот хотя бы Дженнет Клаустон... Да многие наберутся. А ведь некогда был такой обходительный молодой человек. А потом, как пошли про него слухи, так словно подменили.

– Что за слухи?

– А вот что он мистера Александра-то убил. Да неужто вы не слышали?

– Да с какой стати ему его убивать?!

– Как с какой стати? А имение – имение-то он к рукам прибрал.

– Какое? Поместье Шос?

– Вот-вот, какое ж еще.

– Что за вздор. Но позвольте, позвольте, выходит, старшим братом был Александр?

– Разумеется. А иначе зачем ему убивать-то.

С этими словами трактирщик, уже выказывавший признаки нетерпения, поспешил удалиться по своим делам.

Конечно, у меня и прежде были догадки, но одно дело догадываться, другое же – знать наверное. Я не верил своим ушам, пораженный неожиданной удачей. Вообразите, деревенский малый без гроша за душой, истоптав башмаки по пыльным дорогам, через два дня становится обладателем состояния, владельцем обширных угодий и уже на следующий день может вступить во владение. Эти и другие не менее приятные мысли теснились в голове моей, когда я сидел в трактире, мечтательно глядя в окно. Помню только, что взгляд мой остановился на шкипере Хозисоне, стоявшем на молу в окружении матросов и о чем-то с важностью им говорившем. Вскоре он большими шагами направился к трактиру: не той неловкой походкой вразвалку, какой обыкновенно ходят матросы, а твердой, размеренной поступью рослого, сильного, уверенного в себе человека, сохраняя на лице серьезное и спокойное выражение. Я вспомнил, что говорил о шкипере Рэнсом, и вновь усомнился в его рассказах: никак они не вязались с тем, что я только что видел. Конечно, на самом деле шкипер был вовсе не столь уж хорош, как мне представлялось, но и не столь ужасен, как изобразил его Рэнсом. В нем уживались два человека, две половины души, но лучшая ее половина вмиг испарялась, как только Хозисон всходил на свой бриг.

Вскоре меня окликнул дядя. Я вышел во двор. Дядя и шкипер стояли посредине дороги. Шкипер первый заговорил со мной. Тон его был чрезвычайно серьезен, он говорил со мной как равный с равным, что, конечно, не может не льстить юному самолюбию.

– Сэр, – сказал он, – мистер Бальфур весьма высокого о вас мнения. Должен признаться, что и мне вы нравитесь. Жаль, не могу остаться здесь дольше, а то бы мы сошлись покороче. Впрочем, дело еще поправимо. До начала отлива время еще есть. Не хотите ли на полчаса взойти на мой бриг? Выпьем по чарке за наше знакомство.

Трудно описать, как хотелось мне побывать на бриге, но, не желая подвергать себя риску, я сказал, что условился с дядей пойти к стряпчему.

– Да-да, я слышал. Впрочем, шлюпка высадит вас прямо у городского причала, а оттуда до дома Ранкейлора рукой подать.

И тут, наклонясь, он прошептал мне на ухо:

– Берегитесь старой лисы. Он замышляет недоброе. Мне надобно переговорить с вами.

И, взяв меня под руку, он продолжал нарочито громким голосом, направляясь к ялику:

– Так что вам привезти из Каролины? Рад услужить родне мистера Бальфура. Так что же, табак? Индейские украшения из перьев? Шкуру дикого зверя? Пенковую трубку? А может, дрозда-пересмешника, который мяучит не хуже кошки? А то хотите кардинала, птицу, красную, точно кровь? Решайте, за вами выбор, все, что прикажете.

Тем временем мы подошли к ялику, и шкипер принялся меня подсаживать. Я же и не думал противиться – глупец! – я вообразил, что нашел себе доброго товарища, и предвкушал удовольствие от осмотра брига. Только мы сели в ялик, матросы ударили в весла, и мы поплыли. Это новое, очень приятное ощущение – когда шлюпка скользит по волнам, берег открывается все шире и шире, а бриг растет на глазах – взволновало меня так сильно, что я не слушал, о чем говорит шкипер, и отвечал наобум.

Когда мы подошли к борту (тем временем я чуть ли не разинув рот изумлялся высотой брига, слушал, как плещут о его борт волны, как оживленно переговариваются матросы на палубе), шкипер прокричал, чтобы нас первыми поднимали на борт, и приказал спустить с грот-рея⁸ канат. Я не заметил, как повис в воздухе, и тотчас же опустился на палубу, где шкипер, проделавший то же самое минутою раньше, с живостью взял меня под руку. Так простоял я несколько минут, ощущая легкое головокружение от качающихся вокруг предметов и, быть может, некоторый страх, между тем Хозисон показывал разные снасти, изъясняя их предназначение.

– А где же дядя? – наконец опомнился я.

– Хм, – помрачнев, холодно усмехнулся он. – И в самом деле – вопрос!

Я понял, что дело плохо. Изловчившись, я вырвался из-под его руки и подбежал к борту. И точно, ялик повернул к берегу, на корме его сидел дядя. Я закричал пронзительно: «На помощь! Убивают!» – казалось, криком этим огласилась вся гавань. Дядя обернулся; я увидел на миг его лицо, оно выражало злобу и ужас.

Но тут чьи-то грубые руки подхватили меня и оттащили от борта. Затем как будто ударило молнией. Перед глазами все вспыхнуло, помутилось – и я упал без чувств.

⁸ Грот-рей – поперечный брус у нижнего паруса грот-мачты.

Глава 7. Я ухожу в море на «Ковенанте»

Придя в себя, я почувствовал острую боль во всем теле; руки и ноги мои были связаны, кругом кромешная тьма и какие-то странные, жуткие грохочущие звуки. Ревело точно у исполинской плотины, слышались всплески волн, стоны, скрипы снастей и яростные крики матросов. И все кругом то взмывало, то падало, раскачиваясь с головокружительной силой. Я был совершенно разбит, боль была страшная; только спустя несколько времени я наконец уяснил, что лежу в трюме этого адского корабля и что на море шторм. Я понял: случилась беда. Мрачное отчаяние, ужас раскаяния в своем безрассудстве, жгучая ненависть к дяде овладели мной, и я снова лишился чувств.

Когда я очнулся, все так же ревело, стонало, качалось из стороны в сторону. К моим страданиям прибавилась еще болезнь, печально известная всем, кто не привык к морю. Много страданий выпало на мою бурную молодость, но никогда мне не было так худо, как в эти первые часы моего пребывания на бриге.

Вдруг раздался пушечный выстрел. Я подумал, что буря усилилась и бриг подает сигнал бедствия. Мысль об освобождении пусть даже ценою гибели в морской пучине ободрила меня несказанно, но я ошибался. Как я потом узнал, то был обычай, заведенный шкипером. Я потому упоминаю о нем в этих записках, что хочу показать читателю, что даже дурные люди не лишены достоинств.

Оказалось, мы проходили тогда в нескольких милях от Дайзерта, где был построен бриг «Ковенант» и где несколько лет тому назад поселилась почтенная миссис Хозисон, мать шкипера. С той поры шел ли «Ковенант» в Дайзерт или из Дайзерта, не было случая, чтобы в этом месте не палили из пушки и не поднимали флаг в честь славного города.

Я потерял счет времени: в смрадной корабельной утробе день и ночь были неразличимы, а часы в горестном моем положении тянулись вдвое дольше обыкновенного. Поэтому не могу сказать, сколько времени пролежал я так, дожидаясь, когда бриг разобьется и пойдет ко дну, — верно, долго, мучительно долго. Под конец я погрузился в сон.

Проснулся я оттого, что в лицо мне кто-то светил фонарем. Надо мною склонился человек лет тридцати, небольшого роста, с зелеными глазами и с копной взъерошенных рыжих волос.

— Ну что, как дела? — спросил он.

У меня брызнули слезы. Незнакомец пощупал мне пульс, виски, затем обмыл и перевязал рану.

— Да-а, эк тебя сильно. Что, приятель, побаливает? Не хнычь. Это еще не конец света. Ты скверно начал, но у тебя не все потеряно. Есть хочешь?

Я сказал, что не смогу есть, до того мне плохо. Он дал мне в жестяной кружке коньяк, разбавленный водой. Я выпил, и он ушел.

Когда меня снова пришли проводить, я лежал в полусне, с открытыми глазами; от горла как будто бы отлегло, но голова кружилась по-прежнему, и было еще мучительнее. Сверх того, я чувствовал острую боль в конечностях, веревки жгли, как огонь. Зловонный запах трюма, казалось, вошел в мою плоть; к тому же меня терзали всевозможные страхи: то вездесущие корабельные крысы обнюхивали мое лицо, касались его коготками, то наплывали жуткие, лихорадочные видения и всё кружились, кружились перед глазами.

Когда люк открылся и тьму прорезал трепетный луч фонаря, этот луч был для меня словно луч солнца с небес, и, хотя я увидел только толстые бимсы⁹ моей темницы, радость моя была несказанна и я едва не заплакал. Первым по трапу спустился мой зеленоглазый знакомец;

⁹ Бимс — поперечная балка, поддерживающая палубу.

я заметил, что идет он пошатываясь. За ним следовал шкипер. Ни тот ни другой не проговорили ни слова, но первый вновь принялся осматривать мою рану, а Хозисон стал подле, устремив на меня тяжелый, недобрый взгляд.

– Ну вот, извольте убедиться, сэр, – проговорил зеленоглазый. – Горячка. Лежит здесь без света, без пищи. Надеюсь, вы понимаете, что это значит?

– Я вам не лекарь, мистер Райч, – отозвался шкипер.

– Позвольте, сэр! У вас толковая голова на плечах, да и за словом вы в карман не полезете. Но тут уж вам не отговориться. Я хочу, чтоб малого сейчас же вынесли из этой дыры в кубрик.

– Мало ли, что вы хотите, сударь, – возразил шкипер. – На судне распоряжаюсь я. Где он сейчас лежит, там и будет лежать. Здесь ему место.

– Предположим, вам за него хорошо заплатили, только осмелюсь покорнейше заметить, я, сэр, не получал ничего. Да, мне платят жалкое жалованье, а между тем я исправляю должность первого помощника на этой старой посудине. И вы прекрасно знаете, как мне достаются деньги. Я работаю! А больше мне ни за что не платят и не платили!

– Если б вы так часто не прикладывались к фляжке, у меня не было бы к вам никаких претензий, – отвечал шкипер. – Уж лучше бы помалкивали, а то все какие-то загадки да недо-молвки. Пойдемте, нас ждут наверху, – прибавил он резким тоном и ступил было на трап, но в это мгновение мистер Райч схватил его за рукав:

– А если вам заплатили за убийство!

Хозисон обернулся.

– Что вы сказали?! – в гневе вскричал он. – Что за разговоры на судне?!

– Мне кажется, сэр, вы отлично понимаете, о чем идет речь, – произнес мистер Райч, твердо глядя в лицо шкиперу.

– Мистер Райч, это наше третье плавание с вами, – проговорил Хозисон. – Пора бы научиться меня понимать. Да, нрав у меня бывает крутой – что правда, то правда, – но то, что вы сейчас сказали, это оскорбительно. У вас, должно быть, злая душа и нечистые мысли. Если вы полагаете, что этот малый может умереть...

– В этом нет сомнения, – прервал его мистер Райч.

– Вы все сказали?! Так вот, переводите его куда хотите!

С этими словами шкипер стал подниматься по трапу, и я, безмолвно наблюдавший этот странный разговор, увидел, как мистер Райч повернулся и отвесил вслед Хозисону низкий поклон, не иначе как только в насмешку. Несмотря на плачевное свое состояние, я не мог не понять из этого разговора, что помощник шкипера был сильно нетрезв и что, пьяный или трезвый, он может оказать мне неоценимую услугу.

Спустя минут пять меня освободили от пут, взвалили на чью-то мощную спину и, перенеся в кубрик, положили на койку, где в тот же миг я опять потерял сознание.

Каким блаженством показалось мне пробуждение, когда наконец-то я увидел дневной свет и людей рядом. Кубрик был довольно большой, обставленный койками, на которых отдыхали отстоявшие вахту матросы. Одни полулежали, покуривая трубки, иные спали. Ветер утих, погода прояснилась, и люк держали открытым, так что было довольно светло, а время от времени, когда «Ковенант» кренило, заглядывал и солнечный луч в облачке выходящей пыли, которым я в восхищении любовался. Едва я пошевелинулся, один из матросов принес мне целебный напиток, изготовленный мистером Райчем, наказав лежать, покуда я не поправлюсь.

– Кости целы, рана пустяшная, – уведомил он меня. – Да, приятель, это ведь я тебя са-аднул.

Под надзором матросов я пролежал несколько дней и успел не только совершенно поправиться, но и завести многочисленные знакомства. Конечно, как и большинство моряков, это был народ грубоватый. Оторванные от различных ремесел, осужденные вместе скитаться по бурным морям, эти люди были суровы, жестоки, под стать своему начальству. Некоторые из

них плавали прежде с пиратами и насмотрелись на своем веку такого, о чем, право, и говорить совестно. Были в команде и беглые каторжники, сбежавшие с королевских галер; теперь им грозила виселица, из чего, впрочем, они не делали тайны. Каждый из них был горяч, как порох, и под пьяную руку готов был зарезать даже лучшего своего друга. И все же, проведя с этими людьми несколько дней, я принужден был переменить о них мнение, устыдившись своего первого суждения, когда там, на молу, они представлялись мне чуть ли не все отпетыми негодьями. Нет такого сословия, которое было бы совершенно порочно: у каждого из нас есть свои достоинства и недостатки, и мои новые знакомцы, матросы, не были исключением из общего правила. Конечно, народ они были грубый и в чем-то, я думаю, скверный, но, случалось, они бывали очень добры и часто столь простодушны, что даже я, проведший всю жизнь в деревне, не мог не дивиться их простосердечию. Притом бывали у них и проблески честности.

Был среди них человек лет сорока, который часами просиживал на моей койке, рассказывая о своей семье. Прежде он был рыбаком, но, лишившись лодки, принужден был пуститься в далекие плаванья. Много лет минуло с той поры, но я по сей день вспоминаю этого матроса. Напрасно ждала его с моря жена (молодка, как называл он ее); уж никогда поутру не разведет он огня в камине и не помянчит ребенка, когда жене занедужится, ибо для многих, кто был на бриге, как показали дальнейшие события, то было последнее плавание: волны да хищные рыбы поглотили их, и потому не хочется мне говорить дурно о мертвых. Право, последнее это дело.

Среди других, оказанных мне благодеяний был возврат моих денег, которые матросы еще в первый день поделили между собой; и хотя состояние мое и уменьшилось почти на целую треть, все же я был несказанно доволен, питая надежду на то, что деньги несколько облегчат мою участь в краях, куда меня насильно везли. Бриг шел к берегам Каролины. Надо заметить, что плыл я в эти места не только изгнанником. Работоторговля в те времена была весьма ограничена, а после восстания колоний, с образованием Соединенных Штатов, разумеется, и вовсе прекратилась, но даже в то время, в пору моей юности, еще нередко случалось, что белых людей отправляли на плантации как невольников. Таковую участь уготовил мне негодяй-дядя.

Юнга Рэнсом (от него-то я и узнал обо всех этих ужасах) нередко приходил из каюты в синяках от побоев и то молчал, стиснув зубы, то вдруг начинал кричать, проклиная изверга мистера Шуэна. Сердце мое обливалось кровью; однако ж матросы отзывались о старшем помощнике шкипера с уважением, почитая его «единственным дельным малым среди корабельного сброда» и вовсе не таким уж дурным, «ежели не во хмелю». Действительно, оба помощника шкипера были, что называется, не без странностей. Мистер Райч в трезвом уме обыкновенно бывал угрюм, сердит и задирист, а мистер Шуэн, приложившись к бутылке, – до того смирен, что казалось, и мухи бы не обидел. Я осведомился о шкипере, но то был поистине железный человек: вино не сказывалось на его настроении.

Во время моих коротких бесед с юнгой я прилагал все старания сделать из него человека, точнее сказать, разумного малого. Увы, разум Рэнсома едва ли достоин был названия человеческого. Он не мог припомнить решительно ничего примечательного из годов, предшествовавших его выходу в море, разве лишь то, что отец его изготовлял часы с боем, а в гостиную у них жил скворец, который насвистывал песню «Северная страна». Прочие впечатления от бесконечных странствий, мытарств и побоев изгладились из его памяти начисто. Мнение о суше, почерпнутое из матросских рассказов, было у него весьма своеобразное. По его понятиям, это было гиблое место, где юношей отдавали в неволю, именуемую ремеслом, где подмастерьев каждодневно пороли, а потом запирали в зловонные подвалы. В городе, утверждал Рэнсом, половина жителей – подлецы и мошенники, а что ни дом, то западня, где матроса, того и гляди, опоят, а потом прирежут. Я, конечно, оспаривал это мнение, приводя в пример свою жизнь в Эссендине, доброе обхождение, сытный стол и приличное образование, которое дали мне родители и друзья. При этом юнга, ежели не бывал бит накануне, пускался в слезы, божился,

что сбежит с брига; но, находясь в своем обыкновенном состоянии или еще того хуже, хлебнув куражу в стакане вина, начинал хохотать и отпускать насмешки.

Стакан подносил ему мистер Райч (да простит его Бог!), несомненно из самых благих побуждений; однако хмель, не говоря уж о вреде здоровью, превращал юнгу в жалкое, неприглядное существо. Печальное зрелище являл собой этот несчастный, всеми презираемый малый, когда, пошатываясь, начинал приплясывать и нести несусветную околесицу. Матросы над ним потешались, но далеко не все; иные делались мрачнее тучи, быть может вспомнив свои молодые годы, своих детей, оставшихся на берегу, и требовали прекратить безобразие. Что до меня, то мне было совестно наблюдать кривляния Рэнсома, да и по сей день он часто является мне во сне – жалкое, беспомощное создание.

Между тем «Ковенант» боролся со встречными ветрами и волнами, и качка была сильная. Люк был все время задраен, и кубрик освещался лишь фонарем, подвешенным к бимсу. Работы хватало на всех: паруса то ставили, то убавляли, и так что ни час. Напряжение сказывалось на всей команде: днем и ночью слышались брань и крики; на палубу меня не выпускали, так что можете себе представить, как опостылело мне заточение и с каким нетерпением я ожидал избавления.

И избавление это наступило. Но прежде, чем я приступлю к описанию тех событий, расскажу вам о разговоре с мистером Райчем, разговоре, одушевившем меня надеждами. Застав помощника шкипера в состоянии благосклонного опьянения (а нужно заметить, что, трезвый, он даже не глядел в мою сторону), я взял с него слово хранить тайну и поведал печальную свою историю.

Он сказал, что рассказ мой похож на балладу, но, как бы то ни было, он готов мне помочь, только прежде я должен раздобыть чернила, перо и бумагу и написать два письма: одно мистеру Кэмпбеллу, другое мистеру Ранкейлору; и тогда, если, конечно, я ничего ему не приврал, десять против одного, что удастся (разумеется, с помощью этих особ) вызволить меня из беды и восстановить в законных правах.

– Не отчаивайся, – ободрял он меня, – уж поверь, не с тобою первым такое случается. Сколько юных джентльменов должны бы, казалось, сейчас наслаждаться покоем в своих имениях. А где они? За морем, мотыжат табачные плантации. Превратности судьбы, мой друг. Жизнь пестра, как ковер, в лучшем для нас, разумеется, случае. Взять, к примеру, меня. Сын лэрда, выдержал экзамен на доктора, и что же, – как видишь, на побегушках у Хозисона.

Из вежливости я попросил его рассказать, что за история с ним приключилась.

Он присвистнул:

– Таковой не имею. Большой охотник был пошутить, вот и все.

И с этими словами он удалился.

Глава 8. Шкиперская каюта

Однажды часов в одиннадцать вечера в кубрик спустился забрать свою куртку матрос из вахты мистера Райча, и тотчас прошел по рядам слух, будто Шуэн «доконал-таки малого». В уточнениях нужды не было, все понимали, о ком шла речь. Не успели мы толком уяснить, что случилось, – люк открылся и по трапу сошел Хозисон. Несколько мгновений он пристально оглядывал ряды коек, освещенных раскачивающимся фонарем, и вдруг направился прямо ко мне.

– Вот что, любезный. Нам требуются твои услуги в каюте, – сказал он тоном почти ласковым. – Ты с Рэнсомом поменяешься койками. Ну, что ты стоишь, ступай на корму, живо!

Не успел он договорить – люк снова открылся и в кубрик сошли два матроса. Они несли Рэнсома. В эту минуту бриг резко накренило, фонарь закачался, высветив на мгновение лицо юнги, бледное словно воск, с застывшею на губах улыбкой – улыбкой мертвеца. Кровь застыла у меня в жилах, дыхание перехватило.

– Что стоишь?! Ступай, тебе говорят! – закричал Хозисон.

Я прошмыгнул мимо матросов, держащих неподвижное тело юнги, и по трапу взбежал на палубу. Бриг летел наперерез пенистой длинной волне. Мы шли правым галсом¹⁰, и слева, под шкаториной фока¹¹ я увидел багряный закат. Это меня удивило, ведь время было уже к ночи. Разумеется, я не мог и предположить, что мы обходили Шотландию с севера и лишь недавно, избежав опасных течений в заливе Пентленд-Ферт, вышли в открытое море между Оркнейскими и Шетлендскими островами. Мне же, проведенному несколько дней в полутемном кубрике, ничего не знавшему о встречных ветрах, представлялось тогда, будто мы уже прошли половину пути и находимся где-то посредине Атлантического океана. Подивившись позднему закату, я, однако, не придал ему никакого значения и тотчас побежал дальше по палубе, увертываясь от захлестывающих волн, то и дело хватаясь за леера¹². Еще немного, и меня смыло бы за борт. Хорошо, на помощь подоспел матрос; он и раньше выказывал ко мне расположение.

Шкиперская каюта, где предстояло мне спать и прислуживать, возвышалась над палубой футов¹³ на шесть и для торгового брига была довольно большой. В ней размещались стол, скамья и две койки: одна – шкипера, другая – его помощников, которые спали на ней поочередно, отстояв свою вахту. По стенам снизу доверху крепились рундуки¹⁴ и шкафчики, в которых хранилось имущество судового начальства, а также часть судовых запасов. Внизу находилась кладовая, куда можно было войти через люк посредине каюты. Там размещалась добрая часть провизии и весь порох. Все огнестрельное оружие, исключая разве две медные пушки, стояло в козлах у задней кормовой стены. Большая часть кортиков находилась в другом месте.

Днем освещали каюту световой люк и небольшое окно со ставнями изнутри и снаружи, а с наступлением сумерек засвечивалась лампа. Она горела и в ту минуту, когда я вошел, не очень ярко, однако же и не тускло, то есть именно так, что я мог разглядеть мистера Шуэна, сидевшего за столом в обществе бутылки коньяка и жестяной кружки. Он был высокого роста, широкоплеч и очень черен. Он глядел на бутылку с видом совершенного отупения.

¹⁰ Галс – курс судна относительно ветра; например, правым галсом, т. е. оно обращено к ветру правым бортом.

¹¹ Шкаторина – кромка паруса, обшитая веревкой. Фок – нижний прямой парус на передней мачте (фок-мачте), крепящийся к фок-рею.

¹² Леер – туго натянутая веревка, закрепленная с обеих сторон, применяется для крепления косых парусов и как приспособление, предохраняющее от падения людей за борт.

¹³ Фут равняется 0,3048 м.

¹⁴ Рундук – закрытые нары для разной поклажи на судне.

Мистер Шуэн меня не заметил. Он даже не пошевелился, когда вошел шкипер и, став у койки подле меня, устремил на него суровый взор. Я боялся Хозисона как огня, у меня были на то причины, но в эту минуту я понял, что сейчас мне нечего его страшиться.

– Что с юнгой? – прошептал я.

Он покачал головой, как бы говоря, что не знает и знать ничего не желает; лицо его было очень сурово.

Вскоре в каюту вошел мистер Райч и, бросив на шкипера значительный взгляд, по которому без слов стало ясно, что юнга умер, стал подле нас, и теперь уже мы втроем молча глядели сверху на мистера Шуэна, а тот, в свою очередь так же молча, сидел неподвижно, потупясь, уперев глаза в стол. Внезапно рука его потянулась к бутылке. Тогда мистер Райч шагнул вперед и вырвал бутылку у мистера Шуэна движением не столько грубым, как неожиданным. Он закричал, что больше так продолжаться не может, что бриг и так весь запятнан кровью и что его, то есть бриг, ожидает возмездие. С этими словами он бросил бутылку в море, через наветренное окно, ставни которого были открыты.

Мистер Шуэн сразу вскочил на ноги. Красные глаза его были мутны, но в них сквозила лютая злоба. Он готов был убить мистера Райча и убил бы сию же минуту, загубив в тот день и вторую душу, но тут меж ним и его жертвой стал Хозисон.

– Сесть! – вскричал шкипер. – Пьяная свинья! Вы хоть знаете, что вы наделали? Вы отравили на тот свет юнгу.

Мистер Шуэн, казалось, все понял; он тотчас опустил на стул и понурил голову, оперев ее на свою тяжелую руку.

– Э-э-э, – пробормотал он. – Да ведь он подал мне грязную кружку.

При этих словах мы трое – шкипер, мистер Райч и я – встревоженно переглянулись. Затем Хозисон подошел к пьяному помощнику, взял его под руки и потащил к койке, приказав ему спать, но таким тоном, точно перед ним был ребенок. Убийца несколько раз всхлипнул, затем послушно снял сапоги и повалился спать.

– Так вот, значит, как! – неожиданно гневным голосом вскричал мистер Райч. – Чтобы вам раньше вмешаться! А теперь поздно, без толку!

– Мистер Райч, – проговорил шкипер. – Попрошу запомнить: того, что сегодня случилось, не должны знать в Дайзерте. Юнгу снесло волной. Волной, вам ясно? Я готов отдать пять фунтов тому, кто подтвердит это. – С этими словами он повернулся было к столу. – Да, кстати, зачем вы выкинули бутылку? Не понимаю, какой смысл. Эй, Дэвид, подай-ка нам коньяка. Он в нижнем рундуке. – И шкипер бросил мне ключ. – Вам нужно выпить, сударь. Скверное было зрелище.

Они сели друг против друга, наполнили кружки и осушили их залпом. В эту минуту убийца, дотоле жалобно стонавший на койке, приподнял голову и, облокотившись на руку, обвел нас троих мутным взглядом.

Так началась моя служба в шкиперской каюте. Уже на другой день я вполне освоился со своими обязанностями. Я должен был прислуживать за столом. Садись за него обыкновенно двое: шкипер и свободный от вахты один из его помощников. Вино требовалось поминутно, весь день проходил в бегах, а ночью я постилал у кормовой стены себе одеяло и ложился спать на палубных досках, на сквозняке, при открытых дверях. Ложе мое было жесткое и холодное, спать приходилось урывками, потому что время от времени кто-нибудь поднимался в каюту освежить себе горло. Перед каждой вахтой за стол усаживались все трое, с тем чтоб отпраздновать это событие. Как умудрялись они пребывать в полном здравии после таких возлияний, – право, загадка, и уж тем более удивительно, как умудрился я пережить это время. Впрочем, служба меня не очень отягощала. Скатерть на бриге не постилалась, а еда была непривлекательна: овсяная каша да солонина и для разнообразия два раза в неделю пудинг с салом. Несмотря на то что по своей нерасторопности, а также от сильной качки я частенько падал, роняя на пол

бутылки и кушанья, шкипер и мистер Райч проявляли удивительное терпение. Вероятно, их мучили угрызения совести и они хотели хоть как-нибудь искупить свои грехи. Впрочем, не обойдись они столь жестоко с Рэнсомом, вряд ли бы они выказывали такое ко мне снисхождение.

Что же касается мистера Шуэна, то вино ли, убийство ли Рэнсома (очевидно, то и другое) основательно повредили его рассудок. Не припомню случая, чтобы он пребывал в здравом уме. Он никак не мог истолковать себе мое присутствие, беспрестанно тарасил на меня глаза (подчас в них изображался ужас) и нередко отшатывался, когда я стоял подле, подавая ему какое-нибудь кушанье. Было видно, что он не отдавал себе отчета в случившемся, и уже на второй день я получил наглядное тому доказательство. Мы были одни, он долго и тупо глядел на меня, а потом вдруг вскочил со своего места, бледный как смерть, и, к моему ужасу, направился прямо ко мне. Но мои опасения были напрасны.

– Тебя прежде здесь не было? – вопрошал он.

– Нет, сэр.

– А что, разве был другой малый?

Я отвечал, что был.

– Да, так я и думал, – мрачно сказал мистер Шуэн и, возвратясь на свое место, больше уже со мной не заговаривал – попросил только коньяку.

Быть может, читателю покажется странным, но, право, несмотря на ужас, который я испытывал к этому человеку, мне было неизъяснимо жаль его. Он был женат, жена его жила в Лейсе, но вот были ли у него дети, уже не помню. Надеюсь, что нет.

Итак, моя жизнь на новом месте – а, как вы скоро узнаете, долго прислуживать мне не пришлось – была на первый взгляд сносной. Я питался тем же, чем питались шкипер и его помощники, дозволялась мне притом и судовая роскошь – приправы из маринованных овощей, а при желании я мог бы и пить с утра до ночи «мертвую», подобно мистеру Шуэну. К тому же я как-никак находился в обществе, и в некотором смысле вполне приличном. Мистер Райч, учившийся некогда в колледже, порой заводил со мной дружеские беседы, разумеется, когда бывал в духе. Из его рассказов я узнал много любопытного и поучительного. И даже шкипер, обыкновенно державший меня на дистанции, порой смягчал свой норов и пускался в рассказы о дальних странах, в которых ему довелось побывать.

Должен признаться, тень несчастного Рэнсома преследовала нас неотступно, особенно меня и мистера Шуэна. Но не только это тревожило меня. Я состоял в услужении у людей, которых в душе презирал, один из них достоин был виселицы, – таково было мое настоящее положение. Что же касается будущего, то оно представлялось мне тяжелой неволей, в которой осужден был возделывать табак вместе с неграми. Мистер Райч, быть может из предосторожности, не позволял мне возвращаться к старому разговору. Я попытался было объясниться со шкипером, но он даже слушать меня не стал и отогнал прочь, как собаку. Время шло, и с каждым днем на душе у меня становилось все тревожнее и тревожнее, и даже служба уже не была мне в тягость: она давала возможность забыться, не думать о мрачном будущем, уготованном мне в Каролине.

Глава 9. Человек с поясом, полным золота

Прошло чуть более недели, и стало очевидно, что нас преследует злой рок. В иной день судно подвигалось вперед, но на другой – его на многие мили относил в сторону. Наконец нас отнесло так далеко к югу, что весь девятый день напролет мы кружили, лавируя неподалеку от скалистых берегов мыса Рат, которые виднелись справа и слева по борту. Собрались на совет шкипер и его помощники и вынесли решение, суть которого я не мог уяснить себе толком, но последствия его были явны: обратив противный ветер в попутный, мы стремительно шли на юг.

На десятый день после полудня волны постепенно утихли, море затянуло белым туманом, да таким плотным, что с кормы не стало видно бака¹⁵. Все это время, когда случалось мне выходить на палубу, я видел, что шкипер с помощниками и матросы толпятся у фальшборта¹⁶ и настороженно к чему-то прислушиваются. «Буруны!»¹⁷ – расслышал я, и, хотя значение этого слова было для меня темно, мысль о грядущей опасности взволновала меня несказанно.

Около десяти часов вечера я подавал ужин шкиперу и мистеру Райчу, как вдруг послышался страшный треск – похоже, бриг на что-то наткнулся, – и вслед за тем раздались пронзительные крики. Оба моих начальника вскочили со своих мест.

– Неужели разбились? – проговорил мистер Райч.

– Ошибаетесь, сударь, – отвечал шкипер. – Это всего лишь лодка. Как видно, мы ее опрокинули.

И они поспешили на палубу.

Шкипер оказался прав. В тумане мы наскочили на лодку, и она, разлетевшись надвое, пошла ко дну со всею командой. Уцелел только один человек. Он, как я потом узнал, был пассажиром и сидел на корме; остальные ж, гребцы, сидели на банках. В момент столкновения корму лодки подбросило в воздух, и пассажир (руки его были не заняты, и мешал ему разве что фризový плащ, длинный, по самые щиколотки) подпрыгнул и ухватился за бушприт¹⁸ брига. То, что он умудрился выйти целым и невредимым из столь опасной для него переделки, свидетельствовало не только о его удачливости, но также о его незаурядной ловкости и силе. А между тем, когда шкипер ввел его в каюту и я увидел лицо незнакомца, ничто не выдавало его волнения и он казался не более обеспокоен случившимся, нежели я в ту минуту.

Росту он был невысокого, зато великолепно сложен и легок и быстр в движениях, как олень. Лицо его было покрыто темным загаром, сквозь который обильно проступали веснушки и следы оспы, но оно было приятно благодаря открытому взгляду. Глаза, необычайно подвижные, светлые, искрились каким-то безумным блеском; они притягивали к себе и вместе с тем настораживали. Сняв плащ, незнакомец положил на стол пару пистолетов с великолепной серебряной отделкой, и я заметил, что к поясу его пристегнута длинная шпага. Манеры его были изящны и благородны; надо было видеть, как выпил он чарку за здоровье шкипера. При первом же взгляде на этого человека я понял, что гораздо лучше быть его другом, чем недругом.

Шкипер, со своей стороны, тоже, казалось, присматривался к незнакомцу, но скорее не к нему самому, а к его одежде. И в самом деле, как только фризový плащ был снят, незнакомец предстал в наряде чересчур пышном для торгового брига. На нем была шляпа с перьями, красный камзол, черные плисовые штаны и синий кафтан с серебряными пуговицами и с серебря-

¹⁵ Бак – носовая часть верхней палубы.

¹⁶ Фальшборт – продолжение борта выше палубы.

¹⁷ Бурун – волна, разбивающаяся о подводные препятствия.

¹⁸ Бушприт – горизонтальный или наклонный брус, выступающий перед носом корабля.

ными галунами, правда несколько пострадавший от морского тумана и долгого путешествия, – очевидно, его обладатель спал в нем не одну ночь.

– Примите мое искреннее сожаление по поводу гибели вашей лодки, – сказал шкипер.

– Храбрые были люди, – заметил незнакомец. – Я предпочел бы, чтобы с моря вернулись они, а не лодка, пусть даже дюжины две таких лодок.

– Там были ваши друзья? – спросил Хозисон.

– В ваших краях таких друзей не найти, – последовал ответ. – Они были преданы мне, как собаки. Головы готовы были за меня сложить.

– Да, сэр, – проговорил шкипер, не спуская глаз с лица собеседника. – Людей на свете много, чего не скажешь о лодках.

– Что ж, справедливое замечание! – воскликнул незнакомец. – Я смотрю, вы не лишены проницательности.

– Я был во Франции, сэр, – отвечал шкипер с явной многозначительностью.

– Не вижу в этом ничего удивительного. Там побывали многие удалыцы.

– Несомненно, сэр, но кое-кого влекут туда пышные мундиры.

– О, так это намек! – вскричал незнакомец, и рука его опустилась на пистолеты.

– Не горячитесь, сударь, – промолвил шкипер. – Не вижу повода. Выстрелить – дело нехитрое. На вас французский мундир, но язык-то вас выдает. Сразу видно: шотландский. Что ж, ваша судьба – судьба многих честных людей в наше время. Я не осмеливаюсь их осуждать.

– Так, стало быть, вы принадлежите к честной партии? – спросил джентльмен в синем кафтане. Он подразумевал партию якобитов¹⁹, ибо в междоусобных раздорах каждая из противоборствующих сторон закрепляла за собой привилегию именоваться честной.

– Я ревностный протестант, сэр, и благодарю Бога за это...

Никогда прежде Хозисон не говорил о религии, но, как я узнал впоследствии, он был набожен и, когда только сходил на берег, спешил в церковь.

– Но у меня достанет сочувствия к человеку, – продолжал он, – который приперт к стене.

– Что ж, хорошо, коли так. Должен вам откровенно признаться, я один из тех честных дворян, которые в сорок пятом и в сорок шестом годах потерпели крушение²⁰. И чтобы быть уж до конца откровенным, скажу вам прямо: если я попаду в руки господ в красных мундирах²¹, мне придется не весело. Так вот, сударь, я направлялся во Францию. Меня встречал в этих водах французский корабль, но в тумане он нас не заметил и прошел стороной, чего, весьма сожалею, не сделали вы. И вот что остается добавить: если вы доставите меня к месту моего назначения, я вас щедро отблагодарю за труды и проявленную заботу.

– Во Францию? – переспросил шкипер. – Нет, сэр. Это никак невозможно. Но в ваши родные края, извольте, доставлю. Это мы еще успеем обтолковать.

Тут, к сожалению, шкипер заметил, что я стою и слушаю в углу каюты, и тотчас отослал меня в камбуз²² принести джентльмену ужин. Надо ли говорить, что я обернулся единым духом. Войдя в каюту, я увидел, что незнакомец снял с себя пояс с деньгами и, развязав его, бросил на стол две гиней. Шкипер поглядел на гиней, потом на пояс, потом на его обладателя и, мне показалось, пришел в волнение.

– Половину этого, и я к вашим услугам! – воскликнул он.

Незнакомец быстро смахнул со стола гиней и, положив их обратно в пояс, повязал его под камзол.

¹⁹ Якобитами называли сторонников шотландской королевской фамилии Стюартов, католиков по вероисповеданию. Названы так по имени короля Якова Второго.

²⁰ Имеется в виду самое крупное и последнее восстание шотландских якобитов 1745–1746 гг. за престол.

²¹ Красные мундиры носили английские солдаты.

²² Камбуз – корабельная кухня.

– Я, кажется, говорил вам, сэр, ни один пенс не принадлежит мне. Это деньги предводителя нашего клана. – При этих словах он гордо заломил шляпу. – Я был бы нерадивым посыльным, если бы поскупился толикой этих денег и не довез в целости остальное. Но я оказался бы последним негодяем, канальей, если бы столь дорого оценил свою голову. Тридцать гиней за высадку на ближайший берег или же шестьдесят, если доставите меня в Линни-Лох. Решайте, это мое последнее слово. Если вам этого не довольно, что ж, весьма сожалею, вы же и прогадаете.

– Ах так! – сказал Хозисон. – А если я выдам вас кому следует?

– Вы поступите весьма опрометчиво, – отвечал незнакомец. – Да будет вам известно, что, как и у всякого честного дворянина в Шотландии, земли моего вождя конфискованы. Его имение прибрал к рукам некто, именующий себя королем Георгом, а собирают доходы чиновники, вернее, пытаются собирать. Но, к чести Шотландии, бедные арендаторы еще не забыли своего вождя, который томится в изгнании. Эти гиней составляют часть той ренты, которую с нетерпением ожидает король Георг. Так вот, сударь, судите сами (вы кажетесь мне человеком смышленным): вы привозите эти деньги туда, где рыщут чиновники, и что же, спрашивается, вам от них останется?

– Гроши, что правда, то правда, – отвечал Хозисон и, подумав, сухо примолвил: – Если они узнают, но ведь могут и не узнать. Придержи я только язык за зубами...

– Превосходно, но я-то выведу вас на чистую воду. Придумано хитро, но я-то вас похитрее. Как только меня возьмут под стражу, я не стану скрывать, что за деньги я вез.

– Что ж, хорошо, я согласен. Шестьдесят гиней – и дело с концом. Так что, по рукам?

– По рукам, – сказал дворянин, и они обменялись рукопожатиями. Затем шкипер удалился (мне показалось, довольно поспешно), и я остался наедине с незнакомцем.

В те времена, когда свежи еще были в памяти события сорок пятого года, многие дворяне-изгнанники, невзирая на грозившую им смертную казнь, приезжали тайком на родину, чтобы повидаться с друзьями и родственниками, а иногда и затем, чтобы собрать себе некоторое вспоможение. Что касается вождей кланов, лишенных своих владений, то приходилось нередко слышать, что их арендаторы, случалось, отказывали себе во всем, лишь бы отослать им денег, а их сородичи, дабы собрать эту сумму, совершали дерзкие переходы под самым носом у королевских войск и, перевоза ее, проплывали сквозь строй великого сторожевого флота нашей державы. Конечно, все это я знал из рассказов, но вот предо мною был человек, которого ожидала смертная казнь не только за контрабанду и участие в мятеже, но за еще более тяжкий проступок, ибо служил он французскому королю Людовику! Сверх того (хотя казалось бы, куда уж больше) на нем был пояс с золотыми гинейми. Каково бы ни было мое мнение об этом человеке, я не мог не взирать на него с нескрываемым любопытством.

– Так, стало быть, вы якобит? – сказал я, подавая ему ужин.

– Да, – отвечал он, принимаясь за трапезу. – А ты, судя по твоему печально вытянутому лицу, не иначе как виг?

– Да так, ни то ни се, – сказал я, не желая досадить ему своим ответом, хотя на самом деле я был вигом, насколько, конечно, мистеру Кэмпбеллу удалось из меня такового сделать.

– Иными словами, ничто, – улыбнулся он. – Однако послушайте, мистер Ни-то-ни-се, эту бутылку уже осушили. Будет весьма прискорбно, если с меня возьмут шестьдесят гиней и еще вдобавок изморят жаждой.

– Погодите минуту, я схожу за ключом, – сказал я и вышел на палубу.

Туман еще больше сгустился, волны почти утихли. Поскольку определить наше точное местонахождение не было никакой возможности, а ветер, каким бы слабым он ни был, не мог удерживать на верном курсе, мы были вынуждены лечь в дрейф²³. Несколько матросов по-

²³ Лечь в дрейф – расположить паруса так, чтобы судно оставалось почти неподвижным.

прежнему прислушивались к бурунам, но шкипера и помощников среди них не было. Они стояли на шкафуте²⁴ и с жаром совещались о чем-то. Не знаю отчего, но мне показалось, что замышляют они недоброе. И точно, подойдя ближе, я услышал слова, которые подтвердили мои подозрения.

Говорил мистер Райч, который после некоторого раздумья, казалось, напал на нужную мысль:

– А нельзя ли нам как-нибудь выманить его из каюты?

– Нет уж, пускай остается там, – возразил шкипер. – В каюте довольно тесно, там шпагою не размахнешься.

– Да, но и взять его будет не просто.

– Отчего же. Попытаемся отвлечь его разговором, зайдем с боков. А не выйдет, так чего проще: ворвемся в двери. Он и опомниться не успеет.

При этих словах меня охватил страх, но его заглушила ненависть к моим похитителям, жадным, вероломным убийцам. Я хотел было убежать, но жажда мести придала мне решимости.

– Господин шкипер, – воскликнул я, – джентльмен в каюте просит вина, а в бутылке ничего не осталось. Позвольте ключ, я подам ему другую.

Все трое вздрогнули и обернулись.

– Ба! Вот случай достать оттуда оружие! – воскликнул мистер Райч и обратился ко мне со словами: – Послушай, Дэвид, ты ведь знаешь, где хранятся у нас пистолеты?

– Дэвид знает, – ответил за меня Хозисон. – Дэвид славный малый. Видишь ли, Дэвид, мой мальчик, этот дикий горец очень опасен, он тут на судне натворит бед. И к тому же он враг королю Георгу. Да хранит Господь нашего короля.

Никогда прежде на «Ковенанте» мне не оказывали такого внимания. Я отвечал согласием, как будто все, о чем они только что говорили, было для меня в порядке вещей.

– Вся беда в том, – пояснил шкипер, – что все огнестрельное оружие находится в каюте, у него под носом. Там же и порох. Если я или кто-либо из моих помощников станет у него на глазах собирать оружие, он явно заподозрит недоброе. Другое дело ты, Дэвид. Что тебе стоит прихватить пару пистолетов да рог с порохом. Он тебе и слова не скажет. Если ты это дело умно обделаешь, я уж как-нибудь о том не забуду, когда там, в Каролине, ты вспомнишь про добрых друзей, а друзья-то твои далеко.

Тут мистер Райч что-то прошептал ему на ухо.

– Это вы верно, сэр, изволили заметить, – сказал шкипер и обратился ко мне: – Запомни, Дэвид, у этого человека имеется пояс с золотом. Так вот, и тебе кое-что из него перепадет. Слово тебе даю.

Я отвечал, что готов исполнить его поручение, хотя у меня едва доставало духу говорить с этим человеком. Шкипер дал мне ключ от винного рундука, и я тихо пошел к каюте. Что же мне делать, раздумывал я. Воры и негодяи, они похитили меня и везут на чужбину. Они убили бедного Рэнсома. Так неужели мне им потворствовать? Пособничать им в еще одном убийстве? Но с другой стороны, было страшно. Смерть, неминуемая смерть ожидала меня, ибо разве могли устоять один человек да юнец, будь они даже храбры как львы, против всей команды.

В смятении вошел я в каюту и увидел при свете лампы моего яkobита, неспешно поедающего свой ужин. Я взглянул на него и вмиг решился. Нет, не моя заслуга в том, я ни на что не решился, но совершенно невольно, движимый некою силой, подошел к незнакомцу и, положив ему на плечо руку, спросил:

– Вы хотите, чтобы вас убили?

²⁴ Шкафут – часть верхней палубы между фок-мачтой и грот-мачтой.

Он вскочил и устремил на меня вопросительный, полный недоумения взгляд.

– Здесь все убийцы! – вскричал я. – Они убили юнгу. Теперь пришел и ваш черед.

– Так-так! Однако ж прежде им надо будет меня одолеть, – сказал незнакомец и, оглядев меня с любопытством, воскликнул: – А ты? Ты за меня?

– Да, за вас. Я не хочу быть вором, я не хочу запятнать себя кровью. Я буду держать вашу сторону!

– О, ваше имя, юноша?

– Дэвид Бальфур, – отвечал я и, подумав, что обладатель столь изысканного кафтана, несомненно, привык к порядочному обществу, почел нужным прибавить: – Бальфур из Шоса.

Ему же и в голову, видимо, не пришло усомниться в моем ответе – горцы привыкли видеть цвет своего дворянства прозябающим в нищете. Но поскольку поместья у него, разумеется, не было, то мои слова уязвили ребяческое тщеславие, коим в избытке был наделен этот человек.

– Я из рода Стюартов, – приосанясь, объявил он. – Алан Брек – честь имею представиться. Довольно того, что я принадлежу к королевскому роду, и, хотя имя мое звучит просто, я не прибавляю к нему названий унавоженных ферм, которых у меня нет.

И, отпустив эту колкость, как будто решалось дело первейшей важности, он приступил к обсуждению наших возможностей.

Шкиперская каюта сбита была на славу, так прочно, что ей не страшны были даже морские валы. Из пяти проемов ее войти можно было лишь в световой люк и две двери. Двери можно было закрыть наглухо; были они из крепкого дуба, с крюками, так что при случае их можно было и запереть. Одну дверь я уже запер и хотел было приняться за другую, но Алан остановил меня.

– Дэвид, – сказал он, – к сожалению, не могу припомнить название твоего поместья, а потому осмелюсь называть тебя попросту Дэвид, – эта открытая дверь – лучшее средство защиты в моей стратегии.

– А не лучше ли будет все же закрыть ее?

– Ни в коем случае! – воскликнул Алан. – Видишь ли, у меня, как известно, одно лицо. И коль скоро эта дверь останется открытой, а я буду стоять лицом к ней, то главные неприятельские силы окажутся прямо передо мной, чего я им и желаю.

Затем после тщательнейшего осмотра он взял с козел кортик (кроме огнестрельного оружия, там было несколько кортиков) и, покачав головой, заметил, что отроду не видал таких скверных клинков.

Тогда он усадил меня за стол и велел заряжать все пистолеты, снабдив меня пороховницей и сумкою с пулями.

– Позволю себе заметить, – сказал он, – человеку благородного происхождения эта работа куда больше к лицу, чем скрести тарелки и подавать вино неотесанным морякам.

С этими словами Алан стал посредине каюты, лицом к двери, обнажил свою шпагу и сделал выпад, как бы желая удостовериться, можно ли фехтовать в каюте.

– Придется только колоть, – покачав головой, сказал он. – А право, жаль. Я не смогу показать вполне свое фехтовальное искусство и наносить им удары сверху, которые мне особенно удаются. А теперь дозаряди пистолеты и слушай меня.

Я отвечал готовностью. Сердце мое стеснила тревога, во рту пересохло, в глазах потемнело. Мысль, что многочисленный неприятель скоро ворвется в каюту, повергала меня в трепет. Море, плещущее за бортом, куда в скором времени, не успеет еще заняться рассвет, выбросят мое охладелое тело, пронеслось невольно перед моим мысленным взором.

– А каковы силы неприятеля, интересно узнать? – спросил Алан.

Я подсчитал, но в голове у меня была такая сумятица, что пришлось пересчитать еще два раза.

– Пятнадцать человек, – наконец проговорил я.

Алан присвистнул:

– Что ж, делать нечего. А теперь слушай меня внимательно. Я буду оборонять дверь, где предстоит главная баталия. Ты в это дело не вмешивайся. И прошу в эту сторону не стрелять, стреляй только тогда, как увидишь, что я упаду. Уж лучше иметь перед собою десятерых противников, чем позади союзника, который, того и гляди, прострелит тебе спину.

Я сказал, что стрелок я и вправду скверный.

– Браво! Достойный ответ! – вскричал он в восторге от моего чистосердечия. – Немногие из храбрецов решились бы на такое признание.

– Однако, сэр, позади нас еще одна дверь, они могут ее выломать.

– Верно. Эту дверь ты возьмешь на себя. Как только зарядишь пистолеты, полезай на эту койку – оттуда лучше приглядывать за окном. А начнут ломиться в дверь – стреляй без промедления. Что ж, сударь, пора вам набираться солдатского опыта. Что ты еще должен оборонять?

– Люк. Но право, мистер Стюарт, надо иметь глаза на затылке, чтобы не выпускать из виду и люк, и дверь. Если я повернусь лицом к двери, то не замечу, как они полезут в люк.

– Верно, но уши-то у тебя для чего?

– И вправду! – воскликнул я. – Я услышу, как разобьется стекло.

– Ты не лишен некоторой сообразительности, – мрачно сказал Алан.

Глава 10. Осада шкиперской каюты

Между тем время мирных бесед кончилось. На палубе долго ждали моего возвращения и, не дождавшись, решили проверить, в чем дело. Не успел Алан договорить, как в открытых дверях показался шкипер.

– Стоять! Ни с места! – крикнул Алан и направил на него острие шпаги.

Шкипер остановился, но не дрогнул, не отпрянул назад.

– Обнаженная шпага? – усмехнулся он. – Станный ответ на гостеприимство.

– Знаете ли вы, кто перед вами?! – вскричал Алан. – Я потомок королей! У меня королевское имя. На моем гербе – дуб. Видите эту шпагу? Она отправила на тот свет столько виггов, сколько вам по пальцам не пересчитать. Зовите шайку ваших приспешников, сударь, и нападайте. Чем скорее начнется дело, тем скорее вы почувствуете вкус моего стального клинка.

Шкипер ничего не сказал Алану, но зловеще взглянул поверх его плеча на меня.

– Я припомню тебе это, Дэвид, – проговорил он сквозь зубы, и от его голоса у меня по спине пробежала дрожь.

С этими словами он удалился.

– А теперь, – сказал мне Алан, – гляди в оба, держись, сейчас начнется.

Он вынул из ножен кинжал и оставил его в левой руке на случай, если его противникам удастся проскочить под поднятой шпагой. С тяжелым сердцем я влез на койку, прихватив заряженные пистолеты, и растворил окно. Из окна видно было лишь небольшую часть палубы, но для наблюдения этого было достаточно. Волны спали, ветер совсем утих, паруса даже не трепетали, на бриге царила мертвая тишина. Но вот послышался приглушенный говор, а через несколько мгновений отрывистый звон упавшего кортика. Как видно, в неприятельском стане раздавали оружие. Затем все опять стихло.

Боялся ли я? Не знаю, как выразить мое тогдашнее чувство. Сердце мое билось, точно у птицы, мелкою, учащенной дрожью, перед глазами все плыло, мутнело, меркло; я протираю глаза, но снова все на миг затемнялось. Была ль у меня надежда? Да нет, никакой, лишь мрак отчаяния и лютное ожесточение на весь белый свет – чувство, одушевлявшее меня желанием продать свою жизнь как можно дороже. Помню, я попытался молиться, но страшный сумбур, мельтешение мыслей, что обыкновенно бывает при стремительном беге, – все это рассеивало и поглощало слова молитвы. Нет, одного я хотел, одного жаждал, чтобы дело началось поскорее и поскорее уж кончилось.

И оно началось – я едва опомнился. Топот, рев толпы, а затем воинственный крик Алана, звон стали и чей-то надсадный вопль – вопль раненого. Я обернулся и увидел в дверях мистера Шуэна, скрестившего свой клинок со шпагой Алана.

– Это он убил юнгу! – воскликнул я.

– Назад! К окну! – прокричал Алан, и не успел я оборотиться, как его клинок пронзил помощника шкипера.

Настало время и моим действиям. Едва я повернулся к окну, как мимо с топотом пробежало пятеро, таща запасной рей, чтобы таранить дверь. Никогда прежде не доводилось мне держать пистолета, стрелял я раз или два из ружья, но чтобы стрелять в человека... Я и помыслить о том не мог. Однако рассуждать было нечего: теперь или никогда. Они уже были у двери, рядом, раскачивали рей.

– А-а, получайте! – вскричал я и выстрелил через окно в самую гущу нападавших.

Как видно, пуля не прошла мимо: один застонал, попятился; остальные пришли в замешательство. Не успели они опомниться, как я снова выстрелил – пуля прожужжала над их головами, а после третьего выстрела, хотя я и промахнулся, матросы бросили рей и обратились в бегство.

Я обернулся и окинул взглядом каюту. Все заволочло пороховым дымом, в ушах моих звенело от грохота выстрелов. Но Алан стоял, как и прежде; шпага его была в крови, а сам он был так преисполнен торжества победы и застыл в такой гордой позе, что походил на изваяние триумфатора. Перед ним на четвереньках медленно оседал мистер Шуэн; изо рта у него хлестала кровь, бледное лицо искажено было судорогой. Тут его подхватили и выволокли из каюты за ноги. Вероятно, в эту минуту он испустил дух.

– Принимайте вашего вига! – воскликнул Алан и, обернувшись ко мне, осведомился о моих победах.

Я сказал, что кого-то ранил, похоже шкипера.

– А я уложил двоих. Нет, мало еще крови. Вот увидишь, они снова повалят. К окну, Дэвид. Пока это только глоток вина перед трапезой.

Я вернулся на свое место, перезарядил три пистолета и стал дожидаться.

Наши враги находились поблизости. Они стояли на палубе, с жаром споря о чем-то. Среди плеска волн я расслышал несколько слов.

– Шуэн испортил все дело, – проговорил один голос.

– Э, приятель, он свое уж сполна получил.

После этого голоса вновь понизились, загудели, только теперь большею частью говорил один человек, как бы излагая план действий, ему отзывались коротко, сперва один, потом другой голос – они выражали готовность. Из всего этого я заключил, что готовится новый приступ, и поспешил предупредить Алана.

– Молю Бога, чтоб они поскорей начали, – сказал он. – Если мы не отвадим этих гостей, нам в эту ночь не уснуть. Но на сей раз держи ухо востро. Дело будет жаркое.

Пистолеты были наготове, оставалось только слушать и ждать. В суматохе боя мне недосуг было рассуждать, страшно мне или нет; теперь же в грозовой тишине страх подступил с удвоенной силой и нераздельно овладел всем моим существом. Мысль об острых клинках, о холодной, отточенной стали была неотвязна; и вскоре, как только послышались во тьме крадущиеся шаги, шорох матросских курток, ползущий вдоль стены каюты, и стало ясно, что наши враги становятся по местам, страх мертвою хваткой сдавил мне горло.

Шаги удалились к двери, которую оборонял Алан, и я уже было решил, что мое участие в деле кончилось, как вдруг кто-то тихо спрыгнул на крышу каюты прямо над моей головой.

В следующий миг раздался пронзительный свист боцманской дудки. То был сигнал наступления. В дверь с разбегу ударили, она зашаталась – целая ватага с кортиками в руках штурмовала ее. В ту же минуту световой люк разлетелся вдребезги и в каюту свалился матрос. Не успел он вскочить на ноги, как я приставил к его спине дуло и уж готов был выстрелить, но, прикоснувшись к живому телу, ощутил трепет. Я замер на месте, не в силах ни спустить курок, ни броситься прочь.

При падении мой противник выронил кортик и теперь, ощутив пистолет между лопаток, повернулся в прыжке и схватил меня за плечи, проревев жуткое ругательство. И тут, то ли собравшись с духом, то ли от ужаса, я пронзительно завизжал и выстрелил ему в грудь. Матрос захрипел и упал как подкошенный. В ту же секунду голову мою задела ноги другого противника, который завис в люке. Схватив второй пистолет, я выстрелил ему в бедро. Тот вмиг отцепил руки и рухнул на тело своего товарища. Хотя я стрелял не целясь, о промахе не могло быть и речи; я только и мог, что приставить дуло и выпалить, зажмуря глаза.

Не знаю, сколько времени я простоял бы, пораженный случившимся, если б не крик Алана. Мне показалось, он звал меня на помощь.

Алан долго оборонял дверь, сдерживая натиск толпы, но одному матросу все-таки удалось проскочить под шпагой и обхватить его спереди. Алан левой рукой пырнул его кинжалом, но матрос висел, как пиявка. Тут, размахивая кортиком, в каюту прорвался второй противник.

В дверях колыхались разъяренные лица. Толпа наседала, казалось, что мы погибли. Схватив кортик, я устремился на неприятеля с фланга.

Но помощь моя была уже не нужна. Противник, повисший на Алане, наконец-то упал, а Алан отпрянул назад и, испустив яростный рев, точно бык, с разбегу ринулся в гущу матросов. Толпа отхлынула в обе стороны, смешалась и обратилась в бегство. Шпага Алана сверкала, как ртуть, разя направо и налево, и после каждого взмаха слышался вопль раненого. Я думал, что мы погибли, но и опомниться не успел, как вдруг вижу: наши враги бегут, а за ними по пятам Алан. Он гнал их по палубе, точно стадо баранов.

Погоня длилась недолго. Осторожность Алана, по-видимому, нисколько не уступала его отваге, и вскоре он вернулся в каюту. А между тем паника продолжалась, матросы кричали, как будто их настигают. Мы слышали, как они, отпихивая друг друга, рвались в кубрик и наконец захлопнули за собой люк.

Шкиперская каюта походила на бойню: трое убитых внутри, один тяжелораненый в предсмертной агонии на пороге, и только мы с Аланом, победители, живы и невредимы.

Алан подошел ко мне с распростертыми объятиями.

– Дай обниму тебя, друг! – вскричал он, крепко обнял меня и поцеловал в обе щеки. – Дэвид, душа ты моя! Ты для меня как брат. Страсть как люблю тебя! Ну что, каково?! – прибавил он в восторге чувств. – Каков я боец, а?!

С этими словами он повернулся к поверженным врагам и проткнул каждого из них шпагой, а затем принялся выволакивать из каюты. Выпихивая мертвецов за дверь, он насвистывал, напевал вполголоса, точно пытаюсь припомнить забытую песню, вернее сказать, не вспоминал, а сочинял новую. Лицо его горело румянцем, глаза сверкали, как у пятилетнего ребенка, получившего в подарок игрушку. Вскоре он уселся прямо на стол, положив шпагу на колено, мелодия звучала все звонче и звонче, и наконец послышался зычный бас. Полилась гэльская песня.

Привожу ее в переводе, увы, не в стихах, по части которых, признаться, я не большой мастер, но, по крайней мере, почти слово в слово, ибо слышал я эту песню не один раз и слова ее были мне истолкованы. Это песня о шпаге Алана.

Кузнец сковал ее,
Огонь закалил,
И теперь сверкает она в руке Алана Брека.

Было много яростных глаз,
И сверкали они тут и там,
Много рук направляли они,
А шпага была одна.

Пятнистые олени взбираются на холм,
Их много, а холм один.
Прошли олени – и след простыл,
А холм – холм стоит.

Прилетайте ко мне с вересковых холмов,
Прилетайте с морских островов,
О, всевидящие орлы,
Будет вам здесь пожива!

Должно заметить, что в этой песне, которую сложил он в честь нашей победы, несправедливо замалчивается мое участие в схватке. Мистер Шуэн и еще пятеро были кто убит наповал,

кто тяжело ранен. Причем двое из них, те, что пролезли в люк, пали от моей руки. Еще четверо были ранены, из них один, ни много ни мало шкипер, ранен был мною. Так что мой вклад в дело был не так уж мал, и я вполне мог бы претендовать на скромное место в поэтическом творении Алана. Но поэтов по большей части занимают рифмы, а что до языка, именуемого прозой, то тут, нужно признать, Алан расточал мне комплиментов гораздо больше, нежели я того был достоин.

В ту минуту я пребывал в полнейшем неведении относительно несправедливости, оказанной моим боевым заслугам, потому что не знал ни одного слова по-гэльски. К тому же, не успела еще смолкнуть песня, я, шатаясь, побрел к койке, чтобы перевести дух после долгого напряжения, сумятицы жаркого боя и, сверх того, непередаваемого ужаса, овладевшего мной при виде кровавых последствий моих стараний. На душе у меня был камень, дыхание спирало, мысль о двух убитых мною матросах терзала душу неотвязным кошмаром. И вдруг, совершенно непроизвольно, тело мое содрогнулось, и я заплакал, зарыдал, как малый ребенок.

Алан потрепал меня по плечу и сказал, что я настоящий храбрец и что теперь мне нужно только лечь и хорошенько выспаться.

– Я покамест покараулю, а ты поспи. Я тебе стольким обязан, Дэвид. Я не променял бы тебя на весь Аппин, да что там, на весь Бредалбейн!

Я постелил себе на полу и прилег, а Алан, вооружившись пистолетом, положив шпагу на колено, сел сторожить у двери. Ровно через три часа по шкиперским настенным часам он разбудил меня, и уже я должен был три часа охранять его сон. К концу моей стражи начало светать, волны мерно покачивали корабль, а с ним покачивались и кровавые лужи на полу каюты. По крыше застучали капли дождя. Никаких происшествий за время моей стражи не случилось. Слышно было, как стучит румпель²⁵, из чего я заключил, что в команде не нашлось даже рулевого. Действительно, как я потом узнал, убитых и раненых оказалось так много, а остальные пребывали в таком унынии, что шкиперу и мистеру Райчу приходилось сменять друг друга на вахте столь же часто, как нам с Аланом, в противном случае бриг отнесло бы к берегу и мы или б разбились, или сели на мель. Но благо ночь выпала тихая; как только пошел дождь, ветер спал. Слышались стонущие крики чаек, во множестве круживших над бригом, из чего я понял, что мы, по-видимому, недалеко от берега, вероятно, где-нибудь у Гебридских островов. Распахнув дверь, я увидел справа по борту скалистые утесы Ская, а за кормой остров со странным названием Рам²⁶.

²⁵ *Румпель* – рычаг для управления рулем.

²⁶ *Скай* и *Рам* – острова у северо-западных берегов Шотландии в составе Гебридских островов. «Рам» по-английски означает «ром».

Глава 11. Шкипер идет на уступки

Часов в шесть утра мы с Аланом сели завтракать. Пол каюты был усыпан битым стеклом и так залит кровью, что, глядя на нее, у меня пропадал всякий аппетит. Но в остальном мы находились в положении не только удачном, но, я бы даже сказал, забавном. Мы вытеснили шкипера и его помощника из каюты и завладели всеми судовыми напитками, а также провизией, включая и маринады. Уже это само по себе обстоятельство не могло не радовать. Смешнее всего было то, что два самых горьких пьяницы, каких способна только произвести природа Шотландии (мистер Шуэн был, как известно, мертв), сидели теперь запершись в кубрике, осужденные довольствоваться тем, что более всего ненавидели, – холодной водой.

– Погоди, они скоро дадут о себе знать, – сказал Алан. – Человека можно удержать от драки, но от бутылки его ничем не удержишь.

Разговор оживился. Алан беспрестанно изъяслял мне свою любовь и в пылу восторженных чувств, схватив со стола нож, отрезал от своего кафтана серебряную пуговицу и преподнес ее мне в дар.

– Эти пуговицы перешли мне в наследство от отца, Дункана Стюарта, – пояснил он. – Я дарю ее тебе в память о наших подвигах. Где бы ты ни очутился, покажи эту пуговицу, и тотчас к тебе на помощь придут друзья Алана Брека.

Он сказал это так, словно был Карлом Великим и повелевал многочисленным войском. Признаюсь, как я ни восхищался отвагой Алана, у меня неизменно возникало опасное желание подтрунить над его чрезмерным тщеславием. Я потому говорю «опасное», что, не сдержав улыбки, тут же возникла бы ссора, исход которой был бы для меня роковым.

Как только мы позавтракали, Алан устремился к шкиперскому рундуку и, после продолжительных поисков достав из него платяную щетку, принялся наводить лоск на мундир, счищая кровавые пятна с такой педантической тщательностью, с какою разве что женщина может приводить в порядок свой туалет. Правда, другого мундира у Алана не было, к тому же, по его словам, мундир принадлежал королевскому роду, а стало быть, и заботе о нем подобало быть королевской. Однако, заметив, с какою бережностью отдирает он нитки от того места, где была отрезана пуговица, я оценил по достоинству его подарок.

Между тем, пока он приводил в порядок мундир, меня окликнули с палубы. Это был мистер Райч, пришедший на переговоры. Прихватив пистолет, я пролез через световой люк на крышу и, придав своему лицу выражение бесстрашия и невозмутимости (хотя ужасно боялся порезаться осколками стекла), приветствовал в ответ мистера Райча и предоставил ему слово. Он подошел к каюте и вскочил на бухту каната, так что подбородок его оказался вровень с крышей. Несколько мгновений мы обменивались молчаливыми взглядами. Мистер Райч, не проявивший рвения в стычке, пострадал незначительно: он отделался лишь царапиной на щеке. Тем не менее, проведя всю ночь на ногах, то занимаясь ранеными, то неся вахту, он имел измученный, сильно помятый вид.

– Скверная вышла история, – покачав головой, наконец произнес он.

– Мы к этому отнюдь не стремились, – отвечал я.

– Шкипер хотел бы переговорить с твоим другом. На худой конец, он подойдет к окну.

– Но как мы узнаем, не замыслил ли он недоброе?

– Нет, Дэвид, не такие у него на уме мысли. Даже если б он и задумал недоброе, говорю тебе сущую правду: матросы бы за ним не пошли.

– Неужели?

– Скажу тебе больше, – продолжал мистер Райч. – Не только матросы, но даже я. Я боюсь, Дэви, – проговорил он с грустной улыбкой. – Мы хотим только одного – спровадить твоего приятеля как можно скорее.

Я спустился вниз и передал наш разговор Алану. Согласие на переговоры было дано и подкреплено с обеих сторон словом чести. Но миссия мистера Райча этим не ограничилась. Он стал выпрашивать коньяку, да с такой настойчивостью, так улещивая и вымаливая, не преминув при этом напомнить о своих заслугах передо мной, что я в конце концов сжалился и дал ему четверть пинты²⁷ в кружке. Он с жадностью сделал глоток и понес кружку в кубрик, вероятно чтобы поделиться остатком со шкипером.

Через несколько минут к окну по договоренности подошел шкипер. Он стоял под дождем, угрюмый, бледный, с рукою на перевязи, и казался таким постаревшим, что сердце мое защемило от жалости и мне стало совестно, что я стрелял в него.

Увидав шкипера, Алан направил на него пистолет.

– Уберите эту штуку! – воскликнул Хозисон. – Разве вам не довольно моего слова? Или вы желаете оскорбить меня, сэр?!

– Сударь, – отвечал Алан, – я весьма сомневаюсь в верности вашего слова. Давеча вы ловчили и торговались, как уличная торговка. Вы и тогда дали мне слово, мы пожали друг другу руки, и что из этого вышло? Да пропади оно пропадом, ваше честное слово, черт бы его побрал!

– Довольно, – оборвал его шкипер. – Ваша брань ни к чему хорошему не приведет. – (Должно заметить, что шкипер, к чести своей, никогда не бранился.) – Поговорим лучше о другом, – продолжал он с горьким укором. – Вы изрядно попортили мой бриг, у меня почти не осталось людей для работы, моего старшего помощника, без которого я как без рук, вы так просверлили, что он Богу не успел помолиться. Мне ничего другого не остается, как повернуть в Глазго, чтобы набрать людей, и там в порту, сэр, смею вас уверить, найдутся охотники поговорить с вами.

– Да неужели? – усмехнулся Алан. – Клянусь честью, я поговорю с ними. Если в городе есть хоть один человек, понимающий по-английски, я расскажу забавный анекдот. Пятнадцать дюжих молодцов против двух джентльменов, да и то один из них почти дитя. Э, любезный, да вас засмеют.

Хозисон вспыхнул, но промолчал.

– Нет, сударь, – продолжал Алан. – Меня это не устраивает. Вы высадите меня на берег, как мы и договаривались.

– Да, но мой старший помощник мертв, а почему он мертв – кому, как не вам, знать. Из всей команды только он один знал этот берег. А должен заметить, он для судов чрезвычайно опасен.

– Извольте, на ваше усмотрение, – сказал Алан, – высаживайте меня в Аппине, в Ардгуре, в Морвене, в Арисэге, в Мораре, короче, где вам будет угодно, но не далее тридцати миль от моих родных земель, исключая, пожалуй, земли Кэмпбеллов. Мишень, как видите, велика. Если вы и тут промахнетесь, то, стало быть, вы не только скверный боец, но и негодный моряк. Да у меня на родине люди на рыбацких плоскодонках переплывают от острова к острову! При чем в любую погоду, даже ночью!

– Плоскодонка не бриг, сэр. У нее и осадки-то никакой.

– Что же, плывите в Глазго, коли вам так этого хочется. По крайней мере, будет над кем посмеяться.

– Мне совсем не до смеха, сэр. К тому же ваша прихоть будет стоить денег.

– Однако, сударь! Я на ветер слова не бросаю и никому не позволю бросать! Тридцать гиней за высадку на берег и, наконец, шестьдесят, если доставите меня в Линни-Лох.

– Но взгляните же, сэр, где мы находимся. Отсюда до Арднамуркана пять часов хода. Дайте мне шестьдесят золотых – и я вас там высажу.

²⁷ *Пинта* – мера объема жидкости, около 0,6 л.

– А я должен истаптывать башмаки и, чего доброго, угодить к красным мундирам ради вашей блажи! Не выйдет, сударь! Желаете получить шестьдесят гиней, так извольте их сперва заработать – высаживайте меня там, где я указал.

– Но это значит рисковать бригом, сэр, а с ним, заметьте, и вашей же собственной жизнью.

– Что же, я готов рисковать.

– Смогли бы вы провести нас? Хоть как-нибудь указать путь? – с нахмуренным видом спросил шкипер.

– Гм, сомневаюсь. Я скорее солдат, в чем вы сами уже убедились, нежели лоцман. Впрочем, меня часто подбирали в этих водах и высаживали в здешних местах, так что в общих чертах я путь знаю.

Шкипер покачал головой и еще больше нахмурился.

– Не потеряй я так много денег в этом злополучном рейсе, – проговорил он, – я скорей отправил бы вас на виселицу, чем стал рисковать бригом. Но пусть будет по-вашему. Как только будет благоприятный ветер, а я уверен, что он скоро задует, мы пойдем, куда вы хотите. Но есть еще одно обстоятельство: мы можем встретить королевский флот, и тогда нас возьмут на abordаж. Вдоль берега ходят сторожевые суда; вы сами знаете, кого они там высматривают. Может, вы заплатите мне сейчас?

– Сударь, – спокойно отвечал Алан, – если завидите вымпел, ваше дело поскорей удирать. А теперь вот что: я слыхал, что в кубрике терпят лишения. Предлагаю обмен: бутылка коньяку на два ведра воды.

Сия последняя статья договора была соблюдена в точности и без проволочек, и мы с Аланом наконец-то отмыли пол, очистив каюту от следов наших кровавых деяний; меж тем как шкипер и мистер Райч тоже были по-своему рады, ибо вновь перед ними было вино.

Глава 12. Я узнаю о рыжем лисе

В то время как мы отмывали каюту, с северо-востока потянул бриз, небо расчистило и дождь перестал.

Тут я должен кое-что пояснить вам, а для вящей ясности предлагаю посмотреть на карту. В тот день, когда пал туман и мы наскочили на лодку Алана, бриг проходил через пролив Литл-Минч. На рассвете после баталии мы попали в штиль к востоку от острова Канна, точнее, между ним и островом Эриска, находящемся в цепи Лонг-Айлендских островов. Чтобы прямым курсом добраться оттуда до Линни-Лоха, нужно было идти через узкий пролив Малл. Но у шкипера карты не было, и он боялся зайти так далеко вглубь между островов. Он предпочел с попутным ветром обогнуть Тайри с запада и выйти к южному берегу большого острова Малл.

Ветер не менял направления, более того – крепчал. К полудню поднялось волнение, которое шло из-за Внешних Гебридских островов. Наш курс – а мы намеревались обогнуть Внутренние Гебриды – лежал на юго-запад, так что сначала волна была у нас на траверзе²⁸ и бриг сильно качало. Но уже к ночи, когда, обогнув оконечность Тайри, мы повернули к востоку, волна пошла в корму.

Между тем утро, до начала волнения, выдалось довольно приятное. Ярко светило солнце, тут и там взору открывались скалистые островки. Растворив двери каюты с обеих сторон – ветер дул прямой, в корму, – мы с Аланом сидели, покуривая шкиперские трубки, и рассказывали друг другу свои приключения. Слушать Алана было тем более интересно, что я наконец-то составил определенное представление о диком крае, именуемом Горной Шотландией, на берег которой мне предстояло сойти. В то время, всего лишь несколько лет спустя после восстания горцев, человеку, ступавшему на горную тропу среди зарослей вереска, бесполезно было сперва подумать, прежде чем решиться на столь опасное предприятие.

Желая расположить Алана к откровенной беседе, я первый начал рассказ о своих злоключениях. Он выслушал меня с вниманием и сочувствием. Лишь однажды, когда я упомянул доброго моего друга мистера Кэмпбелла, Алан вспыхнул и в гневе вскричал, что ненавидит всех, принадлежащих к этому роду.

– Но отчего же? – возразил я. – Мистер Кэмпбелл такой человек, которому не зазорно подать руку.

– Не знаю, что я мог бы подать человеку, носящему имя Кэмпбелл! Но вот пулей его угостить готов. Будь моя воля, я бы их всех перестрелял, как тетеревов. Умирать буду – одно у меня желание: успеть бы доползти до окна и всадить напоследок пулю в какого-нибудь Кэмпбелла.

– Но право, Алан, отчего вы так ненавидите Кэмпбеллов?

– Отчего? Ты прекрасно знаешь, что я Стюарт, один из аппинских Стюартов, а Кэмпбеллы уже давно разоряют и опустошают мой край. Они вероломно захватывали наши земли – не в честном бою, нет, обманом, подлостью!

И тут в порыве гнева он стукнул кулаком по столу. Я сохранил полную невозмутимость и, уж конечно, не стал оспаривать его мнение, ибо знал, что подобные пылкие речи обыкновенно говорят побежденные.

– А доносы, подлоги, торгашеские уловки на каждом шагу – и всё под видом законности! Да разве этого мало?!

– Я весьма сомневаюсь, Алан, что вы, с такой легкостью разбрасывающий пуговицы от своего мундира, могли быть хорошим судьей в этих делах.

²⁸ *Траверз* – направление, перпендикулярное курсу судна.

– А! – воскликнул он, и лицо его вновь заиграло улыбкой. – Эту расточительность вместе с пуговицами я унаследовал от моего отца, Дункана Стюарта, царство ему небесное! Он был храбрейшим из храбрецов в нашем роду, лучшим фехтовальщиком Горной Шотландии, а стало быть, и во всем мире. Я потому говорю так, что сам у него учился. Он был в числе первых, кто поступил в Черную стражу; ему, как высокородному дворянину, полагался оруженосец, который в походах носил его ружье. Вообрази: как-то раз взбрело королю в голову посмотреть на шотландское фехтование. Отобрали на состязание четверых, в том числе моего отца, и отправили в Лондон, чтобы они показали свое искусство. Пригласили их во дворец, представили королю Георгу, королеве Каролине. Весь двор собрался, Мясник Камберленд, многие прочие, этих уж я не упомяну. Так вот – два часа без роздыху длился бой. И какой! Одно заглядение! Кончили фехтовать, король встает, и хоть и был всегда отъявленный негодяй, тиран, а восхищения сдержать не смог, расчувствовался, пустился в любезности и каждому жалуется по три гинеи. И вот выходят они из дворца, дошли до привратника, тут мой отец и рассудил: коль скоро он, пожалуй, первый из дворян Горной Шотландии, кто представлен был ко двору и теперь проходит через эти дворцовые ворота, то не мешало бы дать бедному стражу дворца подобающее представление о шотландском достоинстве. Бросил ему королевскую награду, и те трое, что следом за отцом шли, тоже бросают гинеи. Так и вышли они из дворца, с чем пришли. Вся награда пошла привратнику. Есть, правда, такие умники, которые осмеливаются утверждать, что первым подал привратнику не отец мой, а кто-то другой, но это все вздор. Я-то знаю, что это был Дункан Стюарт. Ну а тому, кто посмеет в том усомниться, готов предложить выбор: можем драться на шпагах, можем на пистолетах. Да, вот какой был у меня отец, упокой, Господи, его душу.

– Судя по вашим рассказам, он не мог завещать вам большого состояния? – сказал я.

– Это верно. Кроме пары штанов, он мне ничего не оставил. Оттого я и поступил в королевскую армию. О, черное пятно в моей жизни, позор, тем более в то славное время. Вот и теперь, попади я в руки красномундирников, мне несдобровать.

– Как! Разве вы служили в английской армии?

– Служил. Благо вовремя стал под знамена правого дела. Дезертировал при Престонпансе²⁹.

Что до меня, то мне это вовсе не казалось благом. Дезертирство во время боя я считал поступком совершенно непростительным для дворянина. Но, несмотря на молодость, я был не настолько глуп, чтобы высказать Алану свое суждение.

– Да ведь вам за это полагается смертная казнь! – воскликнул я.

– Да, конечно, если меня поймут, то приговор будет краток, а веревка длинна. Но у меня в кармане лежит патент офицера французской армии. А это все-таки как-никак гарантия.

– Весьма сомневаюсь.

– Я сам иногда сомневаюсь, – сухо промолвил Алан.

– Но позвольте, как же так: вы, осужденный мятежник, дезертир, да еще к тому же служите французскому королю. Что же побуждает вас приезжать сюда? Вы искушаете свою судьбу.

– Вздор. После сорок шестого года я все время приезжаю в Шотландию и, как видишь, жив.

– Но зачем вы едете, чего ради?

– Чего ради? Как же, я тоскую по родине, по друзьям. Франция, что и говорить, страна славная, но порой мечтаешь о вереске, об оленях. И потом, у меня здесь дела. Набираю рекрутов для французского короля, а это какой-никакой, а все же доход. Но главное – это поручения моего вождя, Ардшила.

– Мне казалось, что вождя вашего клана зовут Аппин.

²⁹ В сражении при Престонпансе в 1745 г. шотландцы разбили английские войска короля Георга II.

– Верно, но Ардшиль – предводитель клана, – пояснил Алан, хотя едва ли это могло мне что-нибудь пояснить. – Видишь ли, Дэвид, он, человек столь высокого положения, потомок королей, с королевским именем, обречен теперь прозябать в захолустном французском городишке на положении частного лица. Он, которому стоило только кликнуть, и под его знамена становились четыре сотни ратников! А теперь, что бы ты подумал! Я видел своими глазами: покупает на рынке масло и несет его домой в капустном листе! Больно, да не только больно – позор всем нам, всему нашему роду и клану! А дети его, там на чужбине, надежда Аппина... Их надо ведь обучить наукам, показать, как держать шпагу! Бедные арендаторы Аппина принуждены платить подать королю Георгу, но сердца их непоколебимы. Они преданы своему вождю! Бедный народ собирает по крохам ему вспоможение, а почему? Потому что любят! Конечно, кое-кого и постращать приходится, но собирают. И мне, Дэвид, поручено перевозить эти деньги!

С этими словами он стукнул кулаком по поясу, и я услышал звон золотых гиней.

– Неужели они платят обоим?

– Да, что поделать, Дэвид.

– Как! Быть не может!

– Да, Дэвид. Этому шкиперу я, конечно, наплел, но тебе говорю правду. Да-а, просто дивишься порой, как мало требуется принуждения. И все это благодаря доброму моему родичу, другу моего отца, Джеймсу Гленскому, то есть Джеймсу Стюарту, который приходится Ардшилю единокровным братом.

Так впервые я услышал имя Джеймса Стюарта, который впоследствии, когда его приговорили к виселице, стяжал себе большую известность. Но тогда я пропустил это имя мимо ушей, я думал о великодушии горцев.

– Как это благородно! – воскликнул я. – Пускай я виг, кто знает, быть может, чуть лучше, чем просто виг, но, по-моему, это благородно.

– Да, ты виг, но ты джентльмен. В тебе говорит благородная кровь. Был бы ты из проклятого рода Кэмпбеллов, так ты заскрежетал бы зубами, услышав все это. А был бы ты Рыжим Лисом...

Алан замолк, стиснул зубы. Много свирепых лиц видел я на своем веку, но ни одно из них не могло сравниться с лицом Алана, когда заговорил он о Рыжем Лисе.

– А кто такой этот Рыжий Лис? – спросил я несколько обеспокоенно, но с нескрываемым любопытством.

– Кто такой? Что же, изволь, я тебе расскажу. Когда при Каллодене войско кланов было разбито и правое дело было погублено, когда лошади без седоков увязали в крови лучших воинов севера, Ардшиль вместе со своей семьей принужден был бежать в горы. Туго же нам тогда пришлось, насилиу мы посадили его на корабль и переправили в безопасное место. А пока он укрывался в горах, эти английские свиньи, не в силах лишить его жизни, принялись подкапываться под его права. Они лишили его всего, отобрали у клана оружие, земли. Отобрать оружие у людей, которые тридцать веков всегда ходили с оружием! Лишили их даже родной одежды, так что теперь, видите ли, даже клетчатый плед и то вменяется во грех, а за шотландскую юбку бросают в тюрьму. Но одного они не смогли уничтожить – любви! Любви и преданности, которые добрые шотландцы питают к своему вождю. И эти гиней тому доказательство! Но тут появляется этот прохвост Кэмпбелл, рыжий Колин из Гленура.

– Это его вы зовете Рыжим Лисом?

– Его, а то кого же. О, только бы мне до него добраться! – с яростью вскричал Алан. – Это все он, Рыжий Лис. Вообрази, все разузнал, выведал, заполучил от короля Георга бумаги на управление всеми землями Аппина. Сперва – так тише воды ниже травы – любезничал с Шимусом, то есть с Джеймсом Гленским, поверенным в делах моего вождя, втерся к нему в доверие. А сам тем временем все разузнал. Ну, я уж тебе о том рассказывал, как бедные аппин-

ские арендаторы работают изо всех сил, собирают вспоможение семье Ардшиля и переправляют эти деньги за море. Как ты тогда про это сказал?

– Я сказал, что это благородно, – отвечал я.

– О, в тебе благородства больше, чем его бывает у вигов! – воскликнул Алан. – Но слушай дальше. Колин Рой обо всем пронюхал, сердце его так и заныло, а черная кровь Кэмпбеллов закипела от ярости. Пьет вино и скрежещет зубами. Как так! Стюарту не дают умереть с голоду, посылают на кусок хлеба. Как бы так запустить в это дело руку и все расстроить. У-у, попадись ты мне только на глаза, Рыжий Лис, уж я тебя угощу пулей. Господь тебе не поможет!

Алан умолк на мгновение, обуреваемый яростью.

– И что, ты думаешь, он делает? Объявляет, что земля сдается внаем арендаторам. Что замыслил, подлец! Отдать землю другим фермерам, а те, мол, будут платить ему больше, чем Стюарты, Макколы и Макробы – роды, входящие в мой клан. Каково?! А Ардшиль пусть себе побирается на дорогах Франции!

– И что же из этого вышло?

Алан положил на стол потухшую трубку и обхватил руками колени.

– Что вышло? Вовек не угадаешь. Вообрази, эти самые Стюарты, Макколы и Макробы, которые и без того платили две аренды: одну по принуждению королю Георгу, а другую по природной своей доброте Ардшилю, – так вот, они согласились платить столько, сколько Кэмпбеллам и не снилось. Тот и так и этак, ищет арендаторов по всей Шотландии, от берегов Клайда до Эдинбурга, зазывает, молит, уламывает – все напрасно. Хочет извести Стюартов голодом, подлый пес!

– Да, удивительная история, Алан. Довольно странная. А все же я рад, что его оставили с носом.

– Его с носом? Плохо ты, видно, знаешь Кэмпбеллов, а уж Рыжего Лиса и подавно не знаешь. Да из него бы кровь выпустить, так чтобы по холму потекло! О, как только придет тот день, Дэвид, когда я смогу потешиться, поохотиться, никакой вереск во всей Шотландии не укроет его от моей мести!

– Однако, Алан, – возразил я, – совсем неумно, да и не по-христиански давать волю таким чувствам. Ваши слова тому, кого вы зовете Лисом, вреда не принесут, да и вам с них добра не станет.

– Весьма верное замечание, Дэвид. Что верно, то верно: от моих слов ему не убудет. А жаль, ох, жаль. Так что, совершенно с тобою согласен, исключая разве твои суждения о христианстве. Тут я имею прямо противоположное мнение. Плохой бы я был христианин, если б думал, как ты.

– Мнения мнениями, но ведь известно, что христианство запрещает мстить.

– Да, сразу видно, что учили тебя Кэмпбеллы. Хорошо бы жилось им на свете, им да таким же, как они, подлецам, если б в зарослях вереска не водились удалыцы с ружьями. Но это так, к слову. Ты спрашиваешь, что он сделал?

– Да, расскажите, прошу вас.

– Так вот, Дэвид. Не в силах избавиться от верных аппинских арендаторов законным порядком, он поклялся извести их всеми правдами и неправдами, не гнушаясь последней подлостью! Ардшиль должен умереть с голоду – вот что он задумал. А поскольку те, кто давал Ардшилю вспоможение, разумеется, не хотели уходить из родных мест, он решил согнать их силою. Раздобыл у крюкотворов-стряпчих бумаги, призвал себе на защиту красномундирников. И вот мои соотечественники, те, кто веками владел этими землями, принуждены оставить родные места, дома, где они выросли, где вспоили, вскормили их отцы и матери. И кто же придет на их место? Нищий сброд, голь перекатная. Королю Георгу скоро захочется получить свою ренту, воображаю, что за рента ему достанется, но король уж как-нибудь обойдется, а рыжему Колину что за беда. Главное для него – погубить Ардшиля, чтобы на столе у того было

пусто, чтобы детям вождя нечем было играть. Если он этого добьется, он может удалиться от дел и вернуться в Гленур победителем.

– Однако позвольте заметить, – прервал я Алана. – Если податей собирают меньше, стало быть, к этому делу приложило руку правительство. Тут не Кэмпбелла винить надо, а того, кто ему указывает. Ну, убьете вы завтра этого Колина, а что толку? Они тотчас пришлют нового управляющего.

– Да, друг любезный, в драке ты молодец, только кровь в тебе, по всему видно, вигская.

Он проговорил это, казалось, спокойно, но в его презрительном тоне чувствовалось столько желчи и злобы, что я поспешил переменить разговор, с удивлением заметив Алану, что, в то время как Горная Шотландия наводнена войсками и охраняется, точно осажденный город, ему и ему подобным удастся беспрепятственно проникать вглубь страны и без труда из нее выбираться.

– Все гораздо проще, чем ты полагаешь, – сказал Алан. – Предположим, что открытый склон холма – это дорога. Но дорога может пролегать всюду. Если видишь на пути караул, обходи стороной. И потом, всюду найдутся дома друзей, и к твоим услугам если не дом, то овин, стог сена. Наконец, запомни: когда в народе говорят, что страна наводнена войсками, то это не более как образное преувеличение. Солдат занимает на земле ровно столько места, сколько занимают подошвы его сапог. Мне довелось однажды поймать превосходную форель под самым носом у часового, а он стоял в трех шагах, на другой стороне ручья. Как-то раз я сидел в вересковых зарослях почти рядом с караульным и, поверишь ли, разучил песенку, которую тот насвистывал. Она довольно мила. Вот, послушай.

И Алан стал насвистывать мне мелодию.

– А потом, – продолжал он, – теперь не те времена, что в сорок шестом году. В стране воцарилось спокойствие. Впрочем, чему удивляться, когда у всех поголовно от Кинтайра до мыса Рат отобрали оружие. Правда, умные люди кое-что в соломе на крышах себе припрятали. Да, Дэвид, интересно знать, надолго ли это спокойствие. Думаю, что не надолго, коли такие люди, как Ардшиль, томятся в изгнании, а Рыжий Лис и его шайка попивают вино и притесняют бедных людей. Хотя трудно сказать за народ, что он вынесет, а чего не стерпит. Разве разъезжал бы сейчас Колин по разоренному краю, найдись у нас хоть один удалец, который всадил бы в него пулю.

Алан замолк и погрузился в раздумье. Долго сидел он в молчании, и с лица его не сходила печаль.

К портрету моего друга остается добавить, что Алан весьма искусно играл на разных музыкальных инструментах, в особенности на волынке, почитался меж своих соотечественников незаурядным поэтом, прочел на своем веку несколько книг, английских и даже французских, метко стрелял, недурно удил рыбу и в совершенстве владел кортиком и кинжалом, не говоря уж о шпаге. Что же касается его недостатков, то они сразу бросались в глаза, я знал их наперечет. Но худший из них – ребяческую обидчивость, склонность затевать по любому поводу ссору – при мне он всячески в себе подавлял, вероятно памятуя схватку в каюте. Мои ли доблестные заслуги были тому причиной или же то обстоятельство, что я стал свидетелем его доблести, его удали, несравнимо больших и поистине удивительных, – что именно, не могу сказать, ибо Алан, ценя высоко отвагу в других людях, все же восхищался ею преимущественно в самом себе, восхищался отвагой Алана Брека.

Глава 13. Крушение

Был уже поздний вечер, начало темнеть, как обыкновенно темнеет на севере в это время года, иными словами, было еще довольно светло, когда в дверь просунулась голова Хозисона.

– Я вот за чем, – сказал он, обратясь к Алану. – Выходите на палубу. Может быть, вы смогли бы указать нам путь?

– Это что, очередная ваша уловка? – воскликнул Алан.

– Да какие уловки! Разве не видно! – вскричал шкипер. – У меня и так голова кругом идет. Бриг в опасности!

По встревоженному выражению его лица и по резкому тону, с каким проговорил он эти слова, было видно, что шкипер не шутит и никакого подвоха с его стороны нет. Мы с Аланом поспешили на палубу.

Небо было безоблачно, дул сильный, пронизывающий ветер; вечерняя заря еще не погасла, ярко светила луна. Бриг шел круто к ветру, огибая юго-западную оконечность острова Малл, гористые вершины которого во главе с Бен-Мор, окутанной дымкой тумана, виднелись слева по носу. Хотя для «Ковенанта» курс этот был вовсе неблагоприятен, он, содрогаясь всем килем, зарываясь в волны, несясь как ошалелый, подгоняемый западной волной.

Вечер, однако, как мне показалось, не предвещал никакого шторма, и я уже начал недоумевать, что же могло так встревожить шкипера, как вдруг бриг взмыл на волне, и я услышал крик Хозисона, показывавшего куда-то направо. Вдалеке, с подветренной стороны, из залитого луною моря взметнулся какой-то фонтан, и в то же мгновение послышался глухой, стонущий рев.

– Ну, что вы на это скажете? – мрачно промолвил шкипер.

– Это риф, – отвечал Алан. – Теперь вы наконец знаете, где он находится. Что же вам еще нужно?

– Да если б тут был только один риф, – проворчал Хозисон.

Действительно, только он это сказал, чуть дальше, к югу, взвился второй фонтан.

– Что я говорил, видите?! Если б я знал, что тут рифы, если б у меня была карта да был бы жив Шуэн, которого вы отправили на тот свет, я не то что за шестьдесят монет – за шестьсот не стал бы рисковать на этих камнях бригом! Но вы-то, сэр, неужели вы не знали о рифах, вам же предстоит повести нас?!

– Полагаю, что это, должно быть, так называемые Торрэнские скалы, – промолвил Алан.

– И много их, этих скал?

– Право, сэр, я не гожусь в лоцманы, но если мне не изменяет память, они тянутся миль на десять.

Шкипер и мистер Райч значительно переглянулись.

– Но надеюсь, проход между ними есть? – вопрошал Хозисон.

– Есть, конечно. Весь вопрос: где? Впрочем, я как будто припоминаю. Кажется, он ближе к берегу.

– Вот как... Значит, придется держать круче к ветру, мистер Райч. Придется обогнуть этот край острова и подойти чуть не к самому берегу. Но тогда он закроет от нас ветер, а это каменное кладбище останется у нас под ветром. Да, отступать некуда: тут верная гибель, да и там невесть что.

С этими словами он отдал приказание рулевому, а мистера Райча отправил на формарс³⁰. Из команды на палубу вышло всего пятеро, включая шкипера и мистера Райча, – пятеро, еще

³⁰ Формарс – площадка, а на судах того времени бочка на фок-мачте.

способных исполнять свое дело, вернее, согласных его исполнять. Итак, мистеру Райчу выпало быть впередсмотрящим. Он поднялся на марс и принялся возвещать о своих наблюдениях.

– К югу сплошь рифы! – прокричал он.

И через несколько времени:

– У берега как будто пройдем!

– Что ж, сударь, – сказал Алану шкипер, – испробуем ваш путь. Только сдается мне, это все равно что доверяться слепому. Дай бог, чтоб вы оказались правы.

– Дай-то бог, – тихо сказал мне Алан. – Где я мог слышать об этом пути? Хм, уже не припомню. Ну да ладно, своей судьбы не минувешь.

Как только мы стали подходить к оконечности острова, то тут то там замелькали рифы; казалось, все море было ими усеяно. Мистер Райч поминутно кричал с марса то «право», то «лево руля». Иногда едва ли не в самый последний момент. С наветренной стороны один риф оказался так близко, что, когда на него набежала волна, палубу захлестнуло брызгами и нас окатило с ног до головы.

При свете луны рифы вырисовывались довольно отчетливо, почти как днем, и это, видимо, еще больше усиливало всеобщую тревогу. Я посмотрел на шкипера, стоящего подле рулевого. Он то и дело прислушивался, поеживаясь от холода, переминался с ноги на ногу, дул себе на руки, но лицо его сохраняло спокойное, невозмутимое выражение. Ни он, ни мистер Райч не проявили отваги в сражении, но я видел, что в своем деле они были и впрямь храбры. Это вызывало у меня тем большее восхищение, чем более я наблюдал за Аланом. Он был бледен как полотно.

– Да, Дэвид, это совсем не та смерть, о которой можно мечтать, – промолвил он.

– Не может быть, Алан. Неужели вам страшно?

– Нет, – отвечал он, облизнув обветренные губы. – Однако согласись: скверная ожидает нас участь.

К этому времени, лавируя между рифами, но по-прежнему держась круто к ветру и ближе к берегу, мы обошли Айону и начали подходить к Маллу. Приливное течение за поворотом было настолько стремительным, что бриг кидало из стороны в сторону. У руля поставили двух матросов, иногда помогал им и Хозисон. Странно было видеть, как трое рослых, дюжих моряков налегают изо всех сил на румпель, а тот, точно живое существо, упирается, не сдается, поминутно отбрасывает их назад. К счастью, рифы как будто кончились. Мистер Райч прокричал с марса, что море впереди свободно.

– Вы оказались правы, – сказал Хозисон Алану. – Вы спасли мой бриг, сэр, и при расчете я этого не забуду.

Думаю, что сказал он это вполне искренне и непременно сдержал бы свое обещание – столь дорог ему был «Ковенант».

Однако все это осталось только предположением – судьба судила иначе.

– Отверни на румб! – вдруг закричал мистер Райч. – Риф снаветру!

В то же мгновение судно подхватило приливом, паруса заполоскали, обвисли, бриг, точно волчок, развернуло к ветру и швырнуло на риф. Нас ударило с такой силой, что мы покатались кубарем, а мистера Райча чуть не вытряхнуло из бочки марса.

Я упал, но тотчас вскочил на ноги. Риф, в который мы врезались, находился вблизи юго-западной оконечности Малла, около маленького островка под названием Эррейд, что смутно вырисовывался слева по борту. Ревущие валы катили один за другим. Они подкидывали злополучный корабль, то разбиваясь вроссыпь над нашими головами, то с силой обрушивая бриг на скалу. Казалось, его вот-вот разнесет в щепы. От скрипа мачт, хлопания парусов, тяжелого завывания ветра, летящих брызг, озаренных луной, в голове моей все поплыло, смешалось, и я насилу отдавал себе отчет в происходящем.

Я увидел, что мистер Райч и матросы пытаются спустить ялик, и устремился к ним. Как только руки мои предалась работе, сознание прояснилось. Тащить шлюпку было непросто: она находилась в средней части судна и была завалена канатами, а хлещущие через борт волны принуждали нас выпускать ялик и хвататься за леера, чтобы не смыло за борт. Но медлить было не время, и мы работали изо всех сил.

Тем временем к нам присоединились раненые, те, что были способны передвигаться. Остальные, не в силах подняться с коек, отчаянно звали на помощь. Сердце мое обливалось кровью от надрывных воплей этих несчастных.

Шкипер с безучастным видом стоял в стороне. Казалось, он лишился рассудка. Держась за ванты³¹, он бормотал что-то себе под нос и издавал стон всякий раз, как корабль ударялся о риф. Бриг для него был точно родное дитя; его не трогали страдания Рэнсома, когда того били у него на глазах; когда же настал черед брига, то каждый удар судна о риф болью отзывался в его сердце.

За все то время, как мы тащили шлюпку, помню только, что, взглянув в сторону берега, я спросил Алана, что это за земля. Он ответил, что хуже и быть не может, потому что это были владения Кэмпбеллов.

Одного из раненых мы поставили наблюдать за волной и в случае опасности подавать сигналы. И вот, только мы начали спускать шлюпку, как вдруг матрос пронзительно закричал: «Крепче держись!» Уже по голосу его было ясно, что волна идет и впрямь нешуточная. И точно, накатил чудовищный вал, подбросил бриг, как скорлупку, и повалил набок. То ли матрос поздно крикнул, то ли я слабо держался, но, только бриг накренило, меня швырнуло и я полетел за борт в морскую пучину.

Я захлебнул воды, вынырнул, увидел краем глаза луну и снова начал тонуть. Говорят, в третий раз уже не всплывают – идут ко дну. Что же, должно быть, я не такой, как все, ибо тонул и всплывал я столько раз, что, право, лучше и не рассказывать. Меня захлестывало, било, швыряло, я задыхался, меня снова захлестывало, сознание мое меркло, и потому я даже не успевал почувствовать страха.

Вскоре я обнаружил, что держусь за какой-то брус и плыву вместе с ним. Волны как будто стихли, и я стал постепенно приходить в себя. Оказалось, я ухватился за запасной рей и меня отнесло так далеко от брига, что помощи ждать было нечего. Я закричал изо всех сил, но там, на судне, меня, разумеется, не услышали. Бриг еще лежал на воде, но шлюпки я не видел, впрочем, и не мог видеть – слишком велико было расстояние.

Когда я кричал, призывая на помощь, то заметил между собой и бригам широкую полосу воды, до которой валы не докатывались. Она бурлила и клокотала, серебрясь и переливаясь в лунном свете. Временами она изгибалась дугой, точно хвост гигантской змеи, временами терялась из виду, но через несколько мгновений вновь бурлила и серебрилась. Что это такое было, я не мог понять в ту минуту, и оттого страх во мне только усиливался. Теперь я знаю, что было это не что иное, как сильное приливное течение. Оно подхватило меня, понесло, швыряя из стороны в сторону, и, наконец, как бы наскуча швырять, выбросило вместе с реем в тихие прибрежные воды.

Очутившись в штилевых водах, я почувствовал, что умираю от холода. Берега Эррейда были совсем близко, при лунном свете замечались красные островки вереска, поблескивали слюдяные сланцы.

«Странно будет, однако, если я не доберусь до берега, – подумал я. – Вон он, недолго уже осталось».

Плавал я, правда, довольно скверно: Эссен в моих краях был узок и неглубок. И все же, держась обеими руками за рей, болтая в воде ногами, я скоро увидел, что кое-как подвигаюсь

³¹ *Ванта* – канат, держащий мачту с боков.

к берегу. Как ни тяжело и убийственно медленно приближался я к заветной цели, однако по прошествии часа доплыл-таки до песчаной бухты, которую окаймляла гряда скалистых холмов.

На море было тихо, не слышно было даже прибоя, с неба глядела большая луна, берег казался пустым и безлюдным. Но как-никак это была земля; и, когда наконец я нащупал дно под ногами и, отпустив рей, двинулся вброд, невозможно описать мои чувства, трудно сказать, какое из них было сильнее – усталость или благодарность судьбе за спасение... Ибо никогда прежде я не чувствовал такой смертельной усталости и не воссылал таких истовых благодарений небу.

Глава 14. Островок

Мои злключения не только не кончились, но, напротив, умножились, когда я ступил на берег. Было за полночь, и, хотя от ветра меня закрывали скалы, холодно было ужасно. О том, чтобы присесть отдохнуть, не могло быть и речи; мне казалось, что я тут же окоченею. Я снял хлюпающие башмаки и из последних сил стал ходить босиком взад и вперед по песку, похлопывая себя по груди и плечам в надежде хоть как-нибудь согреться. Не слышно было ни людских голосов, ни мычания скота, ни петушиного крика – все точно вымерло; один прибой шумел вдалеке, напоминая об опасности, которой я счастливо избежал и которая, вероятно, все еще грозила моему другу. Идти по берегу в темный предутренний час, когда вокруг не было ни души, было боязно.

Как только забрезжил тусклый рассвет, я надел башмаки и полез на вершину скалы. Тяжелое это было восхождение. Я поминутно срывался, скатывался вниз и снова карабкался, снова перепрыгивал через гранитные глыбы. Когда наконец я достиг вершины, уже рассвело. От брига не осталось и следов. По всей вероятности, его снесло с рифа и он затонул. Не видно было и ялика. Море было пустынно, на берегу ни души, ни единого дома.

Я боялся даже подумать о том, что случилось с моими спутниками. Страшно было глядеть на простирившееся вокруг безлюдье. К тому же усталость, промокшая одежда, боль и унылое посасывание в пустом животе давали о себе знать. Я двинулся на восток вдоль южного берега, надеясь набрести на жилище, где можно было бы отогреться и обсушиться, а при случае и разузнать о пропавших товарищах. На худой конец, если жилья не найдется, рассудил я, можно будет хоть немного обсохнуть на солнце, как только оно взойдет.

Довольно скоро путь мне преградил узкий залив, вдававшийся далеко в берег. Не будучи в состоянии через него переправиться, я решил его обойти. Дело это оказалось отнюдь не из легких, ведь ландшафт этих мест, как известно, горный. Не только Эррейд, но и примыкающая к нему часть острова Малла, называемая Россом, покрыта гранитными скалами, меж которых лишь кое-где пробивается вереск. Бухта мало-помалу суживалась, как я и предполагал, но потом вдруг снова пошла вширь. В полном недоумении продолжал я путь, пока не поднялся на высокий бугор. Тут только до меня дошло, что я попал на необитаемый остров и окружен со всех сторон морем.

Солнце так и не показалось. Небо заволокло, сгустился туман, и в довершение бед полил дождь. Положение мое стало плачевно.

Я стоял под дождем, содрогаясь от холода, в совершенной растерянности. Наконец меня осенила мысль, что пролив можно перейти вброд. Вернувшись назад, к месту, где он суживался, я вошел в воду, но не прошел и трех ярдов, как провалился в глубь с головой; и хотя голова моя благо осталась цела, обязан я этим скорее милосердию неба, нежели собственному благоразумию. Итак, я провалился в воду, но мокрее от этого не стал (куда уж мокрее!), зато продрог до костей. Потеряв надежду перейти пролив вброд, я почувствовал себя на грани отчаяния.

Наконец я вспомнил о рее. Если он помог мне выбраться из водоворота, то, несомненно, поможет переплыть и пролив. Воодушевленный этой мыслью, я поплелся назад, чтобы притащить спасительное орудие. Надо ли говорить, каким мучительным, тяжким был этот обратный путь. Если б меня не поддерживала надежда, я бы, конечно, не выдержал – повалился б на землю и так бы и остался лежать. То ли от морской воды, то ли от начинающейся лихорадки мне нестерпимо хотелось пить. По дороге я не раз останавливался, пил дождевую воду из луж.

Чуть живой, еле передвигая ноги, я добрался до места и увидел, что рей отнесло, но как будто недалеко. В третий раз я вошел в воду. Легкая рябь поплескивала в лицо. Ноги сводило

от холода, и я не решился идти дальше. Рей покачивался на волнах в каких-нибудь двадцати футах.

До этой минуты я еще как-то бодрился, но тут отчаяние мной овладело. Я вышел на берег, упал на песок и горько заплакал.

Дни, проведенные мной на острове, и поныне одно из самых страшных моих воспоминаний, а потому воздержусь от излишних подробностей. Во всех известных мне книгах о путешественниках, которые волею невзгод попадали на необитаемый остров, эти люди либо имели при себе многочисленный инструмент, либо, будто бы невзначай, в помощь им к берегу прибывало сундук, набитый различными полезными предметами. Мне же ничего этого не досталось. В карманах моих были одни только деньги да серебряная пуговица Алана. К тому же, выросший вдаль от моря, я имел весьма смутное представление о жизни на островах.

Я знал, например, что можно питаться моллюсками, а возле воды на камнях я обнаружил великое множество раковин, так называемых блюдечек. Не имея сноровки, я с трудом отодрал несколько штук, между тем как известно, что отбивать их надо резким движением. Были тут и другие моллюски, именуемые башенками. Иной пищи, по-видимому, не предвиделось; пришлось довольствоваться моллюсками. Поначалу с голода они казались мне даже вкусными.

Но то ли они еще не дозрели, а может, в прибрежных водах было что-то особенное, очень уж гадкое, только не успел я позавтракать, как голова закружилась, начало тошнить и не отпускало так долго, что я едва не лишился чувств. Вторая проба прошла удачнее, и силы ко мне мало-помалу вернулись. Однако предугадать последствия трапезы было решительно невозможно. Иногда все обстояло как должно, а иногда находил приступ пренеприятного, мучительного недуга. Словом, когда я ел, то не знал, какой из моллюсков повлечет за собой беду.

Весь день поливал дождь. На острове все намокло, размякло и потекло. Ночью, когда я укрылся спать между двумя валунами, ноги мои очутились в глубокой луже.

Утром я обошел остров вдоль и поперек. Ничего утешительного для себя я не обнаружил. Камни да скалы, кругом мертво, одна пернатая дичь, подстрелить которую было нечем, да множество чаек, облюбовавших неприступные утесы. Пролив, отделявший остров от Росса, который я принял было за узкую бухту, к северу расширялся, переходя затем в Айонский пролив. Неподалеку от этого места я и нашел себе прибежище. Должен признаться, не о таком доме я мечтал и раньше самая мысль о подобных лишениях повергла бы меня в слезы.

Расположился я здесь не случайно. В этой части острова стояла маленькая ветхая хижина, чем-то схожая со сторожевой будкой. Она служила ночным приютом для рыбаков, которым случалось иногда заплывать на остров. Хижина была совершенно негодная: дерновая крыша ее провалилась, стены пообветшали, так что среди валунов ночевать было не в пример лучше. Зато поблизости от нее во множестве водились моллюски. Как только спадала вода, я тотчас спешил собирать себе пропитание. Но было и другое, более важное обстоятельство, заставившее меня остановиться именно здесь. Не в силах свыкнуться с горькой участью, уготованной мне на острове, я, как затравленный, все время посматривал по сторонам в надежде увидеть приближающегося человека. С горы взору моему открывался берег Айоны: крыши домов и возвышающаяся над ними старинная церковь. По другую сторону, на низком берегу Росса, с утра до вечера клубился дымок, по-видимому из дома, что стоял в лощине.

Промокший, продрогший, обезумевшими глазами я, бывало, смотрел на этот дымок, думая об очаге, об уюте, о приятном обществе, – сердце мое не выдерживало и начинало щемить от тоски. То же чувство испытывал я и глядя на крыши Айоны. И все же, как ни терзала мне душу картина людских жилищ, где царил домашний уют, она в то же время поддерживала во мне надежду, придавала силы, побуждая глотать холодных склизких моллюсков, от которых меня мутило, спасала от ужаса одиночества, овладевавшего мной всякий раз, когда я оставался наедине с мертвыми скалами и дикими птицами, под непрерывным дождем, отрезанный от всего мира холодным морем.

Да, конечно, в душе моей теплилась надежда, ведь невозможно было себе представить, чтобы я погиб от голода и лишений на берегах родной страны, поблизости от колокольни храма и домов моих соотечественников. Но вот прошел второй день с тех пор, как я очутился на острове, а помощи все не было, хотя с утра до вечера я высматривал в Айонском проливе лодки, а на берегу Росса людей. Дождь лил не переставая. Надсадив горло от крика, вымокнув до костей, я улегся спать, утешая себя мыслью, что еще не все потеряно и что утром, может быть, повезет.

Карл II однажды заметил, что ни один климат не благоприятствует так прогулкам на свежем воздухе, как климат английский. Поистине королевское наблюдение, когда поблизости от тебя дворец, а в двух шагах наготове сменное платье. Должно быть, когда король скитался после сражения под Ворчестером, ему с погодой повезло больше, чем мне на проклятом острове. Лето было в разгаре, а небо как обложило дождем, так и не расчищало; лишь к полудню на третьи сутки погода как будто бы установилась.

Этот день полон был происшествий. Утром я увидел на острове благородного оленя с большими ветвистыми рогами. Он стоял под дождем на вершине скалы, но едва я двинулся с места, как он тотчас рысью побежал в другой конец острова. Вероятно, он приплыл с берегов Росса, пока я спал. Какая нелегкая занесла его на Эррейд, право, не знаю.

Вскоре, когда я собирал у моря моллюсков, на камень прямо передо мной упала гинея и, отскочив, полетела в море.

Возвращая мне деньги, матросы оставили себе не только добрую их треть, но в придачу и кожаный кошелек моего отца, поэтому все свое золото я носил в кармане, застегнутом на одну пуговицу. Теперь, спохватившись, я понял, что карман прохудился; но поздно было спохватываться. Точно так спешат запереть конюшню, откуда уже свели скакуна. Я уезжал из Куинс-ферри с пятьюдесятью фунтами; теперь у меня осталось лишь две гинеи да серебряный шиллинг.

Правда, вскоре на кочке я нашел третью гинею. С ней мое состояние составило в английской монете три фунта и четыре шиллинга. Нечего сказать, завидное состояние для законного наследника, обреченного умирать с голоду на необитаемом острове в отдаленных краях дикой Горной Страны.

Открытие это произвело на меня действие угнетающее. На третий день положение мое стало поистине скверное. Промокшая одежда начала гнить, в особенности поизносились чулки, сквозившие голыми дырами, руки от дождя распухли, горло было простужено, на душе тошно; моллюски мне до того опротивели, что один их вид приводил меня в дрожь.

Но самое худшее было еще впереди.

В северо-западной части Эррейда высится большая скала с видом на Айонский пролив. На вершине ее площадка. Ее-то я и избрал местом для наблюдения и большую часть времени проводил здесь: ведь не мог же я целый день топтаться на берегу. Подгоняемый дождем и тревожными мыслями, я бродил взад и вперед по берегу и поглядывал на море.

Как только солнце взошло, я, вконец обессилив от бесцельных хождений, прилег на скале посушиться. Блаженное чувство, которое я при том испытывал, едва ли поддается описанию. С появлением солнца в душе моей пробудилась надежда. Я все чаще стал поглядывать на море. К югу от скалы остров образовывал мыс, скрывавший от взора море; подойди с этой стороны к берегу лодка, я бы и не заметил ее.

Вдруг из-за скалистого мыса мелькнул коричневый парус и вынырнула плоскодонка с двумя рыбаками, она шла к Айоне. Я закричал, стал на колени и воздел с мольбой руки. Лодка была достаточно близко, и меня не могли не услышать. Я видел даже, какого цвета у рыбаков волосы, да и меня, как видно, заметили. Рыбаки прокричали мне что-то по-гэльски и дружно захохотали. Лодка, однако, к берегу не свернула, а, не замедляя хода, пошла к Айоне.

Эта злая насмешка над моими страданиями совершенно не укладывалась у меня в мыслях. Я бежал вдоль берега, перепрыгивая с камня на камень, и кричал во все горло, призывая их остановиться. Даже когда они отошли далеко и не могли меня слышать, я все кричал, умолял, воздевал руки к небу, – увы, напрасно. Сердце мое разрывалось от отчаяния. Во время моих невзгод я плакал лишь дважды: когда не смог вытянуть из воды рей и когда убедился, что рыбаки не вняли моим мольбам. В эту минуту я кричал и заливался слезами, словно непослушный ребенок, когда его наказывают за шалость. Я упал на землю, царапал ее ногтями, бил по ней кулаками. Если б можно было убивать одной только мыслью, одним страстным желанием, то рыбаки, несомненно, не дожили бы до следующего дня, а я, наверное, не писал бы сейчас эти строки.

Но гнев утих, и я поневоле обратился к моллюскам, которые, как я уже говорил, мне вконец опротивели. Конечно, мне надлежало бы попоститься, ибо вскоре мне вновь сделалось дурно. Явились прежние боли, горло распухло так, что я и глотнуть не мог. Меня так трясло, что зуб на зуб не попадал. Прибавьте к этому отвратительнейшую болезнь, которая ни на шотландском, ни на английском наречиях не имеет приличного именованья. Я думал, что это конец. Обратившись к Богу, я простил напоследок всех своих недругов – и дядю, и рыбаков – и уже приготовился к смерти, как вдруг в глазах прояснилось, мне полегчало. Я заметил, что уже сумерки, что довольно тепло и сухо и одежда моя почти высохла. Состояние мое заметно улучшилось. Возблагодарив небеса за спасение, я погрузился в сон.

На другой день (то был уж четвертый день моей островной жизни) я почувствовал, что силы мои на исходе. Но вот показалось солнце, в воздухе потеплело, а съеденные моллюски, которыми я поутру подкрепился, уже не оказали прежнего действия. Я немного приободрился.

Едва я взошел на свою скалу, как завидел вдали лодку, плывущую через Айонский пролив. Мне показалось, что она идет к острову. При виде ее я почувствовал волнение неописуемое. Неужели это те самые рыбаки, неужели они сжалились надо мной? Но если я обманулся и вновь меня ждет разочарование?.. Такое крушение надежд я бы не вынес. В суеверном страхе я отвернулся от моря и стал отсчитывать про себя секунды, покуда не сосчитал несколько сотен. Глянул на море – лодка идет к острову. Вновь отвернувшись, я принялся считать как можно медленнее и сосчитал до тысячи. Сердце мое учащенно билось, в груди щемило. Я опять поглядел на море – точно, лодка подходит к Эррейду.

Не в силах удержать волнения, я устремился на берег и, перепрыгивая с камня на камень, забежал в воду. Трудно сказать, как я при том не сорвался, не утонул, ибо, когда я остановился, камень подо мной ходил ходуном, ноги дрожали, а во рту пересохло так, что я вынужден был нагнуться и смочить горло морской водой. Тут только я наконец закричал.

Лодка стремительно приближалась. Я увидел, что это, точно, та самая плоскодонка, с теми же рыбаками. Я узнал их по цвету волос: один был рыжий, другой темноволосый. Был с ними еще и третий, судя по одежде, принадлежавший к более привилегированному сословию.

Рыбаки подошли еще ближе, и теперь до моего слуха долетала их речь. Вдруг они почему-то убрали парус, лодка замедлила ход. Сколько я ни кричал, ни молил, ближе они не подходили. Всего ужаснее было то, что третий, тот, что плыл с рыбаками, поглядывая в мою сторону, все ухмылялся и то и дело хихикал.

Наконец он встал во весь рост и, обратившись ко мне, заговорил отрывистой скороговоркой, делая мне какие-то знаки. Я ответил, что по-гэльски не понимаю. Это его, как видно, взбесило. Он закричал что-то в ответ, и у меня мелькнуло подозрение, что говорит он со мной по-английски, но только на свой, гэльский лад. Напрягая слух, я разобрал лишь одно слово «когда», повторенное несколько раз. Остальное же говорилось на гэльском, а этот язык мне понятен не более, чем греческий или древнееврейский.

– Когда? – отозвался я, давая ему тем самым заметить, что я его понимаю.

– Ну да! – повторил он несколько раз и устремил взгляд на своих товарищей, как бы говоря им: «Вот видите, я же говорю по-английски», а затем снова затараторил по-гэльски.

На сей раз я уловил фразу «спадет вода». Тут наконец меня осенила догадка. Я вспомнил, что мой собеседник показывал рукой в сторону Росса.

– Вы хотите сказать, что, когда спадет вода?.. – воскликнул я в волнении и запнулся.

– Ну да. Спадет.

Я повернулся и побежал сломя голову по камням, вдогонку летел отрывистый смех моего советчика, а я стремглав, перескакивая с камня на камень, выскочил на берег и что есть духу кинулся на другой конец острова. Не прошло и получаса, как я уже был на другом берегу. И точно, после отлива вода едва доходила мне до колен. Взойдя на берег Росса, я испустил радостный крик.

Ни один мальчишка, живущий у моря, не стал бы и дня просиживать на Эррейде, ведь Эррейд становится островом только в прилив, и дважды в сутки с него на Росс можно перейти чуть ли не посуху, в крайнем случае замочив лишь ноги. Даже я, не могший не замечать, как прибывает и убывает вода в бухте, и с нетерпением ожидавший отлива, чтобы набрать на песке моллюсков, – даже я, если бы, разумеется, хорошенько подумал, а не клял бы все судьбу, должен был о том догадаться и вовремя перейти на Росс. Неудивительно, что меня не поняли рыбаки; но то, что они каким-то немыслимым образом вникли в мое положение и взяли на себя труд воротиться, – вот это действительно удивительно. Четверо с лишним суток проторчал я на острове, мучаясь от холода и голода. Если бы не рыбаки, от меня вскоре остались бы одни кости – и всё по моей же глупости! Впрочем, я и без того заплатил за нее дорогой ценой, заплатил не только страданиями, которые были теперь позади, но и своим плачевнейшим состоянием: одежда моя превратилась в лохмотья, сам я еле волочил ноги, да еще вдобавок простудил горло.

Много глупцов и негодяев видел я на своем веку; полагаю, что рано или поздно все они получают по заслугам, только прежде все же воздастся глупцам.

Глава 15. Юноша с серебряной пуговицей

Округа, в которой я очутился, именуемая Россом, была глухая, в холмах и оврагах и мало чем отличалась от моего острова. Кругом топи, мхи, заросли вереска, скалы и валуны. Может быть, тут и были какие-то тропы, да, видно, не для меня. Путеводителями моими были только чутье и гора Бен-Мор.

Я побрел в ту сторону, откуда с острова я видел дым, и, несмотря на страшную усталость и бездорожье, к пяти или к шести часам утра добрался до дома, что стоял в лощине. Это было приземистое, длинное строение, сложенное из больших камней без раствора и крытое сверху дерном. На пригорке, перед крыльцом, обратив лицо к солнцу, сидел старик-хозяин и покуривал трубочку.

Путаясь в английских словах, он с грехом пополам дал мне понять, что мои товарищи добрались до берега благополучно и на другой день утоляли голод у него в доме.

– А был ли меж них дворянин в богатой одежде? – спросил я.

Старик отвечал, что на всех плащи были из сукна грубого, но, впрочем, один, тот, что пришел первый, имел на себе плисовые штаны, тогда как прочие показались ему матросами.

– А была ли на нем шляпа с перьями? – вопрошал я, на что старик мне сказал, что никакой шляпы он не заметил и что это так же верно, как нет ее и на мне.

Я подумал было, что Алан потерял свою шляпу, но, вспомнив про сильный дождь, решил, что мой друг, должно быть, держал ее под плащом, чтобы не намочило перья. При этой мысли я улыбнулся, отчасти радуясь счастливой развязке событий, отчасти умиляясь причудам моего друга-педанта.

Тут, придя в волнение, старик-горец хлопнул себя по лбу, воскликнув, что я, как видно, и есть тот юноша с серебряной пуговицей.

– Да, верно, – несколько удивившись, отвечал я.

– А коли так, то мне поручено вам передать, чтобы вы следовали за вашим другом, в его земли. А идти вам нужно в Торосей.

Вслед за тем он осведомился, как прошло мое путешествие. Я стал рассказывать свои злоключения. Слушай меня южанин, он, без сомнения, поднял бы меня на смех, но этот джентльмен – я потому называю его джентльменом, что манеры его были благородны, хотя наряд его был ветхий, залатанный, с прорехою на спине, – так вот, этот джентльмен выслушал меня со вниманием, с видом серьезным и сострадательным, а когда я умолк, взял меня под руку и ввел в свою хижину (дом более всего походил на хижину), где я был представлен его жене так, словно была она королева, а я по меньшей мере герцог.

Добрая женщина, с милой улыбкой, усадила меня за стол, поставила передо мной овсяный хлеб, остывшую жареную куропатку и, продолжая улыбаться, ободрительно похлопала меня по плечу (ибо по-английски она не говорила), а старый джентльмен с неменьшей любезностью приготовил тем временем пунш. Я с усердием ел, а когда попробовал пунш, то почувствовал себя на вершине блаженства. Дом, едва ль не насквозь пропахший торфяным дымом, сквозивший щелями как решето, казался мне сказочным дворцом.

Пунш сильно меня разгорячил, и меня потянуло в сон. Добрые хозяева уложили меня спать; только на другой день пополудни отправился я в дорогу. Горло мое приметно поправилось, да и настроение духа под воздействием добрых известий и щедрого угощения явно улучшилось. Несмотря на мои настойчивые просьбы, джентльмен отказался взять с меня за постой денег да еще к тому же подарил старинную шотландскую шапочку, которую, признаюсь, я поспешил хорошенько выстирать в придорожном ручье, как скоро хижина скрылась из виду.

«Если дикие горцы все таковы, – думал я, – остается лишь сожалеть, что у меня на родине не в почете такая дикость».

Мало того что я поздно вышел из дома, но еще вдобавок и заблудился, так что большую часть дня проплутал. Правда, теперь по дороге мне встречались люди. Кто возделывал свое поле – жалкий клочок земли, который, казалось, и кошку-то прокормить не мог; кто пас костлявых своих коровенок, ростом не более ослов.

После восстания национальный костюм горцев объявлен был вне закона, притом навязывали одежду Нижней Шотландии, которую горцы не признавали. По этой причине наряды здешние поражали глаз пестротой. Одни прикрывали свою наготу суконным плащом, а предписанные законом штаны на всякий случай были привязаны у них на спине; другие смастерили вместо тартана³² причудливые одеяния из разноцветных лоскутов, весьма похожие на старушечьи одеяла; иные – как были в юбках, так и остались, лишь скрепили посредине полотнище, превратив юбку в короткие штаны, наподобие тех, что носят голландцы. Однако и эти ухищрения возбранялись, и за них полагалась суровая кара, а надо сказать, что суд в те годы отправляли с усердием, дабы искоренить самый дух непокорства. Но королевские чиновники редко хаживали по этим глухим местам, и уж и вовсе редко находились здесь охотники доносить на соседей.

Нищета и впрямь здесь была беспросветная, что было, впрочем, не удивительно: восстание было подавлено, грабегам и убийствам пришел конец, и вожди кланов уже не устраивали пиры на широкую ногу, на которых собиралась чуть ли не вся округа; на дороги хлынули толпы нищих. Было их много и на моем пути, хотя я шел довольно глухими тропами. Я вновь увидел резкую разницу между Горной и Нижней Шотландией. Нищие Равнины – «законные» нищие (у которых имелась бумага) сочетали в себе дремучую неотесанность с рабской угодливостью и заискиванием. Дашь им плэк и потребуешь сдачи – и они безропотно отдадут бодль³³. Другое дело – нищие горцы. Эти держат себя с достоинством, деньги просят лишь на табак, а сдачи не дают вовсе.

Разумеется, мне было не до нищих, а нищим не до меня, но порой происходили забавные сцены. Никто не разумел по-английски, исключая разве нищих из Братства, да и те немногие весьма неохотно отзывались на мои вопросы. Сколько ни спрашивал я дорогу в Торосей, сколько ни повторял им это название, тыча пальцем во все стороны света, но, вместо того чтобы попросту указать мне дорогу, они потоками извергали на меня гэльскую тарабарщину. Я не мог понять решительно ничего, шел неизвестно куда, немудрено поэтому, что больше блуждал, нежели приближался к месту моего назначения.

Наконец около восьми часов вечера, изнуренный ходьбою, я подошел к дому, одиноко стоявшему у дороги, и, постучавшись, попросился переночевать. Слова мои успеха не возымели, и, вспомнив о всемогуществе денег, тем более в этой бедной Горной Стране, я показал хозяину гинею, зажав ее меж кончиков указательного и большого пальца. При виде гинеи хозяин, который дотоле притворялся, будто меня не понимает, и объяснялся лишь знаками, отсылая меня прочь, заговорил вдруг на чистом английском языке и согласился за пять шиллингов не только предоставить ночлег, но и проводить до Торосея.

Ночь я провел беспокойно, ожидая с минуты на минуту прихода грабителя. Но опасения были напрасны. Мой хозяин вовсе не был грабителем, это был задавленный нуждою бедняк и к тому же ужасный плут. Впрочем, нужно признать, не один он бедствовал в этих краях. Поутру выяснилось, что мы должны сделать крюк в пять миль, с тем чтобы разменять у одного «богача» мою гинею. Быть может, по здешним меркам знакомый моего хозяина и был богач, однако же в Нижней Шотландии его сочли бы нищим. Он собрал все свои деньги, перерыл весь дом, но двадцати шиллингов так и не набралось; он побежал за соседом, и наконец явился сосед и ссудил ему в долг несколько шиллингов. Один он оставил себе, объявив, что гинею

³² *Тартан* – шотландка, клетчатая национальная ткань.

³³ *Плэк* и *бодль* – мелкие шотландские монеты.

разменять не просто, а «держать ее под замком» – накладно. Впрочем, он был чрезвычайно учтив и любезен. Мы были приглашены за семейный стол; в красивой фарфоровой чаше подан был пунш, от которого мой плут-проводжатый впал в такую веселость, что о продолжении пути не могло быть и речи.

Я начинал не на шутку злиться и обратился за помощью к хозяину (звали его Гектор Маклин), который мог засвидетельствовать, что я заплатил проводнику пять шиллингов. Но Маклин, бывший уже навеселе, заметил значительно, что джентльмену не должно вставать из-за стола, коль скоро ему принесли пунш. Делать нечего, я сидел и слушал якобитские тосты, покуда застолье не захмелело и не разбрелось спать кто куда: иные по постелям, а кто, пошатываясь, и в сарай.

Поутру (на четвертый день моих походов на суше) мы проснулись, когда на часах не было и пяти, но мой проводжатый опять приложился к бутылке; лишь по прошествии получаса мы наконец-то пустились в дорогу. Но тут случилась новая неприятность.

Пока мы шли по вересковой долине, в которой стоял дом Маклина, все было как будто бы хорошо. Правда, мой проводник поминутно оглядывался назад, а на мои вопросы только посмеивался. Но едва мы завернули за холм и скрылись из виду, горец остановился и, указав на видневшуюся в отдалении гору, объявил, что там-де и находится Торосей.

– Ну и что из того, – сказал я, – вы же меня проводите.

Тут бессовестный плут объявил, что меня не понимает, и залопотал по-гэльски.

– Послушайте, любезный, – возмутился я. – Что это значит? Верно, для понимания вам нужно еще денег?

– Еще пять шиллингов, и я вас туда доставлю! – воскликнул он.

Поразмыслив немного, я предложил ему два. Он с жадностью согласился и попросил деньги вперед, «на счастье». Но вышло, однако же, не на счастье, а скорее на беду.

Двух шиллингов хватило ненадолго. Не прошли мы и двух миль, как он снова остановился и, сев у обочины, принялся стаскивать с себя башмаки с явным намерением отдыхать.

– Опять старая песня! – возмутился я. – Опять вы не понимаете по-английски?

– Не понимаю, – нагло отвечал он.

Я вскипел и в порыве гнева хотел его ударить, но горец тотчас выхватил из-за пазухи нож и проворно отполз шага на три, оскalia зубы, будто дикая кошка. Я в бешенстве бросился на него, левой рукою отвел нож, а кулаком правой ударил его в челюсть. Силы мне было не занимать, к тому же мной руководила ярость; мой же противник был человек тщедушный. Он повалился, как сноп. Нож, к счастью, отлетел в сторону.

Подхватив башмаки и оружие моего проводжатыго и пожелав ему счастливо оставаться, я зашагал прочь. На душе у меня было весело. Я посмеивался, вспоминая, как ловко отделался от мошенника. Теперь он уже не посмеет вымогать у меня деньги; башмаки, которые я у него отнял, стоили в этих краях не более двух-трех пенсов, а ходить с ножом, точнее, с кинжалом он не смел хотя бы потому, что это было запрещено законом.

Спустя полчаса я поравнялся с человеком огромного роста, в лохмотьях, который подвигался с удивительной быстротой, нащупывая дорогу палкой. Он был совершенно слеп, к тому же назвался законоучителем, что, казалось бы, должно было меня успокоить, однако лицо его, мрачное, с затаенной недоброй усмешкой, не внушало особенного доверия. Мы шли рядом, и было видно, что из кармана изодранного его кафтана выглядывает стальная рукоять пистолета. За ношение пистолета полагался штраф в размере пятнадцати фунтов, а при вторичной поимке высылали в колонии. Для чего законоучителю ходить с оружием, для каких таких надобностей пистолет слепому – этого я не мог себе уяснить.

Упоенный своею победой, я стал рассказывать о своем проводжатым, и тут тщеславные чувства взяли верх над благоразумием. При упоминании пяти шиллингов слепой издал такой изумленный возглас, что я поспешно прервал свой рассказ, умолчав о двух других шиллингах,

которые мне пришлось приплатить. Краска залила мне лицо; благо мой спутник не мог этого заметить.

– Что, я дал слишком много? – спросил я сконфуженно.

– О, не то слово. Хотите, я провожу вас до Торосея всего за стакан коньяку? К тому же вы получите удовольствие: я человек ученый и многое могу вам поведать.

Я отвечал, что не могу постигнуть, каким образом слепой может показывать дорогу. Спутник мой рассмеялся и стал уверять, что со своей палкой он видит не хуже орла.

– Уж во всяком случае на острове Малл. Здесь я каждый камень, каждый кустик знаю. – И как бы в подтверждение своих слов он принялся с усердием постукивать по сторонам палкой. – Вон, поглядите, там, в овраге, ручей, а вон пригорок, на краю его лежит камень. Дорога на Торосей вон там, у подножья холма. Видите каменистую тропу? А тут прогоняют скот, трава утоптана, а чуть подальше, как пойдет вереск, позаросла травой.

И точно, от внимания слепого не ускользнула ни одна мелочь. Я выразил удивление.

– Э, это еще что! Вы не поверите: до закона, когда в краях этих еще водилось оружие, я постреливал, и, вы знаете, очень недурно. Кстати, – с хитрой усмешкой прибавил слепой, – если у вас есть при себе пистолет, я бы вам показал, как это у меня получается.

Сказавши, что пистолета у меня нет, я поспешил отступить от слепого подальше. Видел бы он, как в эту минуту у него из кармана высовывался пистолет, поблескивая стальной рукояткой. Но на мое счастье, мой спутник был слеп и не догадывался, что пистолет мне виден, полагая, что он надежно спрятан, и продолжая притворяться, будто оружия у него нет.

Потом он хитро начал выпытывать, откуда я родом, каково у меня состояние и нельзя ли разменять у меня монету в пять шиллингов, которая будто бы у него в споране³⁴. При этом он все норовил приблизиться, а я от него увертывался. Мы шли наизволок по гуртовой дороге и, как в хороводе, менялись поочередно местами. К великому моему удовольствию, занятие это мне удавалось гораздо лучше, нежели моему партнеру; игра в жмурки меня забавляла. Законоучитель злился, злился и, разразившись гэльскою бранью, принялся колотить вокруг себя палкой в надежде сшибить меня с ног.

Тогда я дал ему понять, что у меня тоже имеется пистолет и что, если сейчас же он не оставит меня в покое и не повернет на юг, я принужден буду пустить ему пулю в лоб. Слепой сразу же присмирел и после тщетных попыток меня улестить поспешил удалиться, выругавшись на прощание по-гэльски. Я видел, как он размашистою поступью, постукивая палкой, прошел по торфяникам, потом через вересковую пустошь и наконец, обогнув холм, спустился в ложбину. Проводив его взглядом, я продолжил свой путь в одиночестве, радуясь ему несказанно больше, чем обществу моего ученого спутника. То был для меня, несомненно, день несчастливый, ибо мои провожатые, от которых я насилу избавился, оказались самыми дурными людьми, которых довелось мне встретить в Горной Стране.

В Торосее, на берегу, нашел я гостиницу, обращенную фасадом к Морвену, что находится на другом берегу пролива Малл. Хозяин ее, которого тоже звали Маклином, по всем приметам принадлежал к знатному роду. Нужно заметить, что в Горной Шотландии содержать гостиницу считается занятием куда более благородным, чем у нас, на Равнине: потому ли, что горцы чрезвычайно гостеприимны, а может быть, по причине праздности сего занятия, сопряженного с хмельными утехами. Маклин хорошо говорил по-английски и, найдя во мне в некотором роде следы образованности, проэкзаменовал меня сперва по-французски, а затем по-латыни. Во французском он скоро поставил меня в тупик, зато в латыни наши познания оказались равны, во всяком случае, я ему нисколько не уступал. Это приятное состязание нас быстро расположило друг к другу. Мы просидели до ночи за чашей пунша (точнее, я только глядел, как он пьет), покуда он не захмелел до такой степени, что начал рыдать у меня на плече.

³⁴ Споран – кошель из козьей кожи.

Я будто ненароком показал пуговицу Алана, но у Маклина она вызвала непритворное недоумение. К тому же он питал сильную неприязнь к семье и друзьям Ардшиля и, до того как напиться, прочел даже памфлет на одного из Стюартов, сложенный им на хорошей латыни, элегическими стихами, правда ужасно злобный и издевательский.

Я рассказал про законоучителя. Маклин с удивлением покачал головой, заметив, что я счастливо отделался.

– Этот человек, – пояснил он, – очень опасен. Его зовут Дункан Маккиг. Стреляет почти без промаха, даром что слепой. Часто обвинялся в разбое, а один раз даже в убийстве.

– Забавней всего, что он именует себя законоучителем, – заметил я.

– А что, он ведь и в самом деле законоучитель. А дал ему это звание Маклин из Дюарта из сострадания к его слепоте. Вот он теперь и странствует, бродит с места на место, поучает юношество, чтобы не забывало Закон Божий. Ну и, ясное дело, впадает подчас в искушение.

Наконец нагрузившись вдоволь, мой хозяин кой-как проводил меня до постели, на которую лег я в чрезвычайно приятном расположении духа. В четыре дня прошел я большую часть обширного и извилистого острова Малл, от Эррейда до Торосея, что напрямик составляет пятьдесят миль, а с моими скитаниями и все сто, и притом почти не устал. Удивительно, что под конец этого долгого перехода у меня даже прибавилось сил и я пребывал в состоянии духа куда более бодром, чем в начале пути.

Глава 16. Юноша с серебряной пуговицей. По Морвену

Из Торосея в Кинлохалин, на другой берег пролива Малл, ходит паром. Оба берега – владения могущественного клана Маклинов, и моими попутчиками в большинстве своем были Маклины. Впрочем, владельца бота звали Нийл Рой Макроб, а поскольку это было одно из имен сородичей Алана, который меня и направил к этому перевозу, мне не терпелось поговорить с Нийлом Роем наедине.

На боте, при всем народе, это было, конечно, невозможно, а подвигались мы еле-еле. Ветра не было, бот оснащен был скверно, и гребли только тремя веслами. Правда, работали гребцы с усердием, пассажиры по очереди их сменяли, и мы шли, не сбавляя хода, под неумолчный хор голосов, распевавших гэльские песни. Яркое солнце, свежий морской воздух, дружное пение, добросердечие и веселость моих спутников не могли не радовать.

Не обошлось, однако, и без печальных зрелищ. В устье Лох-Алина стоял на рейде огромный корабль. Поначалу издали он показался мне дозорным судном, которые, как известно, крейсировали в этих местах и зимой и летом, дабы препятствовать горцам вести сношения с Францией. По приближении оказалось, что судно торговое. С удивлением увидел я, что на всех его палубах толпится народ, а с берега, где заметно было густое скопление, то и дело подходят шлюпки, доставляя на судно новые партии пассажиров. Подойдя ближе, мы расслышали крики и причитания. Кричали и плакали на корабле, им вторили с берега, и все это сливалось в надрывающий душу стон. Тут только я наконец понял, что это корабль с ссыльными, осужденными плыть в американские колонии.

Когда мы подошли к судну вплотную, люди с плачем кинулись к борту, простирая руки и взывая к моим спутникам, среди которых, как оказалось, были их родственники. Не могу сказать, сколь долго длилось это прощание: все точно забыли о времени. Наконец капитан судна, как видно вконец ошалев от неумолчных рыданий, закричал, чтобы мы отвалили от борта.

Нийл приказал править к берегу, запевала затянул унылую песню, и ее тотчас подхватили на судне и на берегу. Она лилась отовсюду, горестная, словно плач по покойнику. Я увидел слезы на щеках моих спутников, плакали даже гребцы, да и я едва не заплакал – так подействовали на меня это тяжкое зрелище и печальная горская песня.

В Кинлохалине, как только сошли мы на берег, я отозвал Нийла Роя в сторону и осведомился, не из Аппина ли он родом.

– Да, из Аппина, а что вам угодно? – отвечал он с недоумением.

– Я ищу одного человека. Мне почему-то кажется, что вы знаете, где его найти. Его зовут Алан Брек.

И тут, вместо того чтобы показать Нийлу пуговицу, я с глупым видом принялся совать ему шиллинг.

Нийл вспыхнул и отпрянул назад.

– Вы меня оскорбляете! – воскликнул он. – Джентльмену не пристало так вести себя с джентльменом! Тот, кого вы ищете, ныне во Франции, но, будь он даже в моем споране, а из вас бы, как из мешка, сыпались шиллинги, я не дал бы упасть ни единому волоску с его головы!

Уразумев свою ошибку и не теряя времени на извинения, я показал пуговицу, которую держал наготове в левой руке.

– Ах, вот оно что. Что бы вам сразу не начать с этого! Коли вы и есть тот юноша с серебряной пуговицей, это меняет дело. Мне поручено указать вам дорогу. Но позвольте мне одну откровенность: есть имена, которые лучше не называть. К ним относится имя Алана Брека. И еще попрошу заметить: вперед не размахивайте в наших краях деньгами, особенно перед лицом дворянина.

Не так-то просто было принести извинения: едва ли я мог признаться, что мне и в голову не приходило полагать его дворянином, покуда он сам о том не заговорил. Что до Нийла, то он, видимо, не желал завязывать со мной дружеских сношений и хотел только поскорее от меня избавиться. Я должен был заночевать в Кинлохалине на постоялом дворе, а затем, перебравшись из Морвена в Ардгур, остановиться в доме некоего Джона Клеймура, которого уже известили о моем скором прибытии. Далее, на третий день пути, я должен был переправиться через два лоха³⁵ в Корране и в Баллахулише, а оттуда спросить дорогу к дому Джеймса Гленского, что находился в Охарне, в аппинском Дюроре.

Вы, верно, заметили, что немалую часть пути мне предстояло пройти по воде. Дело в том, что море в этих краях глубоко врежется в берег, образуя узкие, извилистые заливы, омывающие подножия скал. Мрачные и дикие пейзажи обычны для этих мест. Быть может, легко оборонять эти земли от неприятеля, но отнюдь не легкое дело по ним путешествовать.

Я получил от Нийла и другие наставления: не вступать ни с кем в разговор, всячески избегать вигов, Кэмпбеллов и особенно «красномундирников», при появлении которых немедленно сворачивать с дороги в заросли, потому что «встреча эта ни к чему хорошему не приведет». Иными словами, вести себя под стать разбойнику или ж якобитскому лазутчику, каковым, по видимому, я и казался Нийлу.

Постоялый двор в Кинлохалине представлял собой грязное и убогое заведение (ни дать ни взять – свиной хлев), полное дыма, клопов, тараканов и угрюмых горцев. Удрученный этой картиной, горько кляня себя за неучтивость по отношению к Нийлу, я полагал, что худшего невозможно себе представить, но я ошибался. Не просидел я в гостинице и получаса (вернее, не простоял, потому что я принужден был стоять в дверях, спасаясь от торфяного дыма, витавшего в комнатах), как набежала гроза, хлынул дождь, потоки воды, низвергаясь с гор, ринулись на пригорок, на котором стояла гостиница, и все потекло. Конечно, в те времена Шотландия отнюдь не славилась своими постоялыми дворами, однако можете себе представить мою досаду, когда от очага до постели пришлось пробираться едва ли не по щиколотку в воде.

Рано поутру я двинулся в путь и вскоре поравнялся с человеком небольшого роста, полным, благонамеренного и очень важного вида. Он шел не спеша, переваливаясь с ноги на ногу, и читал на ходу книгу, на полях которой он поминутно делал ногтем пометы. Его одежда, неброская, но опрятная, изобличала в нем священнослужителя.

Оказалось, что он тоже законоучитель. Не такой законоучитель, каковым был слепой с Малла, – нет, разумеется, нет. Он был послан Эдинбургским обществом распространения христианства проповедовать в здешних отдаленных краях Евангелие. Звали его Гендерленд. Говорил он на приятном южношотландском наречии, по которому я сильно соскучился за время странствий. Вскоре выяснилось, что мы родом из одних мест и еще к тому же имеем общие интересы. Добрый друг мой, эссендинский священник, перевел некогда на досуге на гэльский язык несколько гимнов и богословских сочинений, которые Гендерленд с успехом читал горцам. Кстати, книга, которую он с увлечением читал, принадлежала как раз перу мистера Кэмпбелла.

Мы сразу разговорились, а поскольку оба держали путь в Кингерлох, порешили идти вместе. По дороге мистер Гендерленд то и дело останавливался и беседовал чуть ли не с каждым, кто попадался нам на глаза, будь то путник или работник в поле; и хотя я не мог уяснить себе предмет разговора, было видно, что законоучителя здесь уважали, потому что не раз раскрывалась для него табакерка и за сим следовало дружеское угощение.

О себе я рассказал только то, что нашел возможным рассказывать, то есть все, что не касалось имени Алана Брека. Между прочим, я сообщил, что иду повидать своего родственника, который живет в Баллахулише, но про Охарн и Дюрор я умолчал, опасаясь, как бы он

³⁵ Лох (шотл.) – узкий длинный морской залив, глубоко вдающийся в сушу и образующий как бы озеро.

чего не заподозрил. Со своей стороны мистер Гендерленд поведал мне о своих делах и заботах, о здешних людях, об укрывающихся в лесах священниках и якобитах, о законе о разоружении и о многих достопримечательных событиях того времени. Взгляды законоучителя отличались умеренностью: некоторые постановления парламента он осуждал, в особенности закон, по которому за горскую одежду судили гораздо строже, чем за ношение оружия.

Выслушав его суждения, я решился спросить про Рыжего Лиса и про аппинских арендаторов, что прозвучало бы вполне естественно в устах человека, направляющегося в эти края.

Гендерленд заметил, что дело это темное, но к горцам явно несправедливы.

– Диву даешься, откуда эти несчастные берут деньги, ведь посмотреть на них – нищие, есть нечего. Простите, мистер Бальфур, не найдется ли у вас табаку? Нет? Ну и прекрасно, как-нибудь потерплю. Так о чем я сказывал? Да. Этих людей, можно сказать, довели до такого состояния. Вот хотя бы Джеймс Стюарт из Дюрора, его называют еще Джеймсом Гленским. Единокровный брат Ардшиля, вождя клана, человек уважаемый, а в какой нищете пребывает! Есть тут еще некий Алан Брек...

– А это кто таков? – с живым любопытством спросил я.

– А что ветер – поди узнай у него, куда он подует. Вот и этот: нынче здесь, а завтра смотришь – и след простыл, уже в другом месте. Ловкая бестия. Не удивлюсь, если он сейчас сидит вон за теми кустами да на нас посматривает. Виноват, нет ли у вас табаку?

Я отвечал, что нет и что он уже прежде меня о том спрашивал.

– Возможно, – сказал он со вздохом. – Странно, однако, что вы не нюхаете табаку. Так о чем я сказывал? А, Алан Брек. Да, отчаянный малый! Правая рука Джеймса. Если его поймут, то его ждет виселица, так что терять ему нечего. Если кто из клана выкажет неповиновение, зарежет тут же и глазом не моргнет. Что ему, все нипочем.

– Какие ужасные вещи вы говорите, мистер Гендерленд. Коли здесь у вас все на страхе держится, лучше и не рассказывайте.

– Э, нет, тут не только страх. А любовь, а самопожертвование, от которого нам с вами совестно сделалось бы. Нет, не скажите, есть в этом что-то возвышенное, благородное. Пусть не совсем христианское, но благородство. Тот же Алан Брек, я знаю, пользуется большим уважением. Посмотрите, сколько у нас в стране лжецов, мистер Бальфур, сколько негодяев! И в церковь как будто ходят, и мнение света к ним благосклонно, а между тем, посмотрите, они, быть может, гораздо опаснее этого безумца. Нет, у этих горцев есть чему поучиться. Но вы, верно, думаете, что я слишком долго пробыл в горах? – с улыбкой примолвил он.

Я отвечал, что отнюдь так не думаю, что многое в горцах вызывает у меня восхищение и что сам мистер Кэмпбелл, если на то пошло, тоже ведь родом из Горной Шотландии.

– Да, это правда, – согласился он. – У него прекрасная родословная.

– А что вы скажете о королевском управляющем?

– О Колине Кэмпбелле? Что ж, он сам идет на рожон.

– Я слышал, он намерен выселить арендаторов.

– Да, это верно. Но дело это, как говорится, туда-сюда и ни с места. Джеймс Гленский поехал в Эдинбург, приискал себе там стряпчего, уж конечно какого-нибудь Стюарта (они ведь все, как летучие мыши на чердаке, друг дружки держатся), словом, дело о выселении было приостановлено. Потом Колин Кэмпбелл поехал, выхлопотал себе бумагу в суде казначейства, и теперь, я слышал, первая партия переселенцев отправляется уже завтра. Причем начнут выселение в Дюроре, можно сказать, прямо у Джеймса под окнами. Нехорошо все это, неразумно. Я так, по скромному своему разумению, понимаю.

– Вы полагаете, что горцы взбунтуются?

– Оружие-то у них отобрали. Во всяком случае, таково мнение правительства. На самом деле, у многих припрятано. Правда, у Колина Кэмпбелла за спиной солдаты, а все же его

жене не позавидуешь. На ее месте я не обольщал бы себя надеждами, доколе он не вернется из этой поездки. Эти аппинские Стюарты народ лихой.

Я заметил, что в горах, как видно, нет их опаснее.

– Да нет, не скажите. В том-то вся и штука. Положим, обстригает Колин это дело в Аппине, так ведь ему еще ехать в соседние земли, в Мамор. А там Камероны. Он ведь и там королевский управляющий и везде собирается учинить выселение. Так что, мистер Бальфур, буду уж с вами до конца откровенным: если здесь ему вдруг сойдет с рук, то на второй-то раз уж не сносить головы. Камероны ему не спустят.

В таких беседах проходило наше путешествие.

Солнце было уже в зените, когда мистер Гендерленд, изъяснив удовольствие от приятно проведенного времени в обществе друга мистера Кэмпбелла, «сладкогласого певца нашего реформатского Сиона», предложил мне заночевать у него в доме на окраине Кингерлоха. Предложение это сильно меня обрадовало. Сказать по правде, мне не очень хотелось идти к Джону Клеймуру. После злополучных знакомств с проводником и паромщиком я стал побаиваться встреч с горцами. Итак, я с охотой согласился. Через час-другой мы подошли к небольшому дому, одиноко стоявшему на берегу Линни-Лоха. Солнце уже опустилось с голых вершин Ардгурских гор, но еще освещало горы в Аппине; залив походил на тихое озеро, только чайки с криком кружили у берега, нарушая величественную тишину дикого края.

Не успели мы подойти к двери, как мистер Гендерленд, к великому моему изумлению, устремился вперед, весьма неучтиво оставив меня у порога (я потому говорю «к изумлению», что всегда поражался вежливости и учтивости горцев). Он вбежал в комнату и, схватив банку и маленькую роговую ложку, принялся набивать свой нос табаком, да с таким усердием, что мне оставалось только дивиться поместительности его носа. Всласть отчихавшись, он повернулся ко мне с глуповатой улыбкой.

– Вот ведь какая оказия. Я дал обет не брать с собой табаку. Сказать по правде, большое лишение, но, как подумаешь о великомучениках благословенной Пресвитерианской церкви да и во всем христианском мире, право, стыдно становится за свою слабость.

Как скоро мы отобедали (лучшими блюдами в доме были овсянка и сыворотка), мистер Гендерленд, приняв на себя торжественно-строгий вид, объявил, что почитает своим долгом перед мистером Кэмпбеллом осведомиться о состоянии моей души и отпустить мои грехи перед Богом. Вспомнив о его пристрастии к табаку, я было усмехнулся, но вскоре от его слов на глаза мои навернулись слезы.

Доброта и скромность – эти чувства никогда не должны скудеть в наших сердцах. Не так уж часто их встретишь в нашем жестоком мире, где царят холодное равнодушие и гордыня. Но мистер Гендерленд не только был наделен этими чувствами, но обладал даром пробуждать их в других сердцах. Счастливо избегнув смертельной опасности, я, конечно, гордился в душе своими приключениями, однако ж в смирении преклонил колени перед бедным стариком, не только не устыдясь своего положения, но, напротив, гордясь им.

Перед тем как лечь спать, мистер Гендерленд достал из потайного места скудные свои сбережения, хранившиеся в земляной стене дома, и протянул мне шесть пенсов на дорожные надобности. Этот новый порыв необыкновенной его доброты растрогал меня, и я потерялся. Но он предлагал их с такой искренностью, с таким участием, что я почел неучтивым противоречить и принял деньги, оставив его при средствах более скудных, чем были у меня в ту минуту.

Глава 17. Смерть рыжего лиса

Рано утром мистер Гендерленд подыскал для меня перевозчика-рыбака. У него была своя лодка, на которой к полудню он собирался плыть к берегам Аппина.

Рыбак не посмел отказать своему духовному отцу и после некоторого колебания согласился взять меня в лодку. Таким образом, путешествие мое сокращалось на целый день и я берегал деньги, которые пришлось бы отдать за переправу на двух паромах.

Мы отчалили около полудня. День был пасмурный, небо покрылось тучами, солнце выглядывало лишь изредка. Море у берега было глубоко, было тихо, волны едва колыхались. Даже не верилось, что это море. Я попробовал воду на вкус, но она, разумеется, отдавала солью. По обе стороны лоха высились горы: голые скалы, крутые безлесные склоны, в редкий миг поблескивающие серебром рек и ручьев. Мрачным, суровым был Аппин; только Алану и его сородичам он мог внушать светлые чувства.

Чтобы дополнить эту картину, расскажу об одном случае. Вскоре после того, как мы отчалили, солнце, выглянув из-за туч, высветило на том берегу странное красное пятно, которое перемещалось в северном направлении. Мне показалось, что это солдаты в красных мундирах; по временам высвечивалось что-то блестящее, как будто сталь. Я спросил у лодочника, что бы это могло быть. Он сказал, что это, должно быть, солдаты из Форт-Уильяма, вызванные по случаю переселения арендаторов. Известие это меня опечалило. Оттого ли, что я думал об Алане, или от какого-то неясного предчувствия, но на сей раз при виде солдат короля Георга я не испытал прежнего воодушевления.

У входа в Лох-Левен мы приблизились к берегу, и я попросил рыбака меня высадить. Лодочник, честный малый, не забывший о своем обещании законоучителю, готов был везти меня до Баллахулиша, но я попросил высадить меня здесь, поскольку иначе я только бы отдалился от тайного места моего назначения. Я сошел на берег на родине Алана, поблизости от Леттерморского или, как его еще называют, Леттерворского леса.

Лес, возвышавшийся на скалистом склоне горы, состоял из берез и местами сквозил прогалинами и буграми, густо поросшими папоротником, а в глубине его проходила дорога, вернее, верховая тропа, идущая на юг и север.

Я сел у обочины возле ручья и, закусив овсяной лепешкой, погрузился в раздумье. Мысли мои омрачились не только полчищами комаров, то и дело дававшими о себе знать, но и сомнениями, внезапно мной овладевшими. Что же мне делать? Ради чего связываться мне с человеком, объявленным вне закона, с мятежником, готовым на любой шаг, даже на убийство? Не разумнее ли повернуть на юг, в родные края, не обременяя себя покровительством горца? Что подумали бы обо мне мистер Кэмпбелл и мистер Гендерленд, когда бы узнали о моем безрассудстве и самонадеянности? Эти сомнения терзали меня пуще прежнего.

Я сидел, погруженный в свои размышления, как вдруг послышались шаги, стук копыт, и вскоре из-за поворота тропы показались четверо путников, ведущих под уздцы своих лошадей. Тропа в этом месте была узка и неровна, отчего они принуждены были спешиться и вытянуться в цепочку. Впереди шел высокий дородный человек с рыжими волосами и с отменно важным, властным лицом, сильно раскрасневшимся от жары, которая его, видимо, донимала. В руке он держал шляпу и поминутно ею обмахивался. Следом шел человек в долгополом черном одеянии, изобличавшем законника. Третий, слуга, был одет если не в самый тартан, то, по крайней мере, в нечто весьма с ним схожее, клетчатое, что выдавало его гэльское происхождение и свидетельствовало о том, что либо его господин законоотступник, преследуемый королевской властью, либо, напротив, особа, облеченная властью и пользующаяся королевскими милостями, – ведь носить тартан было запрещено. Если бы я еще разбирался в геральдике, то подметил бы на тартане цвета дома Аргайлей, то есть Кэмпбеллов. Лошадь слуги была навью-

чена объемистым чемоданом и сеткой с лимонами, необходимыми для приготовления пунша. Так в горах обыкновенно путешествовали люди знатные и богатые. Что же касается четвертого, замыкавшего шествие, то это был помощник шерифа; я догадался о том потому, что уже не раз видывал ему подобных.

Не успел я увидеть этих людей, как уже невесть отчего вздумалось мне продолжать свои странствия. Когда господин с рыжими волосами со мной поравнялся, я предстал перед ним во весь рост, показавшись из папоротников, и спросил, как мне лучше добраться до Охарна.

Незнакомец остановился, смерил меня несколько странным взглядом и обратился к законнику со словами:

– Мунго, а ведь многие бы сочли это скверным предзнаменованием. Я еду в Дюрор, ты знаешь, по какой надобности, а тут из кустов выскакивает этот малый и выпытывает, куда я еду, случайно, не в Охарн ли.

– Полно тебе шутить не к месту, Гленур, – проговорил его спутник.

Они стояли друг подле друга и с любопытством меня рассматривали. Двое других оставались позади на расстоянии брошенного камня.

– А что тебе нужно в Охарне? – спросил Колин Рой Кэмпбелл из Гленура, по прозвищу Рыжий Лис, ибо это был он.

– Я ищу одного человека.

– Джеймса Гленского? – нахмуясь, проговорил Гленур и обратился к законнику: – Как ты думаешь, не собирает ли он своих людей?

– Во всяком случае, нам лучше подождать здесь, – отозвался законник. – Скоро подойдут солдаты.

– Ежели вы беспокоитесь из-за меня, – сказал я, – то, должен заметить, я ни к какой партии не принадлежу. Я честный подданный короля Георга, а более никому не обязан и никого не боюсь.

– Что ж, прекрасный ответ, – молвил управляющий. – Но хотел бы знать, что делает этот честный подданный в здешних, столь отдаленных краях и зачем ему понадобилось видеть брата Ардшиля? Я представляю здесь власть. Я королевский управитель этих земель. Под моим начальством несколько рот. Они уже на подходе.

– Говорят, вы очень круты, с вами не просто ладить, – сказал я не без некоторого раздражения.

Он поглядел на меня исподлобья, как бы с сомнением.

– Твои речи смелы, – наконец проговорил он, – но я ценю откровенность. Если б ты спросил у меня дорогу к дому Джеймса Гленского при иных обстоятельствах, я охотно бы тебе ее показал, да еще притом пожелал бы доброго пути, но сегодня... Что скажешь, Мунго? – И с этими словами он оборотился к законнику.

Только он повернулся, как сверху, с холма, грянул выстрел. Гленур пошатнулся и упал на тропу.

– Умираю, – простонал он.

Законник кинулся его поднимать; слуга, как обезумевший, в растерянности заламывал руки. Раненый переводил полный ужаса взгляд со слуги на законника.

– Позаботьтесь о себе, – наконец вымолвил он хриплым, сдавленным голосом. – Кажется, это смерть.

У него вырвался тихий стон. Он хотел расстегнуть кафтан, чтобы взглянуть на рану, но рука в бессилии сорвалась, голова запрокинулась. Я увидел, что он уже мертв.

Законник стоял как окаменелый, не говоря ни слова; лишь лицо его вытянулось и покрылось мертвенной бледностью. Слуга закричал в отчаянии и залился слезами. Помощник шерифа тотчас же после выстрела побежал за солдатами. Я же стоял в оцепенении.

Наконец законник опустил убитого на тропу, на которой багровела кровь, и, пошатываясь, стал подниматься. Тут я опомнился. Не успел он выпрямиться во весь рост, как я уже карабкался вверх по крутому склону, крича во все горло: «Держите! Держите его!»

С момента выстрела прошли считанные мгновения. Когда я взобрался на первый уступ горы, за которым открывалась небольшая прогалина, убийца был еще близко. Он был высокого роста, плечист, в черном кафтане с металлическими пуговицами. В руке у него было длинное охотничье ружье.

– Вот он! Он здесь! – закричал я.

Незнакомец бросил через плечо беглый взгляд и кинулся наутек. Через несколько мгновений он исчез за березами, вновь появился на открытом склоне и с ловкостью обезьяны полез вверх. Скоро он скрылся из виду за вершиной холма.

Я бежал за ним следом и взобрался уже высоко, как вдруг позади раздался голос, призывающий меня остановиться. Я уже добежал до берез, в которых скрывался убийца, но, услышав окрик, оборотился.

Законник и помощник шерифа, взойдя на первый уступ, кричали, делали мне знаки спуститься, меж тем как слева от них, внизу, из леса, один за другим выходили солдаты с мушкетерами наготове.

– Зачем? Я не пойду! – закричал я. – Поднимайтесь сюда! Скорее!

– Десять фунтов тому, кто поймает этого малого! – воскликнул законник. – Он соучастник. Его нарочно поставили здесь, чтобы отвлечь нас!

Эти слова обращены были к солдатам, но я услышал их со всей отчетливостью. Ужас сковал мои члены, ужас, еще мне неведомый. Одно дело – рисковать только жизнью, совсем другое – еще и честью. То было для меня как гром среди ясного неба. Я застыл на месте, словно оцепенев.

Между тем солдаты двинулись цепью; одни побежали, другие, вскинув мушкеты, стали в меня целиться. Я же стоял как ошоломленный.

– Сюда! За дерево! – раздался близ меня голос.

Рассуждать было некогда, да и не в силах я был рассуждать. Я устремился вперед. Только я забежал за березы – грянули выстрелы, и над головой у меня просвистели пули.

Передо мной с удочкой стоял Алан Брек. Не тратя времени на приветствия (до них ли нам было!), он сказал только одно слово: «Бежим», и мы пустились бежать по склону горы в направлении к Баллахулишу: впереди он, а я за ним вслед, точно овца за бараном. Мы бежали по березнику короткими перебежками, пригибаясь к земле, прячась за бугры и камни, затем, опустившись на четвереньки, ползли по вересковым прогалинам. И снова бежали – бежали во весь дух, во всю прыть. Сердце мое бешено колотилось, дыхание занималось, в голове был сумбур. Помню только, как, к удивлению моему, Алан время от времени вставал во весь рост, оглядывался, где погоня, и всякий раз далеко позади слышались оживленные крики.

Спустя минут пятнадцать Алан остановился и повалился пластом в вереск.

– Дело скверное, – повернувшись ко мне, сказал он. – Если жизнь тебе дорога, делай, как я.

И с тою же быстротой, но теперь с куда большею осторожностью мы пустились в обратный путь: поднялись вверх по склону и, обойдя солдат стороной, вернулись на прежнее место в Леттерморском лесу. Алан упал в папоротник и долго лежал ничком, еле переводя дыхание.

У меня кололо в боку, голова кружилась, во рту от жары и от бега пересохло. Я как подкошенный упал на землю возле своего товарища.

Глава 18. Разговор в Леттерморском лесу

Алан первый пришел в себя. Он поспешно встал, подошел к краю леса, тщательно оглядел местность и, возвратившись, прилег подле меня.

– Да, задали нам жару, Дэвид, – усмехнулся он.

Я промолчал, даже не поднял головы. На глазах у меня произошло убийство. В считанные мгновения оборвалась жизнь крепкого, пышущего здоровьем человека. Мне было жаль его, но не только жалость стесняла мне сердце. Погиб тот, кого Алан больше всего ненавидел, а ведь Алан, как нарочно, прятался в тот момент за деревьями, укрываясь от солдат. Его ли рука направила эту пулю, или же он только направил другого, а сам наблюдал в стороне – какое это имело значение! Так или иначе, было ясно, что мой единственный в этой дикой стране друг замешан в убийстве и руки его обагрены кровью. Он внушал мне ужас и отвращение. Мне было страшно взглянуть ему в лицо. Уж лучше дрожать как лист, одному под дождем на острове, чем в ясный день лежать в лесу рядом с убийцей.

– Что, отдышался? – прервал молчание Алан.

– Отдышался, – отвечал я, не отрывая лица от земли. – И могу теперь вам сказать: нам надо расстаться. Вы мне очень нравились, Алан. Но нам не по пути. Ваш путь – это не праведный путь. Словом, надо нам расстаться.

– Я не расстанусь с тобой, Дэвид, без веской на то причины, – мрачным голосом проговорил Алан. – Если тебе известно что-либо порочащее мою честь, прошу тебя ради нашей дружбы быть откровенным. Но если тебе попросту разонравилось мое общество, так и скажи. Я сам рассужу, почитать ли мне себя оскорбленным.

– К чему эти речи? Вы же прекрасно знаете, что Кэмпбелл мертв. Вон там, на той дороге не остыла еще его кровь.

– Слышал ли ты когда-нибудь сказку о Человеке и Добром Народе? – помолчав немного, спросил Алан. Он имел в виду гномов.

– Нет, не хочу и слушать.

– И все же, с вашего позволения, мистер Бальфур, я расскажу эту сказку. Как-то один человек потерпел крушение и был выброшен на скалистый остров, а туда, по дороге в Ирландию, порой навещался Добрый Народ. Этот островок, называемый Скерривором, находился недалеко от того места, где мы наткнулись на риф. Так вот, должно быть, этот человек так сокрушался и горевал, что не сможет перед смертью повидать своего ребенка, что король Доброго Народа сжалился и послал за ребенком гонца. Дитя привезли в мешке и положили подле человека, а тот в это время спал. И вот человек проснулся, видит – лежит мешок, а в нем что-то шевелится. А надобно заметить, что человек этот был очень мнителен, всюду мерещились ему козни, поэтому, прежде чем развязать мешок, он на всякий случай проткнул его кинжалом. А когда развязал, видит – перед ним дитя его, но уже бездыханно. Сдается мне, мистер Бальфур, что вы весьма похожи на того человека.

– Вы хотите сказать, что вы не причастны к убийству Кэмпбелла? – в волнении воскликнул я, приподнявшись с земли.

– Скажу вам по-дружески, мистер Бальфур из Шоса: если б я собирался убить какого-нибудь джентльмена, то не стал бы убивать его в Аппине, дабы не навлекать беду на моих соотечественников, и притом не ходил бы без шпаги и пистолета, с одною лишь удочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.